

DOI: 10.22378/he.2020-5-1

ISSN 2587-9286 (Print)

ISSN 2619-1636 (Online)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2020. Том 5, № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–69646
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2020, VOL. 5, NO. 1

ACADEMIC JOURNAL

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences»
(420111, Kazan, Baturin St., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ПИ № № ФС 77–69646
received from Roskomnadzor on May 2, 2017

Published twice annually

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin St., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

<http://historicaethnology.org>

E-mail: historical.ethnology@gmail.com

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2020

© «Историческая этнология», 2020

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Хакимов Рафаэль Сибгатович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Научный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Составитель выпуска: Махмутов Зуфар Александрович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов: Давлетшина Лилия Шамилевна (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Гараева Алсу Мансуровна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна (Университет штата Пенсильвании, Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация)

Данилко Елена Сергеевна (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация)

Дробижева Леокадия Михайловна (Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация)

Екеев Николай Васильевич (Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна (Университет Объединенных Арабских Эмиратов, Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуа Атсуши (Университет Симане, Мацуэ, префектура Симане, Япония)

Хотопп-Рике Миесте (Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ИСАТАТ), Магдебург, Германия)

Низамова Лилия Равильевна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ногманов Айдар Ильсурович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович (Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Российская Федерация)

Титмайер Элизабет (Музей Европейских Культур, Берлин, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна (Самарский государственный педагогический университет, Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Rafael Khakimov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

The Science Editor: Gulnara Gabdrakhmanova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Compiling Editor: Zufar Makhmutov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Tatar Editor: Liliya Davletshina (G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Managing Editor: Alsu Garaeva (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry (Pennsylvania State University, University Park, USA)

Liliya Gabdrarifkova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Marat Gibatdinov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Andrey Golovnev (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation)

Elena Danilko (N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Leokadiya Drobizheva (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Nikolay Ekeev (S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altai, Russian Federation)

Aygul Zabirova (United Arab Emirates University, Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue (Shimane University, Matsue, Shimane Prefecture, Japan)

Mieste Hotopp-Riecke (Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT), Magdeburg, Germany)

Liliya Nizamova (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Aydar Nogmanov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Radik Salikhov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

El'dar Seydametov (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation)

Elisabeth Tietmeyer (Museum of European Cultures, Berlin, Germany)

Ekaterina Yagafova (Samara State Pedagogical University, Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Теория этнического

- Суслова С.В.* Материалы к культурогенезу волго-уральских татар: ногайский компонент в структуре народного костюма.....6
- Абдуллаев Р.М.* Реформаторское движение в Поволжье и Центральной Азии в конце XIX – начале XX вв.27
- Ибрагимов М.И.* Габдулла Тукай и Николай Трубецкой: к проблеме «Тукай и евразийство»42

Этническая реальность: синхронный и диахронный анализ

- Расулова Р.А.* Роль татар в проникновении театрального искусства в Туркестан50
- Ногманов А.И.* Ново-Татарское кладбище Казани как объект историко-культурного наследия58
- Гайнутдинов А.М.* Эпиграфические памятники Казани, изученные Шихабутдином Марджани68

Микроистория и культура повседневности

- Шаблей П.С.* История татарской общины Семипалатинска75
- Махмутов З.А.* История формирования и развития татарской общины в Казахстане (на примере с. Имантау Северо-Казахстанской области)95
- Миронова Е.В.* Медицинские работники и служащие Лаишевского земства110
- Багаутдинова Х.З.* Социально-экономическое и культурное развитие татарской деревни Симетбаш (XVIII – начало XX вв.)128

Национальное образование

- Расулов А.Н., Исокбоев А.А.* Татарское просветительство и система национального образования в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.)140

ДОКУМЕНТЫ

- Самигулин И.М.* История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина151

НОВЫЕ КНИГИ

- Алимджанов Б.А.* Рецензия на монографию «А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография»180
- Рамеев З.З.* Уральский период жизни и творчества поэта в «Габдулла Тукай. Энциклопедия»185

CONTENTS

PUBLICATIONS

The theory of Ethnic

- Suslova S.V.* Materials for the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars:
the Nogai component in the structure of folk costume6
- Abdullaev R.M.* Reforming movement in the Volga Region
and the Central Asia in late 19th – early 20th centuries27
- Ibragimov M.I.* Gabdulla Tukai and Nikolai Trubetskoy:
to the problem of «Tukai and Eurasianism»42

Ethnic Reality: Synchronous and Diachronic Analysis

- Rasulova R.A.* The role of Tatars in the introduction
of theatrical art to Turkestan50
- Nogmanov A.I.* New Tatar cemetery of Kazan
as a site of historical and cultural heritage58
- Gainutdinov A.M.* Kazan epigraphic monuments
studied by Shihabutdin Marjani68

Microhistory and the Culture of Everyday Life

- Shablei P.S.* History of the Tatar community of Semipalatinsk75
- Makhmutov Z.A.* History of formation and life activity
of the Tatar community in Kazakhstan (by the case
Imantau village of the North-Kazakhstan Region)95
- Mironova Ye.V.* Medical workers
and clerical staff of Laishev Zemstvo110
- Bagautdinova Kh.Z.* The socio-economic and cultural development
of the Tatar village Simetbash in the 18th to early 20th century128

National education

- Rasulov A.N., Isokboev A.A.* Tatar enlightenment
and the system of national education in Turkestan
(late XIX – early XX centuries)140

DOCUMENTS

- Samigulin I.M.* History of one photograph.
Ups and downs of Turgai province administration
counselor, Suleyman Batyrshin's life151

NEW BOOKS

- Alimjanov B.A.* Review to monography “A.E. Schmidt: biography,
scientific correspondence, selected works, bibliography”180
- Rameev Z.Z.* Uralsk period of the poet's life and creativity
in “Gabdulla Tukai. Encyclopedia”185

Публикации

ТЕОРИЯ ЭТНИЧЕСКОГО

УДК 391

DOI: 10.22378/he.2020-5-1.6-26

МАТЕРИАЛЫ К КУЛЬТУРОГЕНЕЗУ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ ТАТАР: НОГАЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ НАРОДНОГО КОСТЮМА

С.В. Сулова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
sv_suslova@mail.ru*

Ногайский компонент в культуругенезе волго-уральских татар выявляется путем сравнительно-исторического анализа музейных источников и полевых экспедиционных материалов по народному костюму татар и тюрко-ногайских этнических образований Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Важнейшими источниками явились типологические и картографические материалы по традиционной одежде татар (Историко-этнографический атлас татарского народа) и ногайцев (Историко-этнографический атлас народов Дагестана). Наиболее ранние и ощутимые ногайские аналогии выявлены в костюмных комплексах южной группы татар-мишарей (темниковско-азеевском, лямбирском, кузнецко-хвалынском), у касимовских татар, реже у заказанских кряшен. Через степные традиции Причерноморья и Прикаспия они восходят к тюркским, тюрко-монгольским культурам Евразии, в этногенезе и культуре которых очевиден кипчако-ногайский компонент. Ногайские аналогии неслучайны и в costume сибирских, крымских татар степной подгруппы, башкир, казахов, киргизов и других тюркских народов, связанных общностью золотоордынского и последующего (ханского) периода истории, продолжающих сохранять тесные, в том числе и этнокультурные взаимосвязи.

Ключевые слова: татары, ногайцы, культуругенез, народная одежда, историко-этнографический атлас

Для цитирования: Сулова С.В. Материалы к культуругенезу волго-уральских татар: ногайский компонент в структуре народного костюма // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 6–26. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.6-26

Процесс зарождения и становления народной культуры, формирования ее основных характеристик неразрывно связан с историей формирования этнической общности. Он тесно связан и с этническими процессами, этнокультурными взаимовлияниями как внутри общности, так и за ее пределами, особенно в зонах контактного проживания с близкими этносами, каким для волго-уральских татар являются ногайцы. Известны самые различные концепции культуругенеза: религиозная, космологическая, психоаналитическая, орудийно-трудовая и др. В настоящей публикации ногайская составляющая культуругенеза волго-уральских татар исследуется на основе материалов традиционного костюма в рамках исторической концепции, которая опирается на историко-этнографические и археологические источники.

Ногайский компонент выявляется путем анализа экспедиционных [10] и музейных источников по костюму тюркских этнических образований Нижнего Поволжья, позиционирующих себя в качестве этнографических либо субэтнических групп ногайцев. Это карагаши (кундровские татары) и юртовцы – местные татары города Астрахани и татары, проживающие в селах бывшей Царевской волости Астраханского уезда, которые считают себя потомками золотоордынских татар. В качестве другого важного источника использованы ранние публикации и современная научная литература, важнейшей из которой являются типологические и картографические материалы по народной одежде Историко-этнографического атласа татарского народа [13] и аналогичные синхронные материалы по ногайцам из Историко-этнографического атласа народов Дагестана [1].

Татарский народный костюм представляет собой особую систему народного декоративно-прикладного творчества – своеобразный синтез оседло-земледельческой и степной кочевнической культуры. В наиболее развитых видах, связанных с воспроизводством костюма – кожевенное дело, золотное шитье, ювелирное искусство, закладное ткачество – просматриваются традиции и древней городской культуры. У волго-уральских татар они связаны с Казанским ханством – государством с высокоразвитыми ремесленными традициями, истоки которых уходят к городским ремеслам Волжской Булгарии и Золотой Орды.

Музейные коллекции Нижнего Поволжья

Автором изучены и проанализированы коллекции по народному костюму карагашей и юртовских «ногайских татар» из фондов Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (АКМ) и Саратовского областного музея краеведения (СКМ).

В фондах АКМ хранится коллекция одежды карагашей – более 100 предметов, включающая старинные головные уборы, нижнюю и верхнюю одежду, украшения. Она включает в себя и предметы свадебной одежды карагашской женщины. Это волосник *шлауш*, головное покрывало *тастар*,

халаты *каптал*, сапожки *ату*. Кроме того, в музее содержатся экспонаты, объединенные под наименованием «Одежда астраханских татар» (более 50 предметов), которые представляют собой элементы, а порою и целые комплексы народной одежды различных тюрко-татарских этнических образований как Нижнего, так и Среднего Поволжья. В коллекции представлены юртовцы, карагаши, поволжские татары – казанские, мишари.

В фондах АКМ обнаружена любопытная серия реконструкций старинной одежды астраханских карагашей (кундровцев), юртовцев – красочные акварели, выполненные талантливым ногайским художником С. Батыровым, анализ которых позволяет выявить не только конструктивные особенности их традиционного костюма, но и виды декоративно-прикладного творчества, используемые при его воспроизводстве. Эти эскизы-реконструкции отличаются удивительной достоверностью и точностью в изображении материалов изготовления и декоративного оформления головных уборов, обуви, украшений и аксессуаров. Они создавались художником на базе тщательного изучения научной литературы, ранних письменных и изобразительных материалов, музейных коллекций и фотографий рубежа XIX–XX вв. (рис. 1, 2).

Коллекции по одежде (вещественные и документальные) дают общее представление о всех структурных элементах костюма различных групп ногайцев Астраханского края, причем часть экспонатов имеет особую ценность в силу их четкой научной паспортизации (указания места и времени бытования предмета). К таким экспонатам относятся, в частности, материалы начала XX в. П.А. Алексеева, собранные в карагашских селах Сеитовка, Лапас (АКМ, инв. № 3608, 3464), а также этнографические коллекции XIX в. юртовских ногайцев из села Килинчи (АКМ, инв. № 10023–10025).

Коллекции СМК по количеству экспонатов, представляющих костюм и народное декоративно-прикладное искусство астраханцев, значительно уступают АКМ, но по научной ценности в ряде случаев превосходят их, поскольку они комплектовались профессиональным этнографом, сотрудником музея В.И. Трофимовым. В музее хранится собранная им в начале XX в. коллекция по народной одежде как карагашей, так и юртовцев из сел Сеитовка, Карагали, Башмаковка, Килинчи, Яксатово, Хожетаевка, Ясын-Саккан. Содержание этих коллекций также позволяет достаточно четко представить костюм астраханских ногайцев. Из головных уборов интересен карагашский волосник (СМК, инв. № 4043), головной убор вроде казахского *кимешек* (СМК, инв. № 4042), тюлевый, украшенный шелковым тамбуром *тастар* (СМК, инв. № 4016), оригинальная деталь свадебного головного убора *моезбек* (СМК, инв. № 4034). Совершенно уникальны ювелирные украшения: филигранный женский пояс (СМК, инв. № 4023) и оригинальный бархатный с металлическими накладками в форме восточного огурца нагрудник (СМК, инв. № 4023), а также бархатные сапожки *ату* (СМК, инв. № 4004).

Рис. 1. Астраханка
«кундровка». XIX в.

Фото с акварели художника
С. Батырова. АКМ

Рис. 2. Астраханка
«юртовка». XIX в.

Рис. 3. Портрет ногайца.
Фото. АКМ

Особую научную ценность, на наш взгляд, составляют привезенные В.И. Трофимовым фотонегативы (СМК, инв. № 23265), на которых запечатлены женщины и мужчины разных возрастных и социальных групп в будничных и праздничных, в том числе свадебных одеждах середины – конца XIX в. (см. цв. вкл.).

К сожалению, подобной ценной информации не удалось получить автору во время экспедиции в Астраханскую область в 1989 г. В то время традиционный костюм практически полностью вышел из быта, и представление о нем практически стерлось из памяти представителей даже старшего поколения.

Коллекции АКМ и СМК в целом дают общее представление об особенностях традиционного костюма астраханских ногайцев и связанных с ним видов декоративно-прикладного творчества.

Головные уборы. Мужские головные уборы как карагашей, так и юртовцев в плане кроя особой оригинальностью не отличались. Летом это была тюбетейка *тобытай* (*топтай*), *арахчин* и войлочная шляпа с круглой тульей и широкими полями. Тюбетейки – круглые легкие шапочки с подкладкой и с полусферическим доньшком. *Арахчин* чаще носила молодежь. Их шили из сукна и других дорогих тканей, украшали золотной канительной вышивкой, галуном или аппликацией. Зимние головные уборы: изготовленная из овчины ушанка *кулакшин* и меховая баранья шапка с круглым матерчатым или кожаным верхом и с широким околышем (рис. 3).

Более наглядно представлены оригинальные женские головные уборы – сложные и многочастные тастарные комплексы (рис. 4, 5). По форме кроя в фондах АКМ и СМК обнаружено четыре разновидности тастаров:

– треугольный *кыик тастар*. Это большая косынка по краям украшенная узкой позументной тесьмой, а со стороны лица – широкой позументной лентой. При надевании оба конца со стороны спины опускались ниже бедер. Такие *тастары* были тюлевыми, хлопчатобумажными, парчовыми. Аналог им имеется в головных уборах казанских татар *орпек* и приуральских – *кыекча* [13, с. 158];

– четырехугольный *тастар* из яркой красно-желтой парчи. С лицевой стороны он имеет широкие завязки для крепления убора на голове;

– *тастар* в виде заостренного с одной стороны (в нижней части *тастара*) пятиугольника. Убор белый хлопчатобумажный, основное полотнище имеет продольные прорезы, декорированные шерстяными нитками. В лицевой части *тастара* со стороны затылка есть вытачка (для удобства крепления на голове). В лицевой край убора плотно вшит специальный жгутик толщиной 0,3 см из коричневых и белых ниток;

– *тастар* довольно необычной формы. По внешнему виду он напоминает что-то вроде верхней туникообразной распашной одежды со специальными тесемками для крепления на голове, функционально аналогичной одной из разновидностей *жилена* казанских татар [13, с. 124]. Украшен этот убор поперечными и продольными полосами из цветного гаруса. Способ ношения за-

Рис. 4. Традиционная одежда ногайки [1, Приложение]

фиксирован на фотографии с негатива В.И. Трофимова «Женщина в головном уборе», где данное покрывало венчает комплекс свадебного головного убора карагашки (СМК, инв. № 23265/80).

Обязательными элементами тастарных комплексов были волосники в виде головных повязок или чепцов. В заметках о кундровских татарах П.И. Небольсин писал: «Женщины прячут волосы от посторонних взоров под особую легкую повязку *тумор* или *хаситэ*» [5, с. 16]. В фондах СКМ и АКМ таких повязок встретить не удалось, но нечто подобное под названием *баиш хаситэме* и *личник тастара* имеется в фондах Российского этнографического музея (РЭМ, инв. № 4653). Поверх такой повязки надевалось небольшое легкое покрывало *чимбэр*, которое прикрывало спину женщины, но не закрывало декоративно оформленную головную повязку. Поверх *чимбэр*

надевался основной элемент тастарного комплекса – большое чаще треугольное покрывало *тастар*, завершающееся особой металлической подвеской, закрывающее женщину с головы до ног. Кисейные тастары в хорошей сохранности представлены в фондах обоих музеев. Все они орнаментированы шелковой тамбурной вышивкой, нередко полихромной. Обычно это фестончатая кайма по краю убора и небольшие букетики по полю с крупным центральным узором также растительного характера.

В качестве повседневного убора использовалась небольшая сферическая бархатная шапочка, были и с меховой отделкой. Праздничная женская шапка под названием *кундуз* была достаточно высокой и оригинальной. Такой головной убор – коричневая шапка с кожаным верхом хранится в фондах АКМ (инв. № 3481). Сопоставление ранних описаний и музейных экспонатов с рассказами пожилых информаторов дает основание считать этот головной убор элементом костюма юртовцев. Художественная реконструкция костюма в комплексе с подобным убором выполнена художником С. Батыровым.

Довольно четко в музеях представлен тастарный комплекс карагашской женщины, который также включал волосник-чепец – *шлауш*. Нередко к чепцу пришивалась ткань в зависимости от достатка (лен, шелк, ситец, парча). *Шлауш* обычно бархатный, завязывался под подбородком тесемками. Его лицевая часть оформлялась множеством фигурных цепочек, монетами, специальными металлическими полыми трубочками, нанизанными на шерстяной, либо шелковый шнурок (рис. 6). Поверх *шлауш* надевали *тастар*. Тастарный комплекс впервые надевался молодой во время свадебного торжества. Непременным элементом свадебного убора карагашек было *саукеле*. Несколько таких уборов и их золотошвейные детали хранятся в фондах обоих музеев. Это высокая, цилиндрическая матерчатая шапка на плотной основе, связанная истоками, по мнению Н.П. Лобачевой (конструкция, функциональное назначение, терминология, декор и т.д.), именно с тюрко-ногайскими традициями [3, с. 146]. Украшалась она специфической золотной вышивкой и аппликацией. Твердая основа *саукеле*

Рис. 5. Городская (юртовская) ногайка на дореволюционной открытке

обтягивалась бархатом с золотой вышивкой (рис. 7). Технология шитья *нагыш*, применяемая в декоре *саукеле*, диктовала применение геометрических и сильно геометризованных антропоморфных и растительных мотивов орнамента [17, с. 121]. Золотая нить выстилалась несколькими слоями параллельных линий, закреплялась цветной нитью мелкими стежками в шахматном порядке. Верх шапки орнаментировался ромбовидными фигурами. В тот же комплекс головного убора карагашек входило и оригинальное покрывало *кимешек*, наподобие казахского, вышитого *петельным* швом в сочетании с тамбурной вышивкой характерным для степных тюрков *кускарным* орнаментом (рога барана). Надевалось *саукеле* в комплексе с оригинальной свадебной повязкой-украшением *моезбек*, который состоял из огромного множества специальных металлических пирамидальных подвесок и спиралей. Заметим, что эту весьма тяжелую подвеску приходилось носить до тех пор, пока женщина оставалась на правах младшей, т.е. до рождения 2-х – 3-х детей. *Моезбек* можно было передавать золовке при вступлении той в брак. При одевании свадебного убора волосы тщательно прятались под волосник *шлауш* либо покрывало вроде *кимешек*, затем надевалась повязка *моезбек*, затем *саукеле* и *тастар*.

Рис. 6. Женский волосник *шлауш*. Карагаши. АКМ

Рис. 7. Свадебный головной убор *саукеле*. Карагаши. АКМ

Девичьи головные уборы астраханок особым разнообразием не отличались. В раннем возрасте до подросткового времени девочки так же, как и мальчики носили тюрбетейки, «...голова у девушек повязывается двумя платками: концы одного из них распускаются назад, а другого, повязанного сверх первого, расправляются из-под бантика, проходящего спереди повыше лба; коса выпускается назад поверх платья, обвешанная разными

побрякушками; виски распускаются спереди тонкими пасьямами» [5, с. 17]. Более позднее и схожее описание способа повязывания платка у девушек-карагашек любезно предоставлено автору астраханским краеведом Г.У. Джумановой. «Яркий разноцветный платок шерстяной или шелковый перегибался на треугольник, концы его завязывались узлом на голове *чой-келеп бэйлэу*» [10]. Аналогичный способ повязывания платков *чоеп бэйлэу* известен мишарям.

Нижняя и верхняя одежда. Нижняя мужская и женская рубаха *куйлюк* была туникообразной. В зависимости от достатка ткань на женское платье выбиралась от парчи, тафты и кашемира до дешевых хлопчатобумажных тканей (АКМ, инв. № 9010, 20009). Рубахи могли быть без ворота либо с воротником-стойкой. Достаточно распространенным видом декоративного оформления женских рубах была художественная строчка, с преобладанием растительных мотивов степного характера. Платья девушек, начиная с подросткового возраста, было обычно яркого цвета (красное, синее, зеленое) и непременно имело окантовку *эдеп* по низу подола и рукавов.

Из верхней женской одежды в фондах музеев имеются образцы женской одежды под названиями *каптал* и *архалык*. *Каптал* – халат «с застежками вверху и с широкими рукавами, иногда одевают *казкей-каптал* – то же, но без рукавов» [7, с. 159]. Особенно нарядными были праздничные девичьи *капталы*. Они украшались не только рядами застежек: на них нашивалось множество монет, обычно в 3–4 ряда по манжету и полосой вдоль шва рукавов, а также по талии. Бархатные *капталы* украшались позументной тесьмой обычно в области подола (СМК, инв. № 23265/18–19).

Архалык – верхняя с подкладом одежда (рис. 8). К бортам также пришивались металлические застежки; рукав был длинный с рюшем. *Архалык* украшался каймой по рукавам и подолу. Упоминание об *архалык* и бешмете имеется в заметках П.И. Небольсина. «Поверх платья одевается кафтанчик (аркалык), который, смотря по достатку, бывает или ситцевый, или бархатный, или парчовый с серебряными на груди застежками: *бишмет* почти то же что и *аркалык*, только настегивается на вате и бывает с длинными по са-

Рис. 8. Верхняя одежда ногайки
архалык. СМК

мую кисть рукавами» [5, с. 16]. В холодное время года носили шубы, которые обычно покрывались цветными тканями.

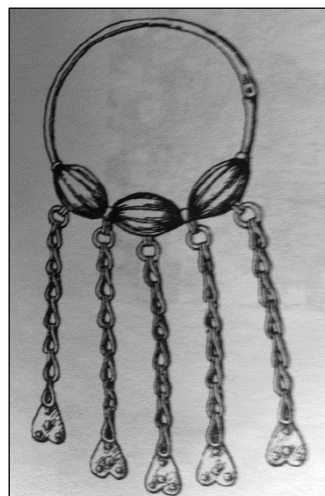
Обувь. Из обуви нередко использовались ичиги казанской работы и сафьяновые *ату*, *итэк* местного изготовления. П.И. Небольсин упоминает *ату* с бархатными голенищами и позументными оторочками. Подобная обувь имеется в карагашской коллекции Саратовского музея (СМК, инв. № 4004). Это бархатные сапожки *ату*, головка и пятка которых орнаментированы специальными металлическими украшениями вроде цепочек.

Украшения. Как и у большинства тюркских народов костюм астраханок пестрил множеством металлических и других украшений. Изготавливали их в основном местные мастера. Нередко в ногайских кочевых аулах работали дагестанские и черкесские ювелиры (рис. 9). Головные украшения в музейных фондах представлены, как видели, повязками *моезбек*, височными украшениями *шикелек* в виде полый шестилепестковой розетки (АКМ, инв. № 2003) или полукруга, украшенными сердоликом или пастовыми вставками (АКМ, инв. № 20047). Подвески снабжались тремя-четырьмя петлями для крепления их на головном уборе: в аннотации к *шикелек* (АКМ, инв. № 3622) указывается, что эта подвеска прикреплялась к шапочке карагашек. Заметим, что сходное название височных украшений *жилкэлек* бытовало у некоторых групп крещеных татар [11, с. 18]. Из ушных украшений представлены серьги, множество из них монетные. Серьги под названием *аспа* (АКМ, инв. № 20042) состоят из четырех монет: центральной двадцатикопеечной и прикрепленных к ней трех пятикопеечных монет. Вся эта композиция прикреплена к специально изготовленной металлической розетке, украшенной самоцветами и гравировкой. Подобные монетные серьги имели широкое распространение практически у всех групп волго-уральских татар. Достаточно распространенными были кольцевые серьги, трёхбусинные или трёхгнездовые (рис. 10, 11). Серьги с тремя гнездышками со вставкой из цветной пасты чаще носили пожилые женщины (АКМ, инв. № 20038). Серьги, изготовленные в более изысканной декоративной манере, украшенные филигранью (АКМ, инв. № 20027, 28059, 20775), носили женщины фертильного возраста. У астраханок кольцевые серьги использовались и как украшение лица – носовые серьги *тога*. Такие серьги крепились на центральную перегородку носа или левую ноздрю; их носили девушки-невесты с 12–13 лет. Накосные украшения были принадлежностью исключительно девичьего костюма, поскольку у женщин волосы тщательно скрывались головными покрывалами. «В девичьи косы вплетаются *шашибау* – шнур с кистью кованного серебра» [7, с. 159]. Наиболее распространенным украшением карагашских девушек был накосник в форме юрты с петлей в верхней части и несколькими петлями внизу для подвешивания цепочек (АКМ, инв. № 3608). Способ ношения таких накосных украшений зафиксирован на ранних фотографиях из экспедиций В.И. Трофимова 1929–1930 гг. Аналоги им видим в накосных украшениях народов Средней Азии и Казахстана.

Рис. 9. Женский пояс
работы дагестанских
мастеров. АКМ

Рис. 10, 11. Типы традиционных серег
[2, с. 172]

Бытовали интересные, во многом оригинальные по сравнению с волго-уральскими татарами, шейно-нагрудные украшения и аксессуары, которые нередко играли роль оберега. К таким относится позументное украшение-сумочка для молитв, напоминающая мишарскую перевязь-карманец *чанук*. Нередко их различает между собой лишь техника золотного шитья – «*нагыш*» у ногайцев и «*литой шов*» (гладь вприкреп) у мишарей (рис. 12, 13). Судя по ранним иллюстрациям, носился это предмет по типу татарских перевязей: через левое плечо под правую руку. Оригинально декорированы нагрудники астраханских женщин, функционально идентичные нагрудным украшениям волго-уральских татар. На плотную матерчатую основу нагрудника нашивалось множество застёжек в форме «восточного огурца»; надевались они поверх верхней одежды *архалык* (СМК, инв. № 4031, 4032) в отличие от татарских нагрудников, носившихся поверх рубахи. Нередко

такие застежки пришивались по бортам в верхней части самого *архалык*, заменяя таким образом нагрудник (СМК, инв. № 4007) (рис. 14). Центральное декоративное пятно женского, как и мужского наряда астраханцев,

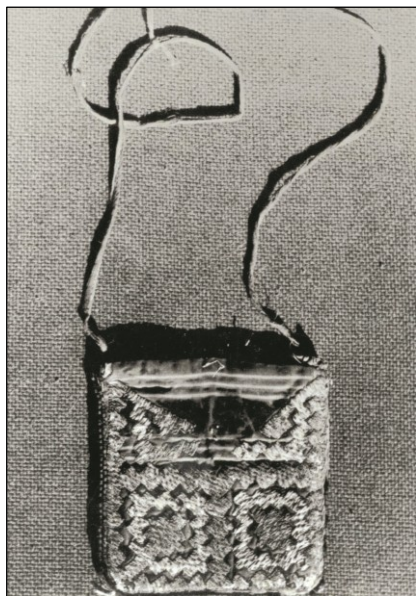

Рис. 12. Женская перевязь-амулет. Карагаши. АКМ

Рис. 13. Женская перевязь-амулет *чупук*. Кузнецко-хвалынские мишари. ПОКМ

Рис. 14. Ногайка в праздничной одежде [1, с. 126]

представлял собой матерчатый пояс *касак* с массивной металлической пряжкой и металлическими накладками или же пояс, составленный из специальных блях, скрепленных между собой шарнирами (АКМ, инв. № 3625). Накладки, бляхи пряжки поясов, искусно выполненные в технике филигранны, зерни приобретались обычно у дагестанских мастеров.

В целом коллекции АКМ И СМК вкупе с экспедиционными и письменными источниками дают необходимые для исследования сведения о структурном содержании и специфических особенностях традиционного костюма нижневолжских групп ногайцев – карагашей и юртовцев.

А

В

Б

Г

Карагашки в традиционных одеждах XIX – начала XX вв. СМК.
Материалы этнографических экспедиций В.И. Трофимова 1929–1930 гг.

А) Молодые девушки в праздничных костюмах (вид спереди)

Б) Молодые девушки в праздничных костюмах (вид сзади)

В) Женщина в праздничном наряде

Г) Старуха в праздничном наряде

Ногайки в традиционных праздничных одеяниях.
Копии акварелей художника С. Багырова

Женский головной убор *кимешек*. АКМ

Мужская тубетейка *арахчин*. АКМ

Комплект традиционной одежды. Карагаша. АКМ

Наспинные женские украшения.
Карагаши. АКМ

Нагрудное украшение.
Карагаши. СМК

Металлическая свадебная головная
повязка *моезбек*. Карагаши. АКМ

Сибирская
татарка в
волоснике
сарауц с
шелковой
фабричной
шалью.
Музей
с. Боль-
шерече
Омской
обл.

Тастарный комплекс головного
убора с волосником *шлауш*.
Карагаши. АКМ

Волосник *шлаши*. Карагаши. АКМ

Бархатные сапожки
астраханок *ату*. СМК

Перевязь-амулет. Карагаши. АКМ

Верхняя одежда астраханских
ногаек *каптал*. СМК

Волосник *салауц* кузнецко-хвалынских
мишарей. Золотное шитье. ПОКМ

Сравнительные материалы Историко-этнографических атласов

На современном этапе развития науки традиционный костюм рассматривается как уникальный историко-этнографический источник, своеобразный «текст этнической культуры», который отражает культурогенез этноса и различных его этноструктурных подразделений.

По материалам татарского атласа выявлены многочисленные комплексы традиционной одежды различных субэтнических групп волго-уральских татар [13, с. 170–187]. Костюмные комплексы казанских, касимовских татар, мишарей и кряшен различались между собой по покрою нижней и верхней одежды, по типам головных уборов, обуви, украшений. Анализ структурных элементов татарского костюма и ногайского, представленного в атласе по одежде народов Дагестана, осуществлялся автором путем сравнительно-исторического (синхронного и диахронного) метода исследования.

Традиционный покрой – конструктивные основы костюма, в которых, как известно, ярко проявляется специфика культурных традиций народа. В середине XIX в. у всех групп волго-уральских татар бытовала туникообразная рубашка с центральным грудным разрезом. В отличие от туникообразных рубашек соседних финно-угорских и славянских этносов татарская рубашка, как мужская, так и женская, была очень свободной и длинной, с длинными рукавами, что сближает ее с туникой тюркских народов Средней Азии и Казахстана, ряда тюркских народов Дагестана, в том числе и ногайцев [1, карта 1]. Она изготавливалась из прямого куска ткани, перегнутой вдвое на плечах, так что из одного куска образуется основа одежды – её стан. Прямые не вырезанные рукава с ластовицами пришивались к стану по прямой нитке, под рукавами к стану пришивались подкроенные боковины.

Давние связи волго-уральских татар с ногайцами, тюрко-татарским миром в целом наблюдаются и в принципах кроя нижней поясной одежды. Это так называемые штаны «с широким шагом» *ыштан*, которые шили широкими у пояса, длиной до щиколотки, без карманов; укреплялись они на бедрах или на поясе. Преобладали штаны с клиньями и прямоугольной вставкой между штанинами. У касимовских, костромских татар [19, с. 72–127] бытовали штаны с ромбовидной вставкой. Оба этих типа были распространены у ногайцев и кумыков Дагестана [1, карта 7; 2, с. 99]. Покрой штанов «с широким шагом» являлся преобладающим у сибирских [9, с. 203–207], крымских татар [8, с. 85], практически у всех тюркских народов Средней Азии и Казахстана [14, с. 62].

Любопытный материал для умозаключений дает и анализ покроя верхней одежды татарок. Наличие «подкройных бочков» в покрое одежды заказанско-западно-закамских кряшен и нагайбаков [13, табл. XII] также указывает на определенную общность с традициями ногайцев, а также степной «ногайской» группы крымских татар [2, с. 130; 8, с. 36].

Из головных уборов интересны волосники – обязательный составной элемент женского головного убора большинства тюркских народов Евра-

зии. «У волго-уральских татар (особенно мишарей, касимовских татар, заказанско-западно-закамских кряшен), башкир, сибирских татар, ногайцев, астраханских карагашей, крымских татарок степной группы существовал, по сути, единый комплекс женского головного убора, состоящий из волосника (*сарауц, салауц, шлауш, хараус*) и большого полотенцеобразного или треугольного покрывала (*тастар, кыйик тастар, кыекча, дастар*). Заметим, что в этнокультурной истории этих народов очевиден кипчако-ногайский компонент» [12, с. 176].

Оригинальную разновидность волосников у мишарок бывших Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской губерний представлял собой волосник-чепец *салауш* с матерчатым накосником в виде узкого чехла с отверстием для кос [13, с. 138]. Голова покрывалась чепцом, а косы прятались

Рис. 15. Волосник *салауш* с накосником *чэчкап*. Мишари. ПОКМ

в накосник (рис. 15). Подобный же волосник *шуткэу* известен у ногаек и кумычек Дагестана. «В *шуткэу* сперва опускали косы, а затем его, как чепец, надевали на голову. Убор плотно облегал голову и спадал с косами на спину» [2, с. 150]. Территория распространения подобных уборов позволяет связывать их генезис со средневековыми тюрко-кочевническими памятниками юга России (каменные изваяния, археологические материалы) [6, табл. 37; 18, рис. 25].

В публикации середины XIX в. встречаем любопытное упоминание об идентичном головном уборе казашек: «Волосы женщины и девушки разделяют на 2 и 3 косы: две косы висят по плечам, третья обшита в бархат. Иногда вместо косы – лопасть, украшенная кистями, лентами и бляхами» [15, с. 68]. У тюрков-кочевников Евразии аналогичные нижние уборы известны с эпохи бронзы. Так, на территории Казахстана они также включали один или несколько чехлов для кос нередко в виде наспинной лопасти [16, с. 23, 43, 49].

На гравюрах художников XVIII–XIX вв. видим высокие каркасные головные уборы казанско-татарской [13, с. 166] и ногайской знати [2, с. 146], типологически близкие описанным выше каркасным уборам *саукеле* астраханских карагашей и других тюркских народов Евразии (казахов, киргизов), истоки которых через степные традиции кипчацкой аристократии уходят в глубокую древность (рис. 16, 17, 18).

Рис. 16. Знатная татарка в каркасном головном уборе. Cornelis de Bruin. Reizen Over Moskovie, door Persie en Indie. Amsteldam: R. en G. Wetstein, 1714. P. 91

Рис. 17. Знатная ногайка в каркасном головном уборе [2, с. 146]

Рис. 18. Каркасный свадебный головной убор. Казахи. Традиционная одежда казахов. Научный каталог. Алматы, 2009. С. 29

Своеобразную древнетюркскую разновидность нижней обуви, широко распространенную у волго-уральских татар, особенно в сельской местности, представляли собой суконные чулки *тула оек* [15, с. 79]. Судя по материалам дагестанского атласа, подобные суконные чулки *уюкъ* преобладали именно у ногайцев [1, карты 44, 50]. Подобную обувь из домашнего сукна носили крымские татары (степняки) [8, с. 15], татары и башкиры Зауралья, а также казахи и киргизы.

Оригинальный вид нижней обуви казанских татар представляют собой мужские наголенники *аякчу* [13, с. 80], которые изготавливались из льняного полотна и использовались для обертывания голени при надевании ичигов. Обрядовые свадебные наголенники богато орнаментировались тамбуром. Функционально *аякчу* также могут быть соотнесены с ткаными ноговицами ногайцев и кумыков [1, карта 52].

Любопытный круг тюрко-татарских, в том числе татаро-ногайских аналогий вырисовывается на материалах традиционных женских украшений, среди которых большой интерес представляют височно-нагрудные украшения *сырга* в виде ушных серёг-подвесок, соединявшихся между собой цепочкой. Средневековый артефакт такого украшения татарок, носившегося в комплексе с высоким каркасным головным убором, хранится

в фондах НМ РТ (инв. № 10202). Украшение *сырга* дольше всего сохранялось у заказанско-западно-закамских кряшен в комплексе женского головного убора *суракэ* и свадебного убора невесты *түгәрәк яулык*. Подобное височно-нагрудное украшение у ногайцев описано С.Ш. Гаджиевой. Оно «...состояло из серебряных цепочек и колечек, прикрепленных концами к серьгам» [2, с. 168]. В тюрко-монгольском мире имеется множество аналогий этому украшению. Оно известно башкирам, тюркам Средней Азии и Казахстана, тюрко-монгольским этносам Евразии [4, с. 82; 20, рис. 35–38].

Из украшения для кос интересны женские накосники в виде орнаментированного вышивкой или ювелирными поделками матерчатого чехла, надеваемого на косу. Под названием *чэчкап* они известны касимовским татарам и окско-сурским мишарям особенно южных подгрупп [13, карта 23]. С точки зрения генезиса этого типа накосников интересными аналогами являются описанные выше нижние головные уборы ногаек *шуткью*: мишарки, как и ногайские женщины носили *чэчкап* в комплексе нижнего головного убора (рис. 19, 20). Любопытно в связи с этим описание подобного убора, изображенного на каменном изваянии кочевников: «Если на статуе изображались спускающиеся на спину косы, лопасть делалась гораздо миниатюрнее или совсем отсутствовала. Косы никогда не изображались с насечками – видимо, их носили заключенными в футляры»

Рис. 19. Волосник *салавыч* и накосники *чэчкап*. Кузнецко-хвалынские мишари. ПОКМ

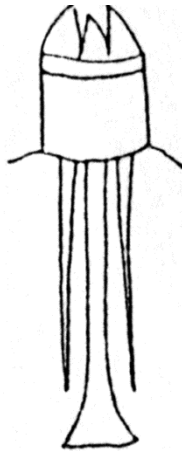

Рис. 20. (А) Головной убор с чехлами для кос на каменном изваянии кочевников [6, с. 211]

Рис. 20. (Б) Старинный головной убор с футлярами для кос. Казахи. Национальный музей Казахстана, Алматы

[6, с. 211]. Как видим, происхождение мишарского наконсника-футляра *чэчкап* связано с ранними кипчако-ногайскими кочевническими традициями. Не случайно широкое его бытование отмечается именно у южных подгрупп мишарей (темниковско-азеевской, лямбирской, кузнецко-хвалынской).

В татарских коллекциях ряда российских музеев (РЭМ, ТИАМЗ, АКМ, БМИККТ) хранятся уникальные старинные (средневековые?) металлические, богато декорированные самоцветами, или тканевые (парчевые, бархатные), шитые золотом или украшенные драгоценными ювелирными поделками, шейно-нагрудные украшения в виде лунницы *айчык*. «Очевидно, этот круг нагрудных драгоценностей восходит к элитным украшениям знати постзолотоордынских ханств (Казанского, Сибирского, Астраханского, Крымского), имеющих много общего в стиле придворного костюма» [12, с. 178] (рис. 21, 22).

Рис. 21. Украшение-лунница *айчык*.
Казанские татары. РЭМ

Рис. 22. Украшение-
лунница в комплексе
старинного женского
костюма астраханки.
Фото. АКМ

Одним из наиболее оригинальных нагрудных украшений татарок являются перевязи. При всем их типологическом разнообразии в плане татара-ногайских аналогий интерес представляет перевязь *чанук* – «в виде узкой полосы материи, ... в нижней части которой (под рукой на боку) прикреплялся специальный карманец-мешочек для амулетов» [13, с. 230–231,

карта 32]. *Чанук* украшался монетами, иногда в сочетании с тамбурной вышивкой или золотным шитьем. Территориально эта перевязь связана с культурой «ч-окающей» (южной) группы мишарей Окско-Сурского бассейна. Прямые аналоги мишарским украшениям-амuletам *чанук* видим в карагашских (ногайских) коллекциях СМК, а также в крымско-татарских коллекциях Бахчисарайского музея-заповедника.

* * *

Первое, визуальное знакомство с народным костюмом «ногайских татар» – карагашей и юртовцев – из фондов Астраханского и Саратовского музеев говорит о «непохожести» его с костюмом ни одной из групп волго-уральских татар. Однако синхронные татарские и ногайские типологические материалы Историко-этнографических атласов, аналитическая научная литература позволили выявить любопытные схожие сюжеты и глубинные общетюркские закономерности в формировании народной одежды обоих этносов. Материалы исследования говорят о ногайском компоненте, в различной степени участвующем в культурогенезе субэтнических групп волго-уральских татар.

Ногайский компонент в структуре народного костюма различных субэтнических групп волго-уральских татар проявляется в различной степени. Наиболее ранние и ощутимые ногайские аналогии наблюдаются в костюмных комплексах южной группы татар-мишарей (темниковско-азеевском, лямбирском, кузнецко-хвалынском), у касимовских татар, реже у заказанско-западно-закамских кряшен. Через степные традиции Причерноморья и Прикаспия они восходят к тюркским, тюрко-монгольским культурам Евразии, в этногенезе и культуре которых очевиден кипчако-ногайский компонент. Ногайские аналогии неслучайны в костюме сибирских, крымских татар степной подгруппы, башкир, казахов, киргизов и других тюркских народов, связанных общностью золотоордынского и последующего (ханского) периодов их истории, продолжающих сохранять тесные, в том числе и этнокультурные взаимосвязи. Определенное сходство видим в костюмах средневековой казанско-татарской и ногайской знати (высокий каркасный головной убор, старинные типы украшений и др.), восходящее, вероятно, к элитным формам костюма постзолотоордынских ханств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКМ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник

БМИККТ – Бахчисарайский музей истории и культуры крымских татар

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан (г.Казань)

ПОКМ – Пензенский объединенный краеведческий музей

РЭМ – Российский этнографический музей (г.Санкт-Петербург)

СМК – Саратовский областной музей краеведения

ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001. 289 с.
2. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976. 228 с.
3. Лобачева Н.П. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Наука, 2001. С. 69–97.
4. Михайлова Е.А. Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С.12–120.
5. Небольсин П.И. Иностранцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестник РГО. 1851. Ч.2. Отд. 5. С. 1–20.
6. Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях // МИА. Вып. 62. М.-Л.: Наука, 1958. С. 150–226.
7. Пятницкий В. Карагачи (по материалам поездки 1927 г.) // Землеведение. 1930. Т.32. Вып. III–IV. С. 155–169.
8. Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2000. 149 с.
9. Смирнова Е.Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX – первой трети XX вв. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 201–219.
10. Сулова С.В. Материалы этнографической экспедиции в Астраханскую область 1989 г.
11. Сулова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX вв.: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1980. 110 с.
12. Сулова С.В. О ногайском компоненте в народной одежде волго-уральских татар // Бусыгинские чтения. Вып. 9. Народы в поликультурном взаимодействии. Казань, 2016. С. 175–180.
13. Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 311 с.
14. Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX вв.). М.: Наука, 1982. 146 с.
15. Терещенко А. Следы Дешт-и-Кипчака и Внутренняя Киргиз-Кайсацкая орда // Москвитянин. 1853. Т. 6. № 22. С. 58–74.
16. Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские накосные украшения Казахстана (эпоха бронзы). Лисаковск, 1998. 66 с.
17. Фасхутдинова Л.Ф. Татарская вышивка в коллекции астраханского музея // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. VI. Казань, 2012. С. 115–126.
18. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издательство Московского университета, 1966. 270 с.
19. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 127 с.
20. Boyer M. Mongol Jewellery. Nationalmuseets skrifter, Etnografisk Række, V. København, 1952. 224 p.

Сведения об авторе: Сулова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); sv_suslova@mail.ru

**MATERIALS FOR THE CULTURAL GENESIS
OF THE VOLGA-URAL TATARS: THE NOGAI COMPONENT
IN THE STRUCTURE OF FOLK COSTUME**

S.V. Suslova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
sv_suslova@mail.ru*

The Nogai component in the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars is identified by a comparative historical analysis of museum sources and field expedition materials on the folk costumes of the Turkic-Nogai ethnic formations of the Lower Volga region and the North Caucasus. The most important sources were typological and cartographic materials on folk clothing of the Tatars (The Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People) and the Nogais (The Historical and Ethnographic Atlas of the Peoples of Dagestan). The earliest and most noticeable Nogai analogies have been found in costume complexes of the southern group of Mishar Tatars (Temnikovo-Azeyevsky, Lyambirsky, Kuznetsk-Khvalynsky), of Kasimov Tatars, and less often the Kryashen. Through the steppe traditions of the Black Sea and the Caspian Sea regions, they go back to the Turkic, Turkic-Mongolian cultures of Eurasia, in the ethnogenesis and culture of which the Kipchak-Nogai component is obvious. The Nogai analogies are not accidental in the costume of the Siberian, Crimean Tatars of the steppe subgroup, the Bashkirs, Kazakhs, Kirghizes and other Turkic peoples which are connected by the commonality of the Golden Horde and subsequent (Khan's) period of their history, and continue to maintain close relations, including ethno-cultural links.

Keywords: Tatars, Nogais, cultural genesis, folk clothing, historical and ethnographic Atlas

For citation: Suslova S.V. Materials for the cultural genesis of the Volga-Ural Tatars: the Nogai component in the structure of folk costume. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 6–26. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.6-26

REFERENCES

1. Bulatova A.G., Gadzhieva S.Sh., Sergeeva G.A. *Odezhda narodov Dagestana. Istoriko-etnograficheskij atlas* [Clothing of the peoples of Dagestan. Historical and Ethnographic Atlas]. Pushchino, Russian Academy of Sciences ONTI PNC Publ., 2001. 289 p. (In Russian)

Сулова С.В. Материалы к культурогенезу волго-уральских татар:
ногайский компонент в структуре народного костюма

2. Gadzhieva S.Sh. *Material'naya kul'tura nogajtcev v XIX – nachale XX v.* [Material culture of the Nogais in the 19th – early 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 228 p. (In Russian)

3. Lobacheva N.P. Osobennosti kostyuma narodov Sredneaziatsko-Kazahstanskogo regiona [Features of the costume of the peoples of the Central Asian-Kazakhstan region]. *Sredneaziatskij etnograficheskij sbornik* [Central Asian ethnographic collection]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 69–97. (In Russian)

4. Mikhajlova E.A. S"jomnye ukrasheniya narodov Sibiri [Removable ornaments of the peoples of Siberia]. *Ukrasheniya narodov Sibiri* [Ornaments of the peoples of Siberia]. St.Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 12–120. (In Russian)

5. Nebol'sin P.I. Inorodtcy Astrahanskoj gubernii. Zametki o kundrovskih tatarah [Foreigners of the Astrakhan Province. Notes on Kondrovsk Tatars]. *Vestnik RGO – Bulletin of the Russian Geographical Society*, 1851. Part 2. Chapter 5, pp. 1–20. (In Russian)

6. Pletnyova S.A. Pechenegi, torki i polovcy v yuzhno-russkikh stepyah [The Pechenegs, Torks and Cumans in the southern Rus steppes]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. Issue 62. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1958, pp. 150–226. (In Russian)

7. Pyatnickij V. Karagachi (po materialam poezdki 1927 g.) [Karagash (based on the trip 1927)]. *Zemlevedenie*, 1930. Vol. 32, Issue III–IV, pp. 155–169. (In Russian)

8. Roslavtceva L.I. *Odezhda krymskikh tatar konca XVIII – nachala XX vv. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Clothing of the Crimean Tatars of the late 18th – early 20th centuries. Historical-ethnographic research]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 149 p. (In Russian)

9. Smirnova E.Yu. Tradicionnaya odezhda tobolo-irtyshskikh tatar konca XIX – pervoj treti XX vv. [Traditional clothing of the tobolo-Irtysh Tatars of the late 19th – first third of the 20th century]. *Narody Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Peoples of Siberia and the adjacent areas]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1995, pp. 201–219. (In Russian)

10. Suslova S.V. *Materialy etnograficheskoy ekspedicii v Astrahanskuyu oblast' 1989 g.* [Materials of the ethnographic expedition to the Astrakhan region in 1989]. (In Russian)

11. Suslova S.V. *Zhenskie ukrasheniya kazanskikh tatar serediny XIX – nachala XX vv.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Women's jewellery of Kazan Tatars of the mid-19th – early 20th centuries: historical and ethnographic research]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 110 p. (In Russian)

12. Suslova S.V. O nogajskom komponente v narodnoj odezhde volgo-ural'skikh tatar [About the Nogai component in folk clothing of the Volga-Ural Tatars]. *Busyginskie chteniya. Vyp.9. Narody v polikul'turnov vzaimodejstvii* [Proceedings of Busygin Readings. Issue 9. Peoples in multicultural interaction]. Kazan, 2016, pp. 175–180. (In Russian)

13. Suslova S.V., Muhamedova R.G. *Narodnyj kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskij atlas tatarskogo naroda* [Folk costume of the Volga and Ural Tatars (mid-19th – early 20th centuries). Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar people]. Kazan, Fen Publ., 2000. 311 p. (In Russian)

14. Sukhareva O.A. *Istoriya sredneaziatskogo kostyuma. Samarkand (2-ya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The history of Central Asian costume. Samarkand (2nd half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 146 p. (In Russian)

15. Tereshchenko A. Sledy Desht-i-Kipchaka i Vnutrennyaya Kirgiz-Kajsacsckaya orda [Traces of Desht-i-Kipchak and the inner Kirghiz-Kaysatsk Horde]. *Moskvityanin*, 1853. Vol. 6, no. 22, pp. 58–74. (In Russian)

16. Usmanova E.R., Logvin V.N. *Zhenskie nakosnye ukrasheniya Kazahstana (epoha bronzy)* [Female hair jewellery of Kazakhstan (bronze age)]. Lisakovsk, 1998. 66 p. (In Russian)

17. Faskhutdinova L.F. Tatarskaya vyshivka v kollekcii astrahanskogo muzeya [Tatar embroidery in the collection of the Astrakhan Museum]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane* [Ethnological research in Tatarstan]. Issue VI. Kazan, 2012, pp. 115–126. (In Russian)

18. Fyodorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoj Evropy pod vlast'yu zolotoordynskih hanov* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans]. Moscow, Moscow University Publ., 1966. 270 p. (In Russian)

19. Sharifullina F.L. *Kasimovskie tatary* [The Kasimov Tatars]. Kazan, Tatar Book Publ., 1991. 127 p. (In Russian)

20. Boyer M. *Mongol Jewellery*. Nationalmuseets skrifter, Etnografisk Række, V. København, 1952. 224 p. (In Danish)

About the author: Svetlana V. Suslova is a Candidate of Science (History), Leading Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); sv_suslova@mail.ru

РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Р.М. Абдуллаев

*Институт Истории Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Республика Узбекистан
ravshan56@mail.ru*

В статье освещаются важнейшие аспекты мировоззренческой, культурной и политической жизни народов Центральной Азии в конце XIX – начале XX вв. Автор констатирует, что многие идеологические концепции, которые формировались в это время, были ориентированы не только на сохранение духовных ценностей, но и на реализацию задач культурной эмансипации и модернизации традиционного общества, а также скорейшей ликвидации политической, социально-экономической отсталости мусульманского мира. В работе отмечается, что в этот период последовательными сторонниками реформаторских идей в Центральной Азии и в других мусульманских регионах Российской империи выступили известные просветители и джадиды (Ш. Марджани, С. Максудов, А.З. Валиди, И. Гаспринский, М. Бехбуди, А. Фитрат и др.). В это время они в сотрудничестве со своими единомышленниками целенаправленно отстаивали жизненно важные интересы своих народов.

Ключевые слова: реформаторское движение, джадидизм, традиционное общество, мусульманский мир, модернизация, просветительство, политическая жизнь

Для цитирования: Абдуллаев Р.М. Реформаторское движение в Поволжье и Центральной Азии в конце XIX – начале XX вв. // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 27–41. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.27-41

В конце XIX в. во многих регионах мусульманского мира активизировалось реформаторское движение, в которое были вовлечены и представители наиболее образованной и пассионарной части народов Центральной Азии.

Последовательными сторонниками реформаторских идей в Центральной Азии выступили известные просветители и прогрессисты-джадиды – Ахмад Дониш, Чокан Валиханов, Абай (Ибрагим Кунанбаев), Махмуд-ходжа Бехбуди, Абдулла Авлони, Абдурауф Фитрат, Убайдулла Ходжаев, Носирхон Тура, Обиджон Махмуд, Мунаввар-кари Абдурашидханов, Алихан Букейханов, Ахмед Байгурсинов, Мустафа Чокай, Мухаммаджан Тынышпаев. Серьезное влияние на формирование их взглядов в этот период оказали видные реформаторы и общественно-политические

деятели Поволжья, Крыма и Кавказа Ш. Марджани, С. Максудов, Ю. Акчура, Г. Исхаки, А.З. Валиди, И. Гаспринский, М.Э. Расул-заде, А. Топчибашев. Многие из них часто посещали Центральную Азию, оказывая действенную помощь в делах просвещения местного населения и его знакомства с передовыми достижениями мировой науки и культуры. Говоря об этом, один из учеников Ш. Марджани казахский акын Омар Шипин отмечал: «... наши казахские юноши через татарские медресе, татарских учителей, татарскую книгу познавали мир» [20, с. 411]. В свою очередь, древняя земля Центральной Азии, в эпоху Восточного Ренессанса давшая миру таких выдающихся ученых, мыслителей и литераторов как Хорезми, Фергани, Имам Бухари, Фараби, Беруни, Абу Али ибн Сино (Авиценна), Термизи, Улугбек, Бабур оставалась для мусульман других стран и сопредельных регионов местом паломничества и соприкосновения с наследием великой культуры.

Народы, живущие на огромных пространствах мусульманского мира, на протяжении многих веков поддерживали между собой тесные политико-экономические, культурные и духовные связи. В период подъема исламской цивилизации мусульманское общество было динамичным и достаточно открытым. Духовность народов не испытывала застоя и не подвергалась чрезмерной нормативности. В обществе отсутствовали принципы крайних форм традиционализма, местничества, национальной и религиозной обособленности. Благодаря функционированию Великого шелкового пути, народы не только торговали, но и активно обменивались новыми идеями и знаниями. Характерный для эпохи подъема мусульманской культуры демократизм и динамизм позже признали многие немусульманские исследователи и общественные деятели. Так, сподвижник Махатмы Ганди и виднейший представитель индийского национального движения – Джавахарлал Неру, в этой связи писал: «Ислам принес с собой новые стимулы для прогресса Индии. В какой-то мере он подействовал как тонизирующее средство. Он заставил Индию встряхнуться» [19, с. 79].

Проникновение ислама в Центральную Азию способствовало бурному расцвету культуры и науки. Народы региона активно включились в социально-экономические, политико-идеологические и культурные интеграционные процессы, которые происходили на огромных пространствах не только мусульманского, но и сопредельного мира. Но в силу комплекса объективных исторических причин и субъективных факторов в период позднего средневековья эта благотворная возрожденческая энергия стала иссякать, что в конечном счете привело к глубоким застойным явлениям в социальной и духовной жизни. Все это, разумеется, не могло не сказаться и на состоянии общественно-философской мысли. По мере усиления позиций сторонников догматического мышления традиционное исламское мировоззрение становилось все менее восприимчивым к новым реформаторским идеям, направленным на освобождение общественного сознания от устоявшихся стереотипов.

Мусульманское общество все более обособлялось и дистанцировалось от общемировых процессов. Господствующая религиозная идеология постепенно стала выполнять роль политического цензора. Представители науки, литературы, искусства, общественно-философской мысли, пройдя через ее сито, были вынуждены приспосабливаться к требованиям официальной идеологии. Всякое новаторство в этих сферах осуждалось, если оно не соответствовало традиционным религиозным установкам и положениям. В национальном характере некоторых народов утверждались конформизм, безынициативность, беспрекословное подчинение начальству и т.п.

Во времена, когда исламская цивилизация переживала кризис, неощерялось и свободомыслие. В обществе усиливалась социальная пассивность, ослаблялась созидательная энергия народа. Все эти процессы, во многом общие для мусульманского мира, не обошли стороной и Центральную Азию. Со второй половины XIX в. они приобрели еще более выраженные формы. Эту гнетущую атмосферу кризиса центрально-азиатского общества, безусловно, не могли не заметить и те, кто в эти годы посещал различные города края. Среди них, в частности, были видные татарские просветители Шигабутдин Марджани [7; 15], Муса Джарулла Бигиев [20] и другие. Они, конечно, знали, что на этой земле в свое время существовали могущественные государства, в которых жили великие ученые и мыслители, внесшие неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации [21]. В то же время они не могли не видеть, что мусульмане, обладавшие в прошлом уникальной цивилизацией, в новую эпоху стали «плестись» на обочине мировой культуры и в значительной мере утратили интерес к поиску и освоению современных знаний. При этом их разочарование было связано не только с тем, что происходило в Центральной Азии. Похожие чувства многие из них испытывали и после посещения других регионов мусульманского мира. Так, известный татарский реформатор – Муса Джарулла Бигиев, после путешествий в различные мусульманские центры писал: «Полный больших надежд, я путешествовал по мусульманскому миру. Посетил Бухару, Турцию, Египет, Хиджаз, Индию и Сирию, все религиозные медресе этих стран. Но вернулся на родину полным разочарования и совершенно неудовлетворенным увиденным» [20, с. 346; 3, с. 2].

Муса Бигиев, Шигабутдин Марджани и их единомышленники были убеждены в том, что назрела очевидная необходимость в реформировании традиционного мусульманского общества. Эти люди особо указывали на важность глубокого усвоения (но не слепого копирования) достижений мировой культуры и науки. Это был путь, который мог позволить мусульманам Поволжья, Центральной Азии и других регионов мусульманского мира выйти из состояния отсталости, невежества и культурной изоляции. Их мысли и идеи были созвучны взглядам центрально-азиатских прогрессистов-джадидов. В первый период своей деятельности они сосредоточили основное внимание на вопросах просвещения и образования, а также

предприняли серьёзные усилия для установления более тесных контактов с реформаторами из регионов мусульманского мира.

Знакомство местных джадидов и прогрессистов с общественно-политическими взглядами видных представителей реформаторского движения стран Востока и мусульманских регионов России создавало необходимые условия для постепенной трансформации центрально-азиатского джадидизма в политическое движение. Огромное стимулирующее воздействие на возрастание общественно-политической активности джадидов оказали события начала XX столетия на Востоке – конституционное движение в Иране (1905–1911 гг.), революционные события в России (1905–1907 гг.), антиколониальные выступления в Индии (1905–1908 гг.), Китайская революция (1911–1913 гг.) и особенно Младотурецкая революция 1908–1909 гг.

Центрально-азиатские джадиды, вдохновленные освободительными идеями, проникавшими в край из стран Востока и некоторых мусульманских регионов Российской империи, прилагали серьёзные усилия для реализации своих проектов, направленных на модернизацию традиционного общества и его адаптацию к условиям начала XX в. Они указывали на то, что, пережив в IX–XV вв. мощную фазу духовного и культурного подъема, мусульманский Восток к XIX в. попал в полосу политико-экономической стагнации и кризиса. Одной из причин, приведших мусульманские народы и государства к такому состоянию, была, по мнению джадидов, медленная трансформация общества с учетом изменившегося мира, традиционного мировоззрения. Застывшие формы религиозного мышления служили тем фактором, который тормозил процесс его модернизации. Освобождая религиозные воззрения от косности, джадиды пытались вернуть Исламу его общечеловеческую привлекательность и гуманистическую ценность. Именно в отсталости традиционного общества, его институтов, идеологии, образе жизни коренного населения, они и сочувствующие им интеллектуалы видели основную причину слабости и разобщенности местных народов и их правительств. Другая причина – социальные конфликты, перманентные войны, межгосударственная и межклановая вражда. Один из самых просвещенных туркестанцев своего времени – Махмудходжа Бехбуди, которого называли «отцом туркестанского джадидизма», писал в этой связи: «Если нами управляют по колониальным законам, причина этому – наши же разногласия» [2].

Российское завоевание, по мнению прогрессистов, заставило местное общество пробудиться от «долгой спячки» и в определенной мере способствовало росту национального самосознания. После российского завоевания джадиды стали свидетелями проникновения в регион новых технических достижений, современной научной мысли, произведений мировой литературы и культуры. При них началось строительство в Туркестане, т.н. «русских» городов с прямыми освещенными улицами, парками, скверами, аптеками, больницами и телеграфом. Появились новые виды транспорта, в частности – трамвай, были проложены первые железнодорожные

рельсы. Местные джадиды с большим уважением относились к русской культуре, которую пропагандировали среди своих соотечественников, и у которой многому учились. Они понимали, что глубокое осмысление гуманистической и демократической составляющей этой культуры, может помочь народам региона быстрее интегрироваться в мировое культурное пространство и облегчить процесс изучения лучших достижений человеческой мысли. Вместе с тем они видели, что российское завоевание принципиально не улучшило жизнь коренного населения, а скорее наоборот – привело к утрате им политико-экономической независимости и серьезной духовно-нравственной дезориентации значительных его слоев [12].

Выход из создавшегося положения джадиды (как и многие их единомышленники в других частях мусульманского мира) видели, прежде всего, в просвещении и необходимости освоения современных знаний. Джадидская практика модернизации традиционного мусульманского общества с самого начала была направлена на реализацию этой ключевой задачи. В целях пропаганды современных знаний и новой системы образования, реформаторы выступили инициаторами создания т.н. новометодных школ для местных мусульманских детей. Эти школы, во многом благодаря поддержке поволжских и крымских татар [6], стали появляться в крае с конца XIX в. Обучение в них осуществлялось на основе звуковой системы, позволяющей за короткий срок научиться читать и писать, что по-старому буквослагательному методу традиционных конфессиональных школ требовало более длительного времени. В джадидских школах началось преподавание (наряду с историей Ислама и других религиозных предметов) многих новых светских дисциплин. Изменения коснулись и самого внешнего вида национальных учебных заведений. Они теперь часто размещались в более светлых и удобных помещениях. За счет средств самих джадидов и некоторых местных предпринимателей школы стали оснащаться партами, глобусами, картами и т.п.

Просветительская деятельность реформаторов этим не ограничивалась. В этот период они сосредоточили особое внимание и на издании газет и журналов. В июне 1906 г. вышел первый номер джадидской газеты «Тараккий» («Прогресс»). В Ташкенте и в других городах Центральной Азии стали издаваться национальные газеты и журналы «Хуршид», «Шухрат», «Туджор», «Осие», «Самарканд», «Ойна», «Турон», «Садои – Туркистон», «Садои – Фаргона», «Улуг Туркистон», «Хуррият», «Кенгаш» и др. В их издании серьёзную помощь оказывали поволжские и крымские татары [6]. Так, одним из редакторов первой джадидской газеты «Тараккий» был известный татарский прогрессист Исмаил Габитов. Многие местные реформаторы были активными читателями газет и журналов, получаемых из Поволжья, Крыма и Кавказа. В частности, таких изданий как «Вакт», «Юлдуз», «Тарджиман», «Молла Насреддин» и др. Материалы, печатавшиеся в них, затрагивали широкий спектр актуальных социально-экономических, политических и культурологических тем, которые в те

дни волновали туркестанскую общественность [10]. Данные публикации должны были как можно более полно информировать население о важнейших событиях в стране и мире, стимулировать рост политико-правовой культуры местных мусульман.

Среди важнейших задач, которые стояли перед национальной прессой были, разумеется, и вопросы, связанные с осмыслением современного состояния туркестанского общества. Его анализ приводил некоторых интеллектуалов к неутешительным выводам. По их мнению, традиционное общество в крае уже многие десятилетия находилось в состоянии стагнации и глубочайшего кризиса. Джадиды, как и их единомышленники из других частей мусульманского мира [15], выступали против косности и невежества некоторых представителей мусульманского духовенства, неправильно толкующих нормы шариата и не редко искажающих смысл важнейших религиозных положений. Касаясь злободневной темы возрождения, во многом забытых или часто игнорируемых национальных и духовных ценностей, реформаторы обращали особое внимание своих соотечественников на необходимость неукоснительного следования нравственным нормам. Они полагали, что путь к социальному прогрессу может лежать лишь через морально-нравственное совершенствование людей и общества, и были искренними сторонниками очищения Ислама от вредных наслоений, искажений, суеверий и догматических постулатов.

Бухарский джадид, один из идеологов младобухарского движения – Абдурауф Фитрат, в своем известном труде «Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть)» [13], оценивая деятельность некоторых мусульманских ученых – уламо, с горечью писал в те дни: «... около двухсот лет уже прошло, ... как бухарские ученые стали заниматься только чтением написанных на полях книг объяснений (значений) слов..., они дошли в этих бесполезных занятиях до того, что совершенно забыли о названиях полезных наук. Прочие туркестанцы, получившие свое образование тоже в Бухаре, совместно с бухарцами упали в бездну глупости и нерадения. Следствием этого было то, что светлая звезда небес цивилизации, блестящая страница книги человечества, то есть Туркестан, очутился в таком положении, о котором стыдно беседовать не только с друзьями, но и недругами. Эти люди, которые ныне не имеют понятия об истинных науках, 20 лет учатся сами, 20 следующих лет учат других и только после этого достигают должности муфтия... Эта публика толкует стихи Корана в том смысле, как ей захочется..., они совершают преступления, всякого рода притеснения и проступки и всегда готовы подвести под наказание несчастного простолюдина, назвав его за незначительную вину «кафиром» (неверным)» [13]. Особую ответственность за кризисное состояние мусульманского общества в Бухаре и Туркестане Фитрат возлагал на представителей местной правящей элиты, погрязшей в коррупции и «болоте невежества». Он был убежден в том, что «Все эти милые люди никогда не видали школы, никогда не слышали о законах управления. Они не знако-

мы с правилами и обычаями отдачи приказаний! Как прогрессирует нация? Как управляется их область? Как пополняется государственная казна? Все это им совершенно неинтересно! Какие обязанности управителя по отношению к населению? Какая у жителей перед правителем? Положительно, ни о чем подобном они не слыхали!» [13, с. 13]. Ученый, как и многие другие джадиды, часто подчеркивал мысль о насущной необходимости культивирования современных знаний и занятия наукой. В одной популярной работе Фитрата «Мунозара» («Спор») [14], написанной автором во время его пребывания в Стамбуле (Константинополе), о значении науки говорилось следующее: «Наука – причина процветания государства. Наука – причина прогресса народа. Наука – это то могучее средство, наличие которого довело диких американцев до настоящего величия, отсутствие которого... ввергло персов в состояние приниженности и посрамления. Наука – то средство, которое... англичан сделало властителями Индии, Египта, Белуджистана и части Аравии... Если вы будете изучать современные науки, вы так же будете в состоянии проводить телеграфы, строить железные дороги... уразуметь тайный смысл Корана... и поставить Ислам на прежнюю высоту» [5, с. 211–212]. Похожие мысли можно найти в некоторых работах Мунавара-кари, Махмуд-ходжи Бехбуди и других видных национальных общественных деятелей Центральной Азии начала прошлого века [8].

Джадиды считали, что одним из важнейших факторов, определяющих духовное состояние нации, является уровень исторического сознания общества. Лидеры национального движения серьезно интересовались историей человечества и были хорошо осведомлены о прошлом своего края. Говоря об огромном значении истории упомянутый Махмуд-ходжа Бехбуди писал: «Надо изучать историю, чтобы знать о народах отсталых и прогрессивных, о государствах – завоевателях и об исчезнувших правительствах, чтобы быть уведомленным о причинах исчезнувших и побежденных пророков, религий и народов. Надо изучать историю, чтобы знать – каким образом развивалось и росло мусульманство и почему ныне мусульмане пришли в упадок? И что составляет возможности и средства для самоутверждения и прогресса?» [1, с. 35].

Джадиды понимали, что просветительская деятельность, освоение современных знаний, формирование исторического сознания и развитие духовных ценностей народа – это лишь первый шаг на трудном, тернистом пути прогресса и выхода из состояния стагнации и кризиса. Нужны были дополнительные, мощные усилия для мобилизации наиболее образованных и политизированных слоев местного населения, направленных не только на решения просветительских и культурологических задач, но и на развитие политической активности местных мусульман. К началу XX в. заметно усиливается политическая деятельность джадидов. Большое содействие в этом деле оказывают поволжские татары.

Социально-политические инициативы татар в Центральной Азии начинают серьезно беспокоить администрацию Туркестанского генерал-губернаторства. Все это сопровождалось существенным увеличением татарской диаспоры в крае. Так, если в русской части Ташкента в 1871 г. проживало всего 98 татар, то в 1897 г. их было уже 2313 человек. К концу XIX в. самая многочисленная татарская диаспора (6670 человек) проживала в Намангане. На территории Туркестанского края татары были представлены в офицерском корпусе, служили солдатами и переводчиками. Кроме военных и чиновников, среди них были служители мечетей, приказчики, купцы, ремесленники и т.д. [6, с. 136; 4, с. 71].

Туркестанская администрация считала, что деятельность поволжских татар в крае представляет угрозу интересам государства. Надо полагать, что именно в этой связи в 1910 г. было создано специальное «Особое совещание для выработки мер по противодействию татаро-мусульманскому влиянию» [6, с. 187]. По мнению современного российского исследователя Т.В. Котюковой, «Совещание видело одной из самых насущных задач русского государственного строительства противодействие религиозной и национальной сплоченности мусульман, а также вредному влиянию панисламистских и пантюркистских агитаторов» [6, с. 187].

В начале XX в. агенты Туркестанского охранного отделения полиции обратили особое внимание властей на широкое распространение в Туркестанском крае учения о тюркском и мусульманском единстве. Филеры туркестанской «охранки» сообщали своему начальству о том, что его распространителями являются преимущественно выходцы из Турции, Кавказа и Поволжья. Эти сведения заставляли власти зорко следить за «эмиссарами» из данных мест. Однако, невзирая на различные запретительные меры на въезд в Туркестанский край «подозрительных лиц», многим все же удавалось не только приехать, но и встретиться с представителями политизированных слоев мусульманского населения.

Одним из тех, кому довелось в указанный период посетить города Туркестанского генерал-губернаторства, был известный татарский общественный и политический деятель, депутат Государственной Думы второго и третьего созывов, выпускник юридического факультета Сорбонны Садри Максудов. В сентябре 1910 г. он совершил поездку в Бухару, Самарканд, Коканд, Ташкент, где, встречаясь с джадидами и образованной частью населения, делился своими мыслями о необходимости объединения мусульман России для защиты своих интересов [18, с. 538]. Основная часть мусульман Центральной Азии была, несомненно, солидарна с Максудовым и его единомышленниками. Необходимо отметить, что, начиная с 1905 г., российские мусульмане все чаще стали выступать с коллективными политическими требованиями. Они приветствовали царский Манифест от 17 октября 1905 г., который открывал возможности для некоторой либерализации политико-идеологической жизни и способствовал началу предвыборной кампании в I-ю Государственную Думу. Российским му-

сультманам этот орган представлялся как конституционный демократический институт, который должен обеспечить народам свободу, равенство и справедливость.

В 1905–1906 гг. в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге впервые в истории империи состоялись Всероссийские мусульманские съезды. На них было принято решение о создании общероссийской мусульманской партии «Иттифак-аль-Муслимин». Решения съездов, пронизанные призывами к общеисламскому единению, самым непосредственным образом влияли на развитие национального движения, которое становилось все более политизированным и адаптированным к историческим реалиям того времени.

Решения Всероссийских мусульманских съездов, а также деятельность мусульманской фракции Государственной Думы (особенно второй) вызывали особое беспокойство официальной власти, представители которой почти в каждом образованном мусульманине видели сепаратиста, пантюркиста и панисламиста. По ее мнению, ближайшей целью джадидов было «сплочение всех сознательных мусульман для политической борьбы с существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан» [5, с. 226]. Председатель Совета министров Российской империи П.А. Столыпин, обращая внимание на угрозу, которая, как он считал, исходила от учения, проповедовавшего духовную и этнокультурную общность мусульманских народов, отмечал: «Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует не религиозную борьбу, а борьбу государственную, культурную. Этим объясняется тот успех, который получила за последнее время панисламская пропаганда, успех которой у нас в России имеет важное значение... Нельзя не иметь в виду, что почти вся многомиллионная масса русского мусульманства охватывает многочисленные народности, принадлежащие, за немногими исключениями, одному тюркскому племени, говорящему хотя и на разных наречиях, но на одном языке. Нельзя даже упустить из виду, что наше пятнадцатимиллионное мусульманство населяет, живя почти в одном месте, огромные пространства, имеющие свои, далеко не забытые, исторические и культурные традиции... Очевидно, что при таком положении мусульманский вопрос в России, не может не считаться грозным...» [5, с. 226].

Накануне и в годы Первой мировой войны по инициативе туркестанских джадидов в крае создаются общества и союзы прогрессистов «Умид», «Нашри – Маориф», «Гайрат», «Тараккипарвар», которые позднее (после Февральской революции 1917 г.) трансформируются в национальные политические организации «Шурои – Исломия» («Совет Ислама» или «Мусульманский совет»), «Иттифок» («Союз»), «Турк одами марказият фиркаси» («Партия туркестанских федералистов») и др. Члены данных организаций в целях дальнейшего развития национального движения выдвигали идею единства и общенародной консолидации во имя прогресса и достойной жизни.

Тесные связи с членами этих организаций поддерживал Ахмет-Заки Валиди – один из крупнейших востоковедов XX в. и лидеров национального движения мусульманских народов России [17, с. 182–227]. Он был не только активным участником реформаторского и национального движения в Поволжье, но и сыграл значительную роль в развитии общественно-политических взглядов прогрессистов Туркестана и Казахстана. После Февральской революции 1917 г. Ахмет-Заки Валиди стал последовательным сторонником идеи федеративного государственного устройства демократической России [17, с. 225]. Он отстаивал идею реализации национально-территориальной автономии в Башкортостане, Казахстане и Туркестане. Пытаясь осмыслить особенности и противоречия национального движения в Центральной Азии, Валиди отмечал, что в успешном противостоянии с колониальной администрацией туркестанцам не хватает согласия и взаимопонимания [9, с. 21–22]. Эта идея в трудные и противоречивые годы начала XX в. представлялась крайне злободневной. Дело в том, что лидеры национального движения в процессе практической реализации своих программных установок постоянно наталкивались на проявления непонимания и даже откровенной вражды со стороны некоторых местных традиционалистов, защищавших интересы консервативного духовенства. Последние обвиняли джадидов в стремлении навязать мусульманам чуждые им ценности и принципы общественной жизни. Они считали, что джадиды пытаются реформировать мусульманское общество строго по западному образцу, что эти реформаторы слишком увлечены европейской культурой, которая, как им казалось, противоречит основным положениям традиционного мировоззрения туркестанцев [16].

Идейные оппоненты джадидов были противниками любых новшеств, способных поколебать устои веками сложившейся традиционной культуры или нанести вред религиозным представлениям местного населения. Между тем, реформаторы никогда и не помышляли выступать против мусульманской религии и ее важнейших постулатов. Они лишь предлагали в изменившихся исторических условиях пересмотреть те стороны социально-экономической, политической, культурной и духовной жизни традиционного общества, которые не укладывались в современные представления о цивилизованном обществе [13].

Политико-мировоззренческое противостояние между джадидами и традиционалистами продолжалось не один год и в значительной мере повлияло на характер национального движения в центрально-азиатском регионе, серьезно ослабляя позиции искренних сторонников модернизации традиционного общества. Вместе с тем эта идеологическая борьба, безусловно, способствовала росту национального и политического самосознания туркестанцев. Истоки противоречий, раздиравших это общество изнутри (джадиды – с одной стороны, традиционалисты – с другой), в чем-то напоминали борьбу между западниками и славянофилами в России. Здесь необходимо помнить, что первые вели свои идеологические сражения в

условиях российского колониализма, и это определяло характер и специфику их взаимоотношений. Но подобные параллели представляются вполне обоснованными, и мы вправе подчеркнуть между ними ряд общих или близких мировоззренческих качеств.

Центрально-азиатские джадиды, если и не стремились столь темпераментно, как российские западники, отрываться от народа и не обладали достаточно мощным интеллектуальным потенциалом, но они сумели открыть для себя и принять идею о необходимости модернизации традиционного общества. Они лелеяли в себе, как и западники России, искреннюю и острую восприимчивость к наиболее существенным новациям в европейском обществе. Однако, по мнению реформаторов, это не должно было означать бездумного внедрения в местную среду любых элементов западной цивилизации. В свою очередь, традиционалисты, подобно славянофилам, мечтавшим об идеальной допетровской Руси, грезили былым могуществом Родины, не замечая кардинальных исторических изменений. Отрицая Запад и христианский мир, традиционалисты видели в нем лишь преимущественно злую разрушительную силу, способную уничтожить достижения мусульманской цивилизации и ее самобытность [11].

Невзирая на серьезные противодействия со стороны традиционалистов, джадиды обосновывали необходимость проведения глубоких структурных, политико-идеологических и социально-экономических реформ, без которых мусульманскому миру суждено будет прозябать на задворках человеческой цивилизации [22]. Они отмечали, что переход к новому прогрессивному состоянию общества должен произойти не только посредством освоения современных светских знаний, но и через восстановление разумных принципов мусульманской религии, регламентирующих развитие [13].

Джадидам не удалось реализовать многие важнейшие положения программы, за которую боролись созданные ими политические организации. После октябрьских событий 1917 г. им и их соратникам пришлось столкнуться с новой мощной и враждебной силой, у которой было свое видение дальнейшей модернизации туркестанского (центрально-азиатского) общества. Тем не менее, следует отметить, что в конце XIX – начале XX вв. просветители и реформаторы Центральной Азии и других регионов Российской империи приложили серьезные усилия для модернизации традиционного мусульманского общества. Титаническая работа, проделанная ими, несомненно, способствовала развитию национального и политического самосознания местных народов. Представители национальной интеллектуальной элиты, первоначально занимавшиеся преимущественно просветительскими изысканиями, постепенно пришли к пониманию необходимости трансформации джадидизма в политическую силу.

Центрально-азиатский джадидизм был частью мощного реформаторского движения, которое в этот период поступательно набирало силу и развивалось и в других частях мусульманского мира. Он включал просветительские, культурологические, духовно-мировоззренческие и социаль-

но-политические инициативы, и имел локальные особенности, которые были связаны с разным уровнем политико-экономического, социального и культурного развития традиционных обществ мусульманского мира. Кроме того, Поволжье, Крым и Кавказ, в отличие от Центральной Азии, территориально ближе к европейской части России и, соответственно, были более тесно вовлечены в европейское и российское культурное пространство. Вместе с тем реформаторское движение в этих частях Российской империи многое объединяло. Общими целями джадидов были стремления к современным знаниям, просвещению, преодолению отсталости, модернизации традиционного общества, достижению гражданских прав и политических свобод. В начале XX в. значительная часть реформаторов и прогрессистов стала активными участниками национального движения, которое, невзирая на существующие внутри движения некоторые идеологические разногласия, сыграло важную роль в новейшей политической истории местных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимова Д., Рашидова Д. Махмуд-ходжа Бехбуди и его исторические воззрения. Ташкент: Маънавият, 1998. 40 с.
2. Бехбудий М. Баени хакикат // Улуг Туркистон (Священный Туркестан). 1917, 12 июнь.
3. Гайсина Л.Р. Этнический состав населения «новых частей» городов Русского Туркестана // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 71–73.
4. Климович Л. Ислам в царской России. М.: Гаиз, 1936. 225 с.
5. Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: НПК, 2016. 391 с.
6. Мараш И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Казань: Иман, 2005. 199 с.
7. Абдурашидхонов Мунавваркори. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 2003. 304 б.
8. Тугон З.В. Уюшмаган миллат инкирозга махкум // Турон тарихи. Тошкент, 1992. № 1. С. 21–22.
9. Туркестанский голос. 1917, 15 января.
10. Улуг Туркистон (Великий Туркестан). 1917, 25 апреля.
11. Фитрат А. Мухторият // Хуррият (Свобода). 1917, 5 декабря.
12. Фитрат А. Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть). Ташкент, 2007. 95 с.
13. Фитрат А. Спор бухарского мударриса с европейцем в Индии о новометодных школах («Истинный результат обмена мыслей»). Самарканд, 1913. 101 с.
14. Хакимов Р. Традиционный ислам у татар. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 188 с.
15. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. 39. Оп. 1. Д. 11 Л. 8.

Абдуллаев Р.М. Реформаторское движение в Поволжье и Центральной Азии в конце XIX – начале XX вв.

16. Шигабдинов Р.Н. Ахметзаки Валиди Тоган: между Россией и Туркестаном (Политическая деятельность учёного) // III востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Ташкент. 2011. С. 182–227.

17. Шигабдинов Р.Н. Депутат Государственной Думы России С.Н. Максудов и его поездка в Бухарский эмират в 1910 г. // Российско-узбекистанские связи в контексте многовековой исторической ретроспективы. Ташкент, 2013.

18. Эркаев А. Духовность – энергия независимости. Ташкент: Маънавият, 1998. 180 с.

19. Юзеев А.Н. Просветительская мысль татарского народа (XIX – нач. XX вв.). Казань: Таткнигоиздат, 2014. 416 с.

20. Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк. Казань: Таткнигоиздат, 1981. 230 с.

21. Khalid A. The politics of muslim cultural reform. Jadidism in Central Asia. Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1999. 400 p.

Сведения об авторе: Абдуллаев Ровшан Маджидович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Академии наук Республики Узбекистан (100060, проезд Шахрисабзский, 5, Ташкент, Республика Узбекистан); ravshan56@mail.ru

REFORMING MOVEMENT IN THE VOLGA REGION AND THE CENTRAL ASIA IN LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

R.M. Abdullaev

*Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
Tashkent, Republic of Uzbekistan
ravshan56@mail.ru*

The article examines the most important aspects of worldview, cultural and political life of the people of Central Asia in late 19th – early 20th centuries. The author states that many ideological concepts, which were forming at that time, were intended not only to preserve spiritual values, but also to realise the tasks of cultural emancipation, the modernization of traditional society, and the speedy elimination of the political, social and economic backwardness of the Muslim world. The article indicates that during this period renowned advocates of reformist ideas in Central Asia and other Muslim regions of the Russian Empire were famous educators and jadids (Sh. Mardzhany, S. Maksudy, A.Z. Validy, I. Gasprinskiy, M. Behbudiy, A. Fitrat etc.). At that time, in cooperation with like-minded people, they purposefully defended the vitally important interests of their nations.

Keywords: reforming movement, jadidizm, traditional society, the Muslim world, modernization, enlightenment, political life

For citation: Abdullaev R.M. Reforming movement in the Volga Region and the Central Asia in late 19th – early 20th centuries. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 27–41. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.27–41

REFERENCES

1. Alimova D., Rashidova D. *Mahmudhodzha Bekhbudij i ego istoricheskie vozzreniya* [Makhmudkhodzha Bekhbudi and his historical views]. Tashkent, Magnaviyat Publ., 1998. 40 p. (In Russian)
2. Bekhbudij M. Baeni hakikat [Telling the truth]. *Ulug Turkiston – The Great Turkestan*. 1917, June 12. (In Uzbek)
3. Gajsina L.R. Etnicheskij sostav naseleniya «novyh chastej» gorodov Russkogo Turkestana [The ethnic composition of population of “new parts” of cities of Russian Turkestan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*. 2012, no. 354, pp. 71–73. (In Russian)
4. Klimovich L. *Islam v carskoj Rossii* [Islam in tsarist Russia]. Moscow, Gaiz Publ., 1936. 225 p. (In Russian)
5. Kotyukova T. V. *Okrajina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [The outskirts in special conditions... Turkestan on the eve of tragedy]. Moscow, NPK Publ., 2016. 391 p. (In Russian)
6. Marash I. *Religioznoe obnovenie v tyurkskom mire (1850–1917)* [Religious renewal in the Turkic world]. Kazan, Iman Publ., 2005. 199 p. (In Russian)
7. Abdurashidhanov Munavvarkori. *Tanlangan asarlar* [Selected works]. Toshkent: Magnaviyat Publ., 2003. 304 p. (In Uzbek)
8. Tugon Z.V. Uyushmagan millat inkirozga mahkum [The crisis is inevitable for a disorganized nation]. *Turon tarihi – History of Turon*. Toshkent, 1992, no. 1, pp. 21–22. (In Uzbek)
9. *Turkestanskij golos – The voice of Turkestan*. 1917, January 15. (In Russian)
10. *Ulug Turkiston – The great Turkestan*. 1917, April 25. (In Uzbek)
11. Fitrat A. Muhtoriyat [The Autonomy]. *Hurriyat – Liberty*. 1917, December 5. (In Uzbek)
12. Fitrat A. *Rasskazy indijskogo puteshestvennika (Buhara, kak ona est')* [Stories of an Indian traveler (Bukhara as it is)]. Tashkent, 2007. 95 p. (In Russian)
13. Fitrat A. *Spor buharskogo mudarrisa s evropejcem v Indii o novometodnyh shkolah («Istinnyj rezul'tat obmena myslej»)*. [The dispute of a student from Bukhara with European in India about new method schools (The true result of changing views)]. Samarkand, 1913. 101 p. (In Russian)
14. Khakimov R.S. *Tradicionnyj islam u tatar* [Traditional Islam of the Tatars]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 188 p. (In Russian)
15. Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Uzbekistan [The Central State Archive of Uzbekistan]. F. 39. Op. 1. D. 11. L. 8.
16. Shigabdinov R.N. Ahmetzaki Validi Togan: mezhdru Rossiej i Turkestanom (Politicheskaya deyatelnost' uchyonogo) [Ahmetzaki Validi Togan: Between Russia and Turkestan (Political activities of the scholar). *III vostokovedcheskie chteniya pamyati N.P. Ostroumova* [The 3rd Oriental Studies Readings in memory of N.P. Ostroumov]. Tashkent, 2011, pp. 182–227. (In Russian)

17. Shigabdinov R.N. Deputat Gosudarstvennoj Dumy Rossii S.N. Maksudov i ego poezdka v Buharskij emirat v 1910 godu [Member of the Russian State Duma S.N. Maksudov and his trip to Bukhara Emirate in 1910]. *Rossijsko-uzbekistanskie svyazi v kontekste mnogovekovoј istoricheskoј retrospektivy* [The Russian-Uzbek relations in the context of centuries of historical retrospectives]. Tashkent, 2013. (In Russian)

18. Erkaev A. *Duhovnost' – energiya nezavisimosti* [Spirituality is a power of independence]. Tashkent, Magnaviyat Publ., 1998. 180 p. (In Russian)

19. Yuzeev A.N. *Prosvetitel'skaya mysl' tatarskogo naroda (XIX – nach. XX vv.)* [Enlightenment thoughts of Tatar people (the 19th – early 20th centuries)]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2014. 416 p. (In Russian)

20. Yusupov M.H. *Shigabutdin Mardzhani kak istorik* [Shigabutdin Marjani as a historian], Kazan, Tatar Book Publ. House, 1981. 230 p. (In Russian)

21. Khalid A. *The politics of muslim cultural reform. Jadidism in Central Asia*. Berkeley-Los Angeles-Oxford, 1999. 400 p.

About the author: Rovshan M. Abdullaev is a Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (5, Shahrizabz road, Tashkent 100060, Republic of Uzbekistan); ravshan56@mail.ru

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ И НИКОЛАЙ ТРУБЕЦКОЙ: К ПРОБЛЕМЕ «ТУКАЙ И ЕВРАЗИЙСТВО»*

М.И. Ибрагимов

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
mibragimov1000@mail.ru*

В статье устанавливается созвучие взглядов на множественность языков и культур одного из деятелей евразийства Н.С. Трубецкого и творчества татарского поэта Габдуллы Тукая. Поликультурная среда Уральска, в которой формировалось творчество Г. Тукая, оказала влияние на его национальное самосознание, основывающееся на диалогическом восприятии своей (татарской) и других (русской, казахской, европейской, восточной) культур. Национализм Тукая, основывающийся на идеях служения нации, ее прогресса, приобщения к ценностям европейской и русской культур резонирует с представлениями Трубецкого об истинном национализме (противопоставляемом национализму ложному), который противостоит идее обезличенной общечеловеческой культуры, исходит из самобытности национальных культур и их множественности.

Ключевые слова: Габдулла Тукай, Николай Трубецкой, Уральск, евразийство, множественность языков

Для цитирования: Ибрагимов М.И. Габдулла Тукай и Николай Трубецкой: к проблеме «Тукай и евразийство» // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 42–49. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.42-49

На протяжении XX в. жизнь и творчество татарского поэта Габдуллы Тукая были в центре внимания ученых, писателей, критиков, деятелей культуры, многочисленных российских и зарубежных читателей.

В прошлом столетии Тукай становился предметом самых различных, зачастую – полярных – оценок и интерпретаций. Множественность восприятий Тукая имела разные основания: с одной стороны, это субъективное видение творчества поэта критиками, писателями, литературоведами; с другой – борьба идеологий, каждая из которых стремилась утвердить и навязать свое представление о личности поэта [6].

В нынешнем столетии истоки множественности рецепции творчества Тукая видятся в другом. Современный читатель не может быть ограничен

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160012.

рамками одной идеологии, его литературная и культурная идентичности формируются на пересечении литератур, культур, языков. Для него Тукай – открытый текст, обладающий потенциальной множественностью смыслов.

В данной статье предметом размышления является тема «Тукай и евразийство». Она была актуализирована на рубеже 1990–2000-х гг. в трудах казахстанских ученых, инициировавших проведение (совместно с Академией наук Республики Татарстан) ряда научных конференций¹. Значительный вклад в развитие этой темы внес Разак Абдрахманович Абузяров, организовавший в 1995 г. в Уральске Уральский центр Габдуллы Тукая, переименованный в 2007 г. в Евразийский центр Габдуллы Тукая. Деятельность этого центра трудно переоценить: она не ограничивается усилиями, направленными на сохранение материальных объектов, связанных с жизнью Тукая в Уральске (в первую очередь, реставрации дома Тухватуллинных, в котором в 2007 г. был открыт музей поэта), включает в себя работу по сохранению и развитию идентичности татар, проживающих в Западном Казахстане (рядом с музеем расположен татарский культурный центр), научно-организационную и методическую работу по изучению творчества классика татарской литературы, а также преподаванию национальных языков в Казахстане.

Материалы конференций, состоявшихся в разные годы в Казахстане и Казани, свидетельствуют о том, что концепт «евразийство» в контексте темы «Тукай и евразийство» понимается широко, без привязки к разнообразным концепциям евразийства, представленным в трудах Н. Трубецкого, П. Савицкого, Г. Флоровского, Л. Гумилева. «Тукай, – пишет Г.Т. Хайруллин, – не занимался специально проблемами евразийства. Однако влияние его творчества на литературу других народов было такое, что это само объективно способствовало глубокому пониманию общности судеб народов Евразии» [7, с. 8]. Ученый из Кыргызстана Л.А. Шейман в качестве основ широкого (многоаспектного) понимания евразийства указывает на «признание типологической созвучности и генетического родства высокозначимых ценностей в цивилизациях Европы и Азии; утверждение плодотворности и перспективности их дальнейшего сближения и конструктивного взаимодействия; активную деятельность... по гармонизации коллизий, возникающих при встречах культур, по формированию сопряженного, синтетического мировосприятия у представителей контактирующих этносов...» [8, с. 61]. «Хотя термин «евразийство» и его основные идеи были сформулированы в 20-е годы нашего (т.е. XX – прим. авт.) века, – пишет Р.А. Абузяров, – людьми евразийского мышления можно назвать,

¹ См.: К истокам евразийской культуры. Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная Габдулле Тукаю (Уральск, 14–17 мая 1997 г.). Казань, 1998; Творчество Тукая в контексте евразийской культуры: Материалы конференции. Казань: Фикер, 2002. 176 с.; Проблемы формирования евразийского мышления (паритетного евразийства): Сборник материалов 5-ой Международной научно-практической конференции / Под ред. Р.А. Абузярова. Уральск, 2008. 220 с.

на наш взгляд, Пушкина, Лермонтова, Даля, Бестужева-Марлинского и других лучших представителей 19-го в.» [1, с. 29].

Приведенные высказывания во многом определяют векторы исследования темы «Тукай и евразийство»:

- синтез цивилизационных и культурных кодов в творчестве Г. Тукая;
- рецепция творчества Г. Тукая в евразийском культурном пространстве;
- роль Уральска в формировании литературной идентичности Г. Тукая.

Поэзия Г. Тукая изначально формировалась на основе диалога культур, и поликультурное пространство Уральска во многом способствовало ее открытости межлитературным диалогам. С литературой Востока Тукайзнакомился в годы учебы в уральском медресе «Мутыгия». Мударрис – Мутыгулла-хазрет Тухватуллин – давал ему уроки по арузу – арабскому стихосложению; сын Мутыгуллы-хазрета – Камиль Тухватуллин (как и Мутыгулла-хазрет, он учился в знаменитом каирском университете «Аль-Азхар») – обучал будущего поэта методам рецитации Корана, знакомил с восточными газетами и журналами, привлекал к деятельности организованного им в отцовском медресе литературного кружка «Гыйльми мэджлис» («Ученое собрание»), а впоследствии – издаваемых в Уральске татарских журналов («Аль-гасруль-джадид», «Уклар») и газеты «Фикер». С турецкой поэзией Тукай знакомил молодой турецкий поэт Габделвали Амрулла, некоторое время проживший в Уральске; развитию интереса к восточным языкам и литературам способствовали и издаваемая в Крыму И. Гаспринским газета «Тарджеман» («Толкователь») и выписываемые М. Тухватуллиным газеты «Шаркый рус» («Русский восток») и «Тараблис» («Триполи»).

Вместе с тем в Уральске Г. Тукай приобщается к ценностям русской литературы. Этому способствовала не только учеба в русском классе у выпускника Оренбургской учительской школы Ахметши Сиразетдинова, но и сама культурная жизнь Уральска-города, в котором в различное время бывали А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко, жили баснописец И.А. Крылов и В.И. Даль [9]. Работая в уральских газетах и журналах, Г. Тукай не мог дистанцироваться от происходящих в городе событий. В частности, он вместе с К. Тухватуллиным был среди участников состоявшегося в Уральске 4 декабря 1905 г. съезда 5 областей Степного края, на котором была предпринята попытка создания Казахской конституционно-демократической партии (организаторами съезда выступили А. Букейханов, Б. Каратаев, Т. Бердиев, М. Бахытгиреев, Х. Досмухамедов, Н. Айтмухамедов и др. Программа партии была опубликована на страницах газеты «Фикер», возглавляемой К. Тухватуллиным и Г. Тукаем. В уральский период жизни и творчества Тукай интересовался не только ближневосточной и русской поэзией: известно, что в круг его чтения входил издаваемый в Тифлисе Джалилом Мамедкулизаде сатирический журнал «Молла Насретдин», произведения казахского поэта Абая (Ибрагима Кунанбаева).

Все эти и другие установленные тукаеводами разных лет факты дают основание утверждать, что художественное творчество Г. Тукая формировалось в пространстве культурных и литературных диалогов, в орбиту которых были включены самые разнообразные (в культурном и цивилизационном отношении) национальные языки, литературы, культуры.

Общеизвестно, что идея множественности культур и языков была одной из основ евразийства. Эта идея отстаивалась будущими евразийцами еще в начале XX в., в первую очередь – в трудах Н.С. Трубецкого. В своей известной работе «Вавилонская башня и смешение языков» Н.С. Трубецкой выступает против языкового и культурного единообразия, считая, что «единая, общечеловеческая, лишенная всякого индивидуального, национального признака культура чрезвычайно односторонняя: при громадном развитии науки и техники (на что указывает самая возможность замысла стройки!) полная духовная бессодержательность и нравственное одичание» [5]. Отрицая идею общечеловеческой культуры и утверждая идеал культуры национальной («только в пределах такой культуры могут возникать морально положительные, духовно возвышающие человека ценности»), Н.С. Трубецкой вместе с тем полагает, что «национальное дробление» должно иметь определенный предел – в противном случае это приводит к измельчанию самих национальных культур.

Творчество Г. Тукая во многом соответствовало понимаемому таким образом идеалу многообразия культур. Уже в стихах уральского периода («Милләткә» / «Нации», «Ләззәт вә тәм нәрсәдә»? / «В чем сладость?») поэт в качестве жизненного идеала утверждает служение нации, использует этнический маркер самоидентификации – татарин:

*Татар бәхте өчен мин җан атармын
Татар бит мин, үзем дә чын татармын.
(«Үз-үзем»)*

Я душу отдам за счастье татар:
Ведь я татарин, истинный татарин.
(«Самому себе»)²

Но одновременно с этим в ранних стихотворениях Тукая звучат идеи прогресса нации, который видится как приобщение к ценностям европейской культуры (стихотворения «В саду знаний», «Слово друзьям», «Ради любви Аллаха», «О нынешнем положении», «О перо!» и др.). Уже в раннем творчестве поэт пробует себя в вольных переводах: переводит басни И.А. Крылова, стихотворения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова. Все это свидетельствует о том, что значимая для евразийства идея множественности культур была основой для становления Тукая как национального поэта.

Есть еще один момент, который сближает взгляды Н.С. Трубецкого и творчество Г. Тукая. В статье «Об истинном и ложном национализме»,

² Здесь и далее подстрочный перевод наш – М.И.

утверждая национальную самобытность каждой культуры и отрицая возможность одинаковой для всех общечеловеческой культуры, Трубецкой пишет о том, что «истинным, морально и логически оправданным может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытной национальной культуры или направлен к такой культуре» [4, с. 111].

Такому истинному национализму философ и ученый противопоставляет национализм ложный, основывающийся либо на навязчивой идее стать как «другие», т.е. сравняться с другими нациями, либо на «воинствующем шовинизме», когда преобладает стремление «распространить язык и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменников, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность», либо на «культурном консерватизме», «который искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускает изменение их даже тогда, когда они явно перестали удовлетворительно воплощать в себе национальную психику» [4, 111–114].

В статье «*Татар шагыйрьләре*» («Татарские поэты») Галимджан Ибрагимов, указывает на увлечение молодого Г. Тукая идеями интернационализма, приводя в качестве аргумента стихотворение «Националисты» («*Милләтчеләр*»), в котором поэт «дал жару националистам» [2, с. 125]. Примечательно в этой связи наблюдение немецкого исследователя М. Фридериха, автора исследования о восприятии и интерпретации творчества Тукая в критике и литературоведении XX в. Сравнивая точки зрения Г. Ибрагимова и ультралевых критиков конца 1920-х гг. (Ф. Сайфи-Казанлы, Г. Тулумбайского), М. Фридерих пишет об их созвучии, заключающемся, по мнению ученого, в утверждении о выделении Тукаем двух типов националистов: «настоящих, искренних националистов» («разумных националистов») и лицемерных.

Стихотворение «Националисты», ставшее для советских критиков одним из значимых аргументов в создании образа поэта-интернационалиста, в действительности содержит критику лживого национализма, а не идеи национализма как таковой. В нем Г. Тукай лживости лицемерных националистов противопоставляет истинную религию:

*Лябед сиңа терлер өчен корбан кирәк,
Житми мыр-мыр хәтем — чын, саф Корһан кирәк.*

Чтобы воскресить тебя (татарский народ – прим. авт.), нужна жертва
Недостаточно бормотать Коран под нос – нужен истинный Коран.

Автор осуждает националистов с точки зрения праведной веры:

*Биһүдәдер (буш әтер)! — сорыкорттан көтмәк гыйләж (ярдәм)
Син бер гали, сатылмаслык иргә мохтаж;
Хак Тәңренең каршысында килешмидер
Тәһарәтсез намаз илә корбансыз хәж!*

*Ибрагимов М.И. Габдулла Тукай и Николай Трубецкой:
к проблеме «Тукай и евразийство»*

Пустое! – не жди от трутня помощи,
Ты нуждаешься в великом, непродажном муже;
Всевышнему не угодны
Намаз без омовения и хадж без жертвоприношения!

Стихотворение «Националисты» не следует воспринимать как отрицание Г. Тукаем национализма в целом. Национализм, понимаемый как служение нации (просвещению, прогрессу), был частью мировоззрения татарского поэта. Тукай не приемлет «ложного» национализма, в котором забота о нации показная, в котором искажаются истина и подлинная вера.

Конечно, применительно к творчеству Г. Тукая сложно говорить о непосредственном влиянии на него взглядов евразийца Н.С. Трубецкого на множественность языков и культур или типы национализма. В то же время идеи известного в начале XX в. русского философа и лингвиста зачастую оказывались созвучными с суждениями видных деятелей татарской науки и общественной мысли этого времени. В частности, противопоставление двух типов национализма содержится в публицистических выступлениях С. Максуди, который, с одной стороны, выделяет «агрессивный национализм» (его сущность, по мнению татарского публициста, состоит в стремлении господствующих, политически независимых наций распространить свой язык, культуру, образ жизни на другие нации), с другой – национализм как стремление в условиях отсутствия национальной государственности сохранить свою национальную идентичность в языке, вековых традициях национальной жизни: *«Мэхкүмә милләтләрдә исә милләт фикере бөтенләй башка рәвештә аңлана: мэхкүмә милләтләрдә миллият фикере ата-бабаларыннан калган газиз тел, мөкәтдәс, бер кадерле гоэф-гадәтләр, өйрәнгән тормыш ысулларын сакларга тырышудан гыйбарәт – кыскасы, бабаларыннан мирас булган, үзләре өчен гарәби бер тормыш рәвешләрен, яшәешләрен саклауны фидакаренә теләүдән гыйбарәт була»* / «У подчиненных наций национальное сознание понимается совсем иначе: сохранение доставшегося в наследство от предков родного языка, священных и дорогих обычаев, жизненного уклада, в беззаветной преданности идее сохранения доставшегося от предков образа жизни» [3].

Таким образом, рассмотрение творчества Г. Тукая сквозь призму взглядов Н.С. Трубецкого открывает читателю новые смыслы творчества татарского поэта: формировавшееся в начале XX в. в условиях языкового, литературного и культурного многообразия Уралья оно во многом резонировало с мыслями русского философа о национальных языках, идентичности и множественности культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абузяров Р.А. Интеграция культур Востока и Запада в творчестве Габдуллы Тукая и ее роль в формировании единого евразийского пространства // К истокам евразийской культуры. Межрегиональная научно-практическая конфе-

рениция, посвященная Габдулле Тукаю (Уральск, 14–17 мая 1997 г.). Казань, 1998. С. 28–35.

2. Ибрагимов Г. Татар шагыйрьләре // Ибрагимов Г. Әсәрләр: 8 томда. 5 т. Казан: Тат. китап нәшр., 1978. С. 74–156.

3. Максуди С. Ике төрле милләтчелек // Йолдыз. 1913. 1053-нче (1 ноябрь) сан.

4. Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н. На следие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. С. 103–117.

5. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns13.htm> (дата обращения: 20.01.2020).

6. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 343 с.

7. Хайруллин Г.Т. Тукай и евразийство // Творчество Тукая в контексте евразийской культуры: Материалы конференции. Казань: Фикер, 2002. С. 8–11.

8. Шейман Л.А. К опоре на словесно-образные традиции паритетного евразийства // Творчество Тукая в контексте евразийской культуры: Материалы конференции. Казань: Фикер, 2002. С. 61–64.

9. Щербанов Н. Уральск литературный. Уральск, 2008. 352 с.

Сведения об авторе: Ибрагимов Марсель Ильдарович – кандидат филологических наук, заведующий отделом текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (420111, ул. Карла Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); mibragimov1000@mail.ru

GABDULLA TUKAI AND NIKOLAI TRUBETSKOY: TO THE PROBLEM OF «TUKAI AND EURASIANISM»

M.I. Ibragimov

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
mibragimov1000@mail.ru*

The consonance of views on the plurality of languages and cultures of N.S. Trubetskoy and Tatar poet Gabdulla Tukai's work is established in this article. The multicultural environment of Uralsk influenced the national identity of Gabdulla Tukai, based on the dialogic perception of Tatar, Russian, Kazakh, European and oriental cultures. The nationalism of G. Tukai, based on the ideas of serving the nation, its progress, and familiarizing with the values of European and Russian cultures, resonates with N. Trubetskoy's idea of true nationalism, opposed to the idea of impersonal universal culture.

Keywords: Gabdulla Tukai, Nikolai Trubetskoy, Uralsk, Eurasianism, plurality of languages

For citation: Ibragimov M.I. Gabdulla Tukai and Nikolai Trubetskoy: to the problem of «Tukai and Eurasianism». *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 42–49. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.42-49

REFERENCES

1. Abuzyarov R.A. Integratsiya kul'tur Vostoka i Zapada v tvorchestve Gabdully Tukaya i ee rol' v formirovanii edinogo evraziyskogo prostranstva [Integration of East and West cultures in the works of Gabdulla Tukai and its role in the formation of a unified Eurasian space]. *K istokam yevraziyskoy kultury. Mezhtsestvennaya nauchno-rakhticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya Gabdulle Tukayu* [To the origins of Eurasian culture. An interregional scientific-practical conference dedicated to Gabdulla Tukai. (Uralsk, May 14–17, 1997)]. Kazan, 1998, pp. 28–35. (In Russian)
2. Ibragimov G. Tatar shagyrläre [Tatar poems]. Ibragimov G. *Əsərlər* [Ibragimov G. Works]. In 8 vols. Kazan, Tatar Book House Publ., 1978, vol. 5, pp. 74–156. (In Tatar)
3. Maksudi S. Ike törle millətchelek [Two types of nationalism]. *Yoldyz – Star*. 1913. Issue 1053 (November 1). (In Tatar)
4. Trubetskoy N. Ob istinnom i lozhnom natsionalizme [On the true and false nationalism]. *Naslediye Chinghiskhana* [Genghis Khan's heritage]. Moscow, Agraf Publ., 2000, pp. 103–117. (In Russian)
5. Trubetskoy N.S. *Vavilonskaya bashnya i smesheniye yazykov* [The tower of Babel and the confusion of languages]. Available at: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns13.htm> (accessed 20.01.2020). (In Russian)
6. Friderikh M. *Gabdulla Tukai kak obyekt ideologicheskoy borby* [Gabdulla Tukai as an object of ideological struggle]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2011. 343 p. (In Russian)
7. Khayrullin G.T. Tukai i yevraziystvo [Tukai and Eurasianism]. *Tvorchestvo Tukaya v kontekste yevraziyskoy kultury: Materialy konferentsii* [Tukai's works in the context of Eurasian culture: Proceedings of a conference]. Kazan, Fiker Publ., 2002, pp. 8–11. (In Russian)
8. Sheyman L.A. K opore na slovesno-obraznye traditsii paritetnogo evraziystva [To the question of the basis of the verbal-figurative traditions of parity Eurasianism]. *Tvorchestvo Tukaya v kontekste evraziyskoy kultury: Materialy konferentsii* [Tukai's works in the context of Eurasian culture: Proceedings of a conference]. Kazan, Fiker Publ., 2002, pp. 61–64. (In Russian)
9. Shcherbanov N. *Uralsk literaturniy* [Literary Uralsk]. Uralsk, 2008. 352 p. (In Russian)

About the author: Marsel I. Ibragimov is a Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Textual studies of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12, Karl Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); mibragimov1000@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

УДК 394

DOI: 10.22378/he.2020-5-1.50-57

РОЛЬ ТАТАР В ПРОНИКНОВЕНИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ТУРКЕСТАН

Р.А. Расулова

*Исторический факультет
Национального университета Узбекистана
Ташкент, Республика Узбекистан
ikgulatov@mail.ru*

Активное участие татар в общественно-политической, культурной жизни Туркестана стало очевидным во второй половине XIX в. В этот период, наряду с идеями джадидизма, в Туркестан вошло искусство «европейского театра», являвшееся новинкой для народов края. Его носителями были татарские театральные труппы, которые самостоятельно или совместно с местной интеллигенцией устраивали показы литературных произведений. Доходы от их показа шли на благотворительность или на поддержку образования. Развитие театрального искусства в культурной жизни народов Туркестана за короткое время сыграло важную роль в развитии их культурных связей с татарскими просветителями и взаимному обогащению.

Ключевые слова: Туркестан, джадидизм, татары, театр, труппа, культура, связи

Для цитирования: Расулова Р.А. Роль татар в проникновении театрального искусства в Туркестан // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 50–57. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.50-57

Активное участие татар в общественно-политической и культурной жизни Туркестана стало очевидным со второй половины XIX в. В этот период, наряду с идеями джадидизма, в Туркестан стало проникать искусство «европейского театра», являвшееся новинкой для народов края. Театральное искусство было встречено ими с большим интересом. Оно за короткое время сыграло важную роль в развитии культурных связей между местными и татарскими просветителями.

В 1909–1911 гг. в Казани и Уфе были сформированы первые татарские театральные труппы. Одна из них принадлежала известному татар-

скому драматургу Ильясбеку Кудашеву Ашгазарскому. Его жена Фахрия Ибатуллоевна Кудашева начала карьеру актрисы в этой труппе в 1911 г. В этом же году труппа совершила творческие поездки по городам России, Туркестана и Кашгара. Основной их целью было знакомство местных мусульман с татарским театральным искусством [4, с. 178]. Как отмечал М. Рахмонов, именно эта театральная труппа татар стала первой, совершившей визит в Туркестан [12, 60 б.]. Ею в крупных городах края были показаны такие сценические произведения как «Несчастный жених», «Жизнь с тремя женами», «Хозяин и раб», «Стыд или слезы» [12, 60 б.]. Вскоре после написания Махмудходжоном Бехбудий¹ произведения «*Падаркуш*» («Отцеубийца») и ее постановки на сцене театра открылся путь для следующего поколения сценических произведений. О работе Бехбудий Б. Косимов говорил, что «Мы можем говорить о влиянии драмы не только на узбекский, но и на татарский, азербайджанский театр». В Туркестане работали такие режиссеры как Заки Боязидский, Алиаскаров, Сидкийрухилло, Ильясбек Ашгазарский [7, 222 б.], творчество которых подпитывало культурную среду региона.

В начале XX в. первые попытки театральных постановок в Туркестанском крае предпринимались во время семейных спектаклей. В квартире вышедшего в отставку генерала С.Г. Еникеева – татарина, выходца с территории современного Башкортостана и проживавшего в тот момент в Ташкенте, постоянно проводились вечера искусств. 4 апреля 1904 г. в ней татарскими любителями, живущими в Туркестане, была показана пьеса Навмика Камоля «*Ишк балоси*» [5, с. 19–20]. Перед началом спектакля полковник Абубакр Диваев рассказал о положительных сторонах европейского театра. Супруга генерала С.Г. Еникеева Саодат Еникеева получила европейское воспитание [12, 61–62 б.]. На художественном вечере 1909 г., организованном ею в собственном доме, присутствовал один из выдающихся узбекских мыслителей А. Авлоний² [3, с. 266].

Среди артистов татарских театральных трупп были не только мужчины, но и женщины. Женские образы в первых сценических произведениях в Туркестане исполняли актеры-мужчины из числа представителей местных национальностей, а также татары, армяне, евреи. Участие женщин в татарском театре считалось важным событием для того времени, так как в культурной жизни других тюркских народов такого уровня общественной ак-

¹ Махмудходжи Бехбудий (1875–1919) – первый драматург Туркестана, «отец джадидизма» в Туркестане, просветитель. См.: Маънавият юлдузлари (Марказий Осиёлик машхур сиймолар, алломалар, адиблар). Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 1999. 356–360 б.

² Абдулла Авлоний (1878–1934) – видный представитель узбекской культуры, поэт, драматург, государственный и общественный деятель. См.: Маънавият юлдузлари (Марказий Осиёлик машхур сиймолар, алломалар, адиблар). Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 1999. 365–368 б.

тивности женщин не наблюдалось. Статус женщин-татарок, их близость к европейской культуре прописывалась в произведениях татарских драматургов. Одним из них был Фатих Амирхан, главной идеей в творчестве которого являлся вопрос о судьбе татарских женщин. Он отмечал, что женщины-татарки имеют право на достойное место в обществе и на получение образования. В драме «Юность» главная героиня Азиза говорит: «В борьбе между новизной и стариной вы – татарские женщины – должны быть на нашей (джадидов – прим. авт.) стороне. Потому что старая жизнь превратила вас в марионеток и рабов в руках мужчин» [10]. Такие призывы звучали и в творчестве других деятелей татарской литературы.

В отличие от местных женщин Туркестана татарские актрисы выступали на театральной сцене с открытыми лицами. Правительство Российской империи использовало эту ситуацию для воспитания местных женщин с целью укрепления собственной власти в регионе. Для ее достижения оно создавало условия для активной деятельности театральных трупп в крае. В организации таких театральных вечеров активное участие принимали сами женщины-татарки. Собранные деньги шли на благотворительность и развитие образования. Так, 18 октября 1918 г. в Перовске (Акмечет) женщинами-татарками была поставлена сценическая постановка, а собранная сумма в 500 рублей была потрачена на ремонт разбитых колодцев Шахидмазара [9]. Об активном участии татарок в культурно-просветительской работе среди местных женщин сообщает преподаватель турецко-татарского научного общежития А. Альпаров. По их инициативе было проведено несколько совместных встреч, а также концертов в Старом городе Ташкента. Татарские женщины активно участвовали в организации кружков, театральных и художественных вечеров [11, 91–92 б.]. По их инициативе проводились национальные культурные вечера, которые вызвали интерес местного населения к театральному искусству. Один из таких вечеров был организован 4 февраля 1918 г. учителями медресе Фахрия в Казали Аминой Маминой и Марьям Фахридиновой. До этого времени местные женщины не видели театра, поэтому зрелище произвело на них неизгладимое впечатление [11, 92 б.].

4 мая 1913 г. начальник полицейского управления Казанской губернии Туркестанского окружного отдела в письме, направленном руководителю театральной труппы «Сайяр», позволял ей показать спектакли в Чарджуе, Бухаре, Самарканде, Андижане, Намангане, Коканде и Ташкенте [14, 32 б.]. В составе труппы была С. Гиззатуллина-Волжская – татарская женщина, внесшая значительный вклад в развитие татарского театра в Туркестане. Выступления в 1913 г. в Ташкенте, Намангане, Кагоне и Бухаре во время второго визита труппы «Сайяр» под руководством И. Кудашева-Ашказарского оказали сильное влияние на становление и развитие театрального искусства в крае [8, с. 158; 6, с. 66]. Во второй половине XIX – начале XX вв.

пьесы различного содержания, поставленные татарскими труппами, приобрели широкую популярность среди населения Туркестана.

В 1913 г. И. Кудашев-Ашказарский возглавил еще одну постоянно действующую татарскую театральную труппу в Ташкенте. Для ее развития в 1914 г. были приглашены известные татарские режиссеры Заки Боязидский и Мустафа Мансуров [7, 247 б.]. Наряду с работой в этой татарской труппе они занимались координацией работы театральной труппы «Туран», которая формировалась в основном из узбекской молодежи [13, 89 б.]. В декабре 1914 г. в театре труппы «Туран» была поставлена пьеса «Свадьба» под руководством татарского режиссера Заки Боязидского и пьеса «Стамбул» режиссера Мухамедьярова [14, 64 б.].

Одновременно в начале XX в. у местного населения наблюдалось постепенное повышение интереса к театральному искусству. 15 января 1914 г. в новой части города Самарканда прогрессивно мыслящая узбекская и татарская молодежь совместно исполнили сценические произведения Махмудходжа Бехбудий «Падаркуш» («Отцеубийца») и «Олдадук и олдадук». Количество людей, приходивших посмотреть спектакли, было настолько велико, что устроителям пришлось повесить цену билетов и помимо театрального зала на 320 человек дополнительно подготовить еще 50 посадочных мест. Наблюдались случаи перепродажи билетов в два раза дороже [14, 102–103 б.].

Вскоре руководитель труппы, которую сформировали проживающие в Бухаре татары, Гусейн Наджиб попросил разрешения у М. Бехбудий на постановку произведения «Падаркуш». В это же время он дал распоряжение о распределении прибыли среди бедных студентов. 5 марта 1914 г. в здании Бухарского «Туркестана» была показана драма «Падаркуш». Несмотря на неудачное ее исполнение, актеры в этот же день смогли мастерски продемонстрировать комедию Алиаскара Камала «Первый театр» [11, 26 б.]. Это привело к массовому сбору зрителей на последовавших театральных постановках.

Многие развлекательные мероприятия и представления, организованные местными татарами, проводились в основном в благотворительных целях. Например, в сведениях секретного агентства «Шахрисабзлик» сообщается, что 6 августа 1914 г. татарский любительский театральный кружок, выделил средства от спектаклей для поддержки членов семей, призванных на военную службу [2].

После Февральской революции 1917 г. художественные вечера и выступления татар, проживающих в Туркестане, приобрели широкий размах. 19 мая этого же года в Бухаре был организован культурный вечер самодеятельных артистов татарского и кавказского происхождения. Была показана комедия «Тезка», трехактная историческая пьеса Шакира Анбулата «В гробнице Чингизхана», исполнялись татарские народные песни и кав-

казские танцы. Среди зрителей оказался член «Временного комитета управления Туркестана» С. Максудий, который в конце выступления призвал народ к единству и объединению [15].

Театральные постановки спонсировались татарскими обществами. В частности, в день Рамадана в 1918 г. по инициативе мусульманского общества и Союзного общества были организованы «Восточные ночи». Планировалось, что комедия татарского писателя Шарифа Камала «Женитьба» будет поставлена совместно с татарскими и местными любительскими театральными труппами [16]. Благоприятная культурная среда татарских трупп быстро завоевала известность в Туркестане. Особый интерес вызывали сценические произведения. Все сцены, поставленные театральными труппами, воспроизводились в переносном смысле, они учитывали идеи времени и запросы населения края.

11 июня 1918 г. в Ташкенте местным любительским театром совместно с татарской театральной труппой во главе с Лалой Уральской был организован вечер. На нем разыгрывались комедии «Высмеянная дама» и «Полученное письмо», а также трагедия «У могилы матери». Л. Уральская мастерски исполнила роль и произвела большое впечатление на зрителей. На сцене царил такая тишина, что каждый участник вечера чувствовал себя соучастником её горя. В конце трагедии актрисе громко аплодировали [1, с. 81–83].

В 1918 г. в Ташкенте в пользу голодающих татарской, узбекской и казахской молодежи было организовано театрализованное представление. 6 июня этого года здесь же был организован культурный вечер татарских женщин. Выделенные средства были направлены в Общество милосердия [11, 92 б.].

Появление театра на территории Туркестана стало важным новшеством в жизни местного населения. В драматических произведениях, созданных в этот период, отразился образ жизни туркестанского народа в колониальных условиях, его борьба против угнетения и его стремление к свободе и гуманизму. В проникновение и широкое распространение театрального искусства в крае внесли татарские актеры. Особое значение имело их сотрудничество с местными самодеятельными труппами. Оно способствовало накоплению у них опыта. Проникновение театрального искусства в Туркестан повлияло не только на духовное состояние общества, но и на материальное. Средства, полученные от театральных постановок, тратились на благотворительные мероприятия, поддержку бедных студентов. Татарское театральное искусство в регионе развивалось и в первые годы советской власти. Спектакли татарских трупп пользовались большой популярностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпаров А. Среди девчат татинпроса. За пять лет. Сборник по вопросам работы Коммунистической партии среди женщин Средней Азии. М., 1925. С. 81–83.
2. Бухорода тотор жамияти // Улуғ Туркистон, 1917. 31 май.
3. Гайнуллина М. Послесловие к книге Фатиха Амирхана «Татарка: Избранные произведения» / Пер. с тат.; сост.: А. Шамов. М.: Гослитиздат, 1959. 270 с.
4. Гаффарова Г. Автобиографии Фахрии Ибатулловоны Кудашевой-Арской // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2006. № 2. С. 168.
5. Гулям Г. Габдулла Тукай и наш поэт / Слово о Тукае. Казань: Татарское книжное издательство, 1986. С. 18–22.
6. Илялова И.И. Межнациональные связи татарского театра. Казань: Татарское книжное издательство, 1985. 240 с.
7. Қосимов Б. Миллий уйғониш: жасорат, маърифат, фидойилик. Тошкент: “Маънавият”, 2002. 222 б.
8. Махмутов М., Илялова И., Гиззат Б. Октябрьгә кадәр татар театры. Казань: Татарстан китап нәшрияты, 1988. 399 с.
9. Национальный архив Республики Узбекистана. Ф. И.–461. Оп. 1. Д. 1314. Л. 37–37 об.
10. Перовский // Улуғ Туркистон, 1918. 3 ноябрь.
11. Расулов А., Исоқбоев А., Насретдинова Д. Туркистон ижтимоий-сиёсий, маданий ҳаётида татарлар. Тошкент: “TURON-IQBOL”, 2019. 192 с.
12. Раҳмонов М., Ҳ.Ҳ. Ниёзий ва ўзбек совет театри. Тошкент: Ўздавнашр, 1959. 320 с.
13. Ризаев Ш.Т. Саҳна маънавияти: Мақолалар, пьеса. Тошкент: Маънавият, 2000. 174 б.
14. Ризаев Ш.Т. Ўзбек жадид драматургиясининг шаклланиш манбалари. Филология фан. номз ... дисс. Тошкент, 1995.
15. Татарча театр // Улуғ Туркистон, 1918. 14 июн.
16. Хўжайин ва ғулум // Иштирокиюн, 1919. 31 октябр.

Сведения об авторе: Расулова Рислигой Абдулло кизи – докторант кафедры истории Узбекистана исторического факультета Национального университета Узбекистана (100128, Шайхонтохурский район, жилмассив Джангох, 16б, Ташкент, Республика Узбекистан); ikgulamov@mail.ru

**THE ROLE OF TATARS IN THE INTRODUCTION
OF THEATRICAL ART TO TURKESTAN**

R.A. Rasulova

*National University of Uzbekistan
Tashkent, Republic of Uzbekistan
ikgulamov@mail.ru*

Active participation of Tatars in the social-political and cultural life of Turkestan became noticeable in the second half of the 19th century. At that period, along with the jadidism ideas, the art of “European theatre,” which was a novelty for the region peoples, appeared in Turkestan. It was introduced by Tatar theatrical troupes which organized showing of literary works on their own or with assistance of the local intelligentsia. Earnings from those shows were contributed to charity or were used to support education. Development of the theatrical art in the cultural life of Turkestan peoples in a short period of time played a significant role in the development of their cultural ties with Tatar enlighteners and mutually enriching cooperation.

Keywords: Turkestan, jadidism, relations, theatre, theatrical troupe, culture, ties

For citation: Rasulova R.A. The role of Tatars in the introduction of theatrical art to Turkestan. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 50–57. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.50–57

REFERENCES

1. Alparov A. *Sredi devchat tatinprosa. Za pyat' let. Sbornik po voprosam raboty Kommunisticheskoy partii sredi zhenshchin Sredneu Azii* [Among the Tatinpros ladies. A collection on the issues of the Communist party activities among Central Asian women]. Moscow, 1925, pp. 81–83 (In Russian)
2. Bukhorada totor zhamiyati [Tatar community in Buhara]. *Ulug Turkiston – Great Turkestan*, 1917. May 31. (In Uzbek)
3. Gaynullina M. *Poslesloviye k knige Fatikha Amirkhana “Tatarka: Izbranniye proizvedeniya”* [An afterword to a book by Fatikh Amirkhan “A Tatar woman: Selected works”]. Transl. Comp. A. Shamov. Moscow, State Literary Publ. House, 1959. 270 p. (In Russian)
4. Gaffarova G. *Avtobiografii Fakhrii Ibatullovnay Kudashevoy-Arskoy* [Autobiographies of Alfiya Kudasheva-Arskaya]. *Gasyrlar avazy – Echo of Centuries*. 2006, no. 2, p. 168. (In Russian)
5. Gulyam G. *Gabdulla Tukai i nash poet. Slovo o Tukaye* [Gabdulla Tukai and our poet. A word on Tukai]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1986, pp. 18–22. (In Russian)
6. Ilyalova I.I. *Mezhnatsional'niye svyazi tatarskogo teatra* [Interethnic ties of the Tatar theatre]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1985. 240 p. (In Russian)

7. Kosimov B. *Milliy uygʻonish: zhasorat, maʼrifat, fidoyilik* [National awakening: courage, enlightenment, loyalty]. Tashkent, Manaviyat Publ., 2002. 222 p. (In Uzbek)
8. Makhmutov M., Ilyalkova I., Gizzat B. *Oktyabr'gʻa kadər tatar teatry* [Tatar theatre before the October]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1988. 399 p. (In Tatar)
9. Natsionalʼniy arhiv Respubliki Uzbekistan [The National Archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I. 461. Op. 1. D. 1314. L. 37.
10. Perovsky. *Ulug Turkiston – Great Turkestan*, 1918. November 3. (In Uzbek)
11. Rasulov A., Isokboev A., Nasretdinova D. *Turkiston izhtimoiy-siyosiy, madaniy khayotida tatarlar* [Tatars in the social-political and cultural life of Turkestan]. Tashkent, TURON-IQBOL Publ., 2019. 192 p. (In Uzbek)
12. Rakhmonov M. Kh. *Niyoziy va uzbek sovet teatri* [Niyazi and the Uzbek Soviet theatre]. Tashkent, Uzdavnashr Publ., 1959. 320 p. (In Uzbek)
13. Rizaev Sh.T. *Sakhna maʼnaviyati: Makolalar, pʼyesa* [Spirit of stage: articles, a play]. Tashkent, Manaviyat Publ., 2000. 174 p. (In Uzbek)
14. Rizaev Sh.T. *Uzbek zhadid dramaturgiyasining shakllanish manbalari. Filologiya fan. nomz. diss.* [The sources of formation of the modern Uzbek drama. Cand. phil. sci. diss.]. Tashkent, 1995. (In Uzbek)
15. Tatarcha teatr [Tatar theatre]. *Ulug Turkiston – Great Turkestan*, 1918. June 14. (In Uzbek)
16. Khýzhayin va gulom [The master and the slave]. *Ishtirokiyun – Participate*, 1919. October 31. (In Uzbek)

About the author: Risligoy A. Rasulova is a doctoral candidate at the Department of Uzbekistan History, Faculty of History, National University of Uzbekistan (16b, housing estate Dzhangoh, Shaykhontokhurskiy District, Tashkent 100128, Republic of Uzbekistan); ikgulamov@mail.ru

НОВО-ТАТАРСКОЕ КЛАДБИЩЕ КАЗАНИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А.И. Ногманов

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация,
nogmanov_a@mail.ru*

Исторические некрополи являются важнейшей частью культурного наследия. Они олицетворяют связь разных поколений и призваны фиксировать, хранить и транслировать коллективную память о значимых для общества событиях и личностях.

В статье освещены основные моменты истории Ново-Татарского кладбища Казани, выполняющего с начала XX столетия функцию общенационального татарского пантеона. Автор поднимает вопросы о придании некрополю статуса комплексного объекта культурного наследия, необходимости его научного изучения, а также использования в культурно-просветительских целях.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Ново-Татарское кладбище, Казань, Старо-Татарская слобода, Ново-Татарская слобода, исторические некрополи, историческая память

Для цитирования: Ногманов А.И. Ново-Татарское кладбище Казани как объект историко-культурного наследия // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 58–67. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.58-67

История Ново-Татарского кладбища неразрывно связана с историей татарских слобод Казани. Само кладбище возникло в конце XVIII в. В соответствии с положениями сенатского указа 19 мая 1772 г., запретившего устраивать места упокоения умерших ближе 100 саженей от жилых строений, место под него отвели южнее Ново-Татарской слободы [3]. Многие десятилетия этот *зират* (кладбище) служил своеобразным ориентиром, обозначая южную границу татарской части Казани. Данная ситуация сохранялась до 1930-х гг., когда территория Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод оказалась кардинально переключена стройками первых пятилеток.

Наиболее древнее из сохранившихся на Ново-Татарском кладбище надгробий датировано 1813 г. В начале 1990-х гг. эпиграфист И. Хадиев выявил и описал надгробие 1803 г. [5], однако к настоящему времени оно скорее всего утрачено, поскольку не было обнаружено во время фронталь-

ного обследования объекта, осуществленного в 2017 г. сотрудниками Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Предположительно во второй четверти XIX в. Ново-Татарское кладбище становится основным мусульманским некрополем Казани¹, заменив в этой роли кладбище «*Ике бистә арасы*» («Кладбище между двух слобод»), располагавшееся между Старо-Татарской и Ново-Татарской слободами и к тому времени переполненное. Долгое время *зират* не фиксировался на городских картах и планах. Его изображение под названием «Магометанское кладбище» впервые появляется на «Плане города Казани и окрестностей его» 1879 г., составленным техником И.Ф. Кваниным [2]. В то же время контуры кладбища как обособленной территории, хотя и без обозначения ее статуса, были зафиксированы тремя десятилетиями раньше на «Уменьшенном плане Казанской губернии города Казани выгонной и усадебной земли» 1846 г. [1]. Следует отметить, что очертания некрополя середины 1840-х гг. во многом совпадают с современными границами Ново-Татарского кладбища, т.е. на протяжении двух столетий они практически не менялись.

Статус основного действующего мусульманского *зирата* города² помог ему избежать печальной судьбы ряда других исторических некрополей Казани, исчезнувших в годы советской власти³. Этот же фактор в сочетании с близостью к Ново-Татарской и Старо-Татарской слободам, в которых проживала татарская деловая, культурная и религиозная элита, обусловили то обстоятельство, что уже к началу XX столетия Ново-Татарское кладбище приобретает функцию национального пантеона. В советский и постсоветский период его мемориальная значимость лишь усилилась. По концентрации похороненных выдающихся личностей с ним не может сравниться ни одно другое татарское кладбище. Имена Габдуллы Тукая, Шигабутдина Марджани, Каюма Насыри, Фатиха Амирхана, Салиха Сайдашева, Баки Урманче, Рустема Яхина, Марсея Салимжанова, Ильхама Шакирова, многих других видных сынов и дочерей татарского народа придают неповторимый ореол данному некрополю, позволяют считать его ценнейшей частью историко-культурного наследия Казани и всего тюрко-татарского мира.

Вместе с тем реалии таковы, что лишь 17 захоронений, находящихся на Ново-Татарском кладбище, входят в официальный реестр объектов культурного наследия Республики Татарстан (табл.).

¹ Основания для данного утверждения дает появление на кладбище захоронений представителей именитых казанских купеческих династий (Апанаевых, Юнусовых и др.), являвшихся своеобразными символами Старо-Татарской слободы.

² Помимо Ново-Татарского кладбища захоронения мусульман производились также на кладбищах Адмиралтейской и Пороховой слобод.

³ Наглядный пример – кладбище «*Ике бистә арасы*», на место которого в 1930-е гг. были возведены корпуса 5-й городской больницы.

№	Могилы	Даты жизни	Категория охраны
1.	Абжалилова Халиля Галеевича, артиста	1896–1963	федерального значения
2.	Амирхана Фатыха, писателя	1886–1926	республиканского значения
3.	Гиззата Тази, писателя и драматурга	1895–1955	республиканского значения
4.	Камала Шарифа, писателя и драматурга	1884–1942	республиканского значения
5.	Кариева Габдуллы основателя татарского театра, артиста	1886–1920	республиканского значения
6.	Наджми Кави, писателя	1901–1957	республиканского значения
7.	Насыри Каюма, писателя-просветителя, учёного	1825–1902	федерального значения
8.	Нугайбека Гимада Шарифзяновича, языковеда, журналиста	1881–1943	республиканского значения
9.	Садри Халика, большевика и писателя	1890–1955	республиканского значения
10.	Сайдашева Салиха, композитора	1900–1954	республиканского значения
11.	Султанова Зайни, артиста	1892–1952	республиканского значения
12.	Тукая Габдуллы, классика татарской литературы, поэта	1886–1913	федерального значения
13.	Укмаси Миргазиза, писателя	1884–1946	республиканского значения
14.	Урманче Баки Идрисовича, художника	1897–1990	республиканского значения
15.	Файзи Ахмета, писателя	1903–1958	республиканского значения
16.	Халиди Фатыха, писателя	1850–1923	республиканского значения
17.	Ямашева Хусаина, революционера-большевика	1882–1912	республиканского значения

Три захоронения из данного перечня (Г. Тукая, К. Насыри, Х. Абжалилова) являются объектами культурного наследия федерального, остальные – республиканского значения.

В основу реестра легли нормативные акты 1950–1960-х гг., поэтому состав вошедших в него персоналий несет печать советской идеологии. Наряду с бесспорно выдающимися личностями, чьи имена знакомы каждому татарстанцу, в нем присутствуют фигуры, известность и заслуги которых не выдержали проверку временем. В лучшем случае эти люди из-

вестны лишь узкому кругу профессионалов⁴. Вместе с тем в реестр объектов культурного наследия Республики Татарстан не входят захоронения многих знаковых для татарской истории и культуры деятелей. Чтобы как-то исправить сложившуюся ситуацию Татарстанское республиканское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ТРО ВООПИиК) предложило включить в действующий реестр еще 6 захоронений, расположенных на Ново-Татарском кладбище. Это могилы:

1. Шигабутдина Марджани (1818–1889), татарского просветителя, богослова, философа и историка.
2. Галимджана Баруди (1857–1921), религиозного и общественного деятеля, просветителя и педагога.
3. Ахметзяна Сайдашева (1840–1912), купца 1-й гильдии, общественного деятеля, благотворителя.
4. Ахмета Хусаинова (1837–1906), купца 1-й гильдии, благотворителя.
5. Ибрагима Юнусова (1806–1886), купца 1-й гильдии, потомственно-го почётного гражданина, благотворителя.
6. Фатыхи Аитовой (1866–1942), педагога, создательницы первой татарской женской гимназии.

Предложение пока находится в стадии рассмотрения, однако сама инициатива ТРО ВООПИиК заслуживает всяческой поддержки. Придание захоронениям выдающихся людей статуса объектов культурного значения важно, прежде всего, с юридической точки зрения. Указанные могилы и памятники на них после включения в реестр переходят в категорию объектов, особо охраняемых государством. Уничтожение этих захоронений, акты вандализма и прочие противоправные деяния, совершенные против них, влекут за собой уголовную ответственность.

Вместе с тем значимость Ново-Татарского кладбища для татарской истории и культуры, его роль в сохранении национальной памяти столь велики, что подобные точечные акты не могут решить проблему в целом. Это осуществимо лишь при распространении статуса объекта культурного наследия на весь некрополь.

Федеральный Закон РФ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» выделяет три вида объектов культурного наследия: 1) памятники, 2) ансамбли, 3) достопримечательные места [4]. Ново-Татарское кладбище по всем объективным показателям соответствует категории ансамбль или комплексный объект культурного наследия. Оно чётко локализуется на исторически сложившейся территории и включает в себя группы изолированных и объединенных памятников (захоронений), обладающих историко-архитектурной, художественной, научной и мемо-

⁴ Показательно, что могила одного из таких знаковых людей, языковеда Г.Ш. Нугайбека, на сегодняшний день считается утраченной.

риальной ценностью, имеющих особое значение для истории и культуры субъекта Российской Федерации [4].

В настоящее время в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ завершена работа над реестром захоронений Ново-Татарского кладбища, соответствующих указанным параметрам. В него вошли около 700 персоналий, представляющих разные исторические периоды. Купцы, предприниматели, мусульманские священнослужители, общественные деятели, педагоги, составлявшие элиту татарской нации во второй половине XIX – начале XX столетий, соседствуют в реестре со знаменитостями советского и постсоветского времени – видными государственными деятелями, учеными, писателями, поэтами, музыкантами, композиторами, актёрами, режиссёрами, Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда, Полными кавалерами ордена Славы, военачальниками, крупными хозяйственными руководителями и т.д. Имена этих людей золотыми буквами вписаны в историю татарского народа и Татарстана, творцами которой многие из них и являлись.

Количество персоналий, а также объем и сложность работы по юридическому оформлению перевода отдельных захоронений в категорию объектов культурного наследия, вынуждают отказаться от индивидуального подхода и добиваться придания Ново-Татарскому кладбищу статуса комплексного объекта культурного наследия – ансамбля.

В пользу данного предложения говорит и тот факт, что мемориальный характер некрополя определяется не только захоронениями выдающихся личностей. Помимо знаменитостей здесь похоронены сотни и тысячи не столь известных, но заслуженных людей, много сделавших для развития Татарстана – представители инженерно-технической интеллигенции, научные работники, преподаватели вузов, учителя, сотрудники творческих союзов и организаций, работники средств массовой информации. Они являлись важнейшим интеллектуальным ресурсом республики, без деятельного участия и профессиональных компетенций которых вряд ли были возможны ее достижения в экономике, культуре, науке, образовании и других областях. Кроме того, на кладбище много захоронений участников Великой Отечественной войны, солдат и офицеров, погибших во время исполнения воинского долга в Афганистане и других «горячих» точках, ветеранов армии и флота, МВД и других ведомств, обеспечивавших безопасность России и ее граждан. Их заслуги также достойны благодарной памяти.

Помимо мемориальной значимости Ново-Татарское кладбище представляет большой интерес с культурно-просветительской и научной точки зрения. По существу, оно является одновременно музеем под открытым небом и архивом, хранящим ценные свидетельства прошлого.

Музейная составляющая некрополя очевидна. Любой посетитель, оказавшийся здесь впервые, неизбежно попадает под магию имен выдающихся личностей, заново открывая их для себя. По этическим соображениям не следует превращать мусульманский *зират* в туристический объ-

ект, подобный Новодевичьему и Ваганьковскому кладбищам в Москве или Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге. В то же время статус национального пантеона предполагает проведение на Ново-Татарском кладбище культурно-просветительных и воспитательных мероприятий («Дни памяти» и др.), а также организацию экскурсий для заинтересованных лиц и небольших туристических групп.

Потенциал для налаживания различных видов экскурсионной работы немалый. Это могут быть обзорные экскурсии, дающие общее представление о некрополе и его наиболее интересных достопримечательностях. Другой вариант – экскурсии, посвященные отдельным выдающимся личностям, «Г. Тукай и его окружение», «Ш. Марджани и его наследие» и т.д. Широкие перспективы открываются и для проведения тематических экскурсий «Казань купеческая», «Мастера татарской театральной сцены», «Композиторы Татарстана», «Звезды татарской эстрады» и др. Думается, что экскурсии по Ново-Татарскому кладбищу будут востребованы жителями Казани и ее гостями, поскольку позволят не только получить новую информацию об интересующих их выдающихся личностях, но непосредственно отдать дань их памяти.

Возможности для экскурсионно-просветительской работы будут расширяться по мере научного изучения Ново-Татарского кладбища. Как и другие исторические некрополи, оно является для историков источником понимания общественного и религиозного сознания, системы символов культуры времени, во время которого жили похороненные там люди. Надгробные памятники и эпитафии отражают реалии повседневной жизни, так или иначе связанные с умершим человеком – его социальное положение, основные деяния и достижения на служебном, общественном и других поприщах, наличие родственников и т.д.

Особый интерес для исследователей представляют памятники мусульманской эпитафии XIX в. – 1920-х гг., выявленные в процессе обследования кладбища сотрудниками Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Это более 1300 каменных надгробий, принадлежавших как рядовым обитателям татарских слобод, так и представителям известных фамилий. Нередко надгробия образуют целые «родовые» участки. К их числу относятся семейные захоронения Апанаевых, Юнусовых, Бурнаевых, Субаевых, Галеевых, Утямышевых, Сайдашевых, Галикеевых и др., расположенные в разных частях кладбища. Расшифровка этих эпитафических материалов даст ценнейшую информацию о жителях Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод Казани, откроет страницы прошлого, которые невозможно воссоздать с помощью других источников.

Анализ датировки памятников, расположения родовых участков и отдельных захоронений позволяет реконструировать историю «освоения» Ново-Татарского кладбища. В частности, данные обследования *зирата* опровергают сложившееся мнение, что наиболее древняя часть некрополя прилегает к аллее «*Иске Юл*» («Старая дорога»), вдоль которой находятся

могилы Г. Тукая и многих других знаменитостей. На самом деле, на кладбище нет «старых» и «новых» участков. Свидетельство тому – каменные надгробия первой половины XIX столетия, которые можно встретить в разных частях *зират*. Это дает основания утверждать, что освоение территории Ново-Татарского кладбища носило довольно хаотичный характер и шло не строго от участка к участку, а произвольно, т.е. захоронения производились на свободные места. По этой причине на одном участке могут присутствовать захоронения самых разных лет.

Появление свободных мест подчинялось определенной логике и периодичности. Уже отмечалось, что Ново-Татарское кладбище за двести с лишним лет существования практически не меняло границы. Следовательно, в какой-то момент ресурсы свободной земли были исчерпаны и захоронения начали производиться поверх старых могил, к тому времени заброшенных или сравнявшихся с землей.

Причины подобного забвения были разные:

- отсутствие близких людей, способных ухаживать за могилами;
- свойства человеческой памяти⁵;
- недолговечность материалов, из которых изготавливались памятники⁶;
- пренебрежительное отношение к памяти умерших людей.

Подобное отношение, граничащее с нигилизмом, было особенно характерно для первых десятилетий советской власти, когда из населения активно вытравлялись воспоминания о прошлом. В этот период значительный урон понесли многие исторические некрополи. Каменные надгробия, принадлежавшие «классово чуждым элементам» (дворянам, буржуазии, духовенству) варварски уничтожались или переделывались для

⁵ Люди обычно чтят и помнят тех старших родственников, кого они хорошо знали. Как правило, это бабушки и дедушки. Более ранние предки – для них уже почти мифические фигуры, не связанные с личными ассоциациями, и потому отношение к ним довольно равнодушное. Могилы таких родственников постепенно приходят в запустение и со временем исчезают.

⁶ До революции у татар в этой роли чаще всего выступало дерево, срок службы которого не велик. Каменные надгробия в силу дороговизны были доступны лишь состоятельным слоям населения, как правило, купцам и духовенству. В советский период в качестве материала для памятников широко использовалось железо. По долговечности оно превосходит дерево, однако без покраски и других защитных мер тоже уязвимо перед временем. В разных частях Ново-Татарского кладбища можно встретить немало проржавевших памятников со стершимися полностью или частично надписями. К сожалению, каменные надгробия тоже не вечны. До революции основным материалом для них был известняк, часто невысокого качества. Надписи на таких камнях со временем выветриваются, крошатся и исчезают. Памятники из гранита и других твердых материалов были привозные и потому очень дорогие. Их могли позволить себе лишь очень состоятельные люди. На Ново-Татарском кладбище такие памятники встречаются в единичных экземплярах.

повторного использования. Данные о прежних владельцах стирались, сбились, зашлифовывались или замазывались.

Нередко информацию на памятниках стирали сами родственники умерших с «сомнительным» социальным происхождением. Подобным образом они пытались защитить могилы родных от поругания, а себя – от преследований новой власти. На Ново-Татарском кладбище еще встречаются единичные безымянные каменные надгробия со следами человеческого вмешательства. В прошлом их наверняка было больше, но со временем они неизбежно исчезнут. Нет надписи на памятнике – нет человека, такой печальный вывод подсказывает опыт. Между тем люди продолжают уходить в иной мир и проблема свободных мест на казанских кладбищах, в особенности престижных, будет всегда актуальной. Таким образом, изучение исторических некрополей помимо научной составляющей поднимает целый комплекс важных морально-нравственных и этических проблем.

Фронтальное обследование Ново-Татарского кладбища, проведенное в 2017 г. сотрудниками Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, показало, что некрополи – очень уязвимая часть культурного наследия. В частности, многие из выявленных памятников мусульманской эпиграфики XIX в. – 1920-х гг. находятся в крайне плачевном состоянии: лежат поваленные между оградами, среди куч мусора, иногда под слоем земли, разбиты на отдельные фрагменты и т.д. Спасти все эти памятники от исчезновения не представляется возможным. В этих условиях задача историков заключается в том, чтобы выделить среди надгробий наиболее ценные и сконцентрировать усилия на их сохранении, реставрации и музеефикации. Аналогичную работу следует провести с надгробиями видных деятелей советского времени, ряд которых также находится на грани разрушения.

Другая актуальная задача – составление реестра утраченных могил, принадлежавших известным историческим личностям, захороненным на Ново-Татарском кладбище. Это люди, жившие не только в XIX – начале XX столетий, но и в более поздний период. Среди них немало с трагической судьбой⁷. Со временем их имена можно будет увековечить на специальных памятных стеллах, что позволит потомкам этих людей и всем желающим отдать им дань памяти.

⁷ Среди них видный татарский писатель и литературовед Гали Рахим (1892–1943), необоснованно репрессированный в 1931–1934 и 1938–1940 гг. В феврале 1943 г. его больного и крайне истощенного выпустили из тюрьмы без права проживания в Казани. Поселившись нелегально у младшей сестры Зайнап, не имея продовольственных карточек и средств к существованию, он умер от холода и голода 3 марта того же года. Похоронили Г. Рахима тайно на Ново-Татарском кладбище. На могиле поставили деревянную доску, которую жители близлежащих к *зирату* домов вскоре пустили на дрова. В 1991 г. другая сестра Г. Рахима Рауза показала место его погребения писателям М. Магдееву и Ш. Мустафину. В 2019 г. Ш. Мустафин передал эту информацию автору данной статьи.

Указанные мероприятия следует проводить в рамках целенаправленной работы по благоустройству некрополя, вложению средств в формирование здесь особых мемориальных зон. В последние годы в Республике Татарстан придается большее значение сохранению и воссозданию объектов культурного наследия. Хочется надеяться, что внимание государственных и общественных организаций, занимающихся этой важной и благородной миссией, будет обращено и на Ново-Татарское кладбище.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 24. Оп. 739. Д. 151.
2. План города Казани и окрестностей его (1879 г.) // Это Место.ру. URL: <http://www.etomesto.ru/map/base/16/kazan-1879.jpg> (дата обращения: 27.08.2019).
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 19. № 13803.
4. Российская газета. 2002. 29 июня. № 116–117.
5. Надиев И. Уткәннәрнең хатирәсен ике гасыр саклый бу таш // Идел. 1994. № 4.

Сведения об авторе: Ногманов Айдар Ильсурович – кандидат исторических наук, заведующий отделом историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); nogmanov_a@mail.ru

NEW TATAR CEMETERY OF KAZAN AS A SITE OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

A.I. Nogmanov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
nogmanov_a@mail.ru*

Historical necropolises are an important part of the cultural heritage. They represent the connection of different generations and are designed to record, store, and broadcast the collective memory of significant events and individuals for society.

The article highlights the main moments of the history of the New Tatar cemetery of Kazan which has performed the function of the national Tatar Pantheon since the early 20th century. The author raises questions about giving the necropolis the status of a complex cultural heritage site, the need for its scientific study, as well as using it for cultural and educational purposes.

Keywords: historical-cultural heritage, New Tatar cemetery, Kazan, Staro-Tatarskaya Sloboda, Novo-Tatarskaya Sloboda, historical necropolises, historical memory

For citation: Nogmanov A.I. New Tatar cemetery of Kazan as a site of historical and cultural heritage. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 58–67. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.58-67

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 24. Op. 739. D. 151. (In Russian)
2. Plan goroda Kazani i okrestnostey ego (1879 g.) [Plan of the city of Kazan and its vicinities (1879)]. (In Russian) Available at: <http://www.etomesto.ru/map/base/16/kazan-1879.jpg> (accessed 27.08.2019).
3. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e [Full collection of the laws of the Russian Empire. Collection 1]. St. Petersburg, vol. 19, no. 13803. (In Russian)
4. *Rossiyskaya gazeta – Russian newspaper*, 2002, June 29, no. 116–117. (In Russian)
5. Khadiev I. Ytkännärne hatiräsen ike gasyr saklyj bu tash [This stone keeps the memory of the past for two centuries]. *Idel – Volga*, 1994, no. 4. (In Tatar)

About the author: Aydar I. Nogmanov is a Candidate of Science (History), Head of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); nogmanov_a@mail.ru

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАЗАНИ, ИЗУЧЕННЫЕ ШИХАБУТДИНОМ МАРДЖАНИ

А.М. Гайнутдинов

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
aydargm@yandex.ru*

Особый интерес для изучения истории, культуры и языка татарского народа представляют древние надгробия. Одним из первых ученых, обратившихся к их исследованию, был Шихабутдин Марджани. Он многое сделал для татарской эпиграфики, изложив некоторые известные ему факты в труде «Мустафадель-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Извлечение вестей о событиях Казани и Булгара»). Марджани выявил и изучил древние надмогильные плиты, обнаруженные на территории Кабанского городища, а также при строительных работах на улице Воскресенской (современная улица Кремлевская г.Казани), составил полное описание их текстов с авторскими комментариями. Таким образом он внес существенный вклад в выявление и изучение самых древних татарских эпиграфических памятников столицы Татарстана. Но несмотря на безусловный авторитет Марджани, разночтения в датировках, именах породили сомнения в правильности прочтения текста некоторых эпиграфических памятников.

Ключевые слова: Шихабутдин Марджани, «Мустафадель-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар», надмогильные камни, Казань, некрополи, эпиграфические памятники

Для цитирования: Гайнутдинов А.М. Эпиграфические памятники Казани, изученные Шихабутдином Марджани // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 68–74. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.68-74

Среди объектов историко-культурного наследия татарского народа, дошедших до наших дней, особо выделяются эпиграфические памятники с арабографичными надписями. В силу своей многочисленности и распространенности в регионах компактного проживания татар они представляют значительную ценность как источник для изучения истории, языка и культуры народа.

Традиция установки эпиграфических памятников на могилах умерших идет от древних тюрков. Известны камни с руническими письменами, датированные 731 и 734 гг., установленные в честь тюркских правителей Культягина и Бильгекагана. У тюркских народов была распространена

традиция установки балбалов (каменных статуй). Считалось, что это каменное воплощение умершего предка, который должен охранять, присматривать и всячески участвовать в судьбах своих родственников [1, 5 б.]. Балбалы выполняли те же функции, что и надгробные памятники.

После принятия ислама турки начали ставить на могилы камни с текстами на арабской графике, т.к. ислам запрещал изображения человека. Помимо имен и дат на них наносились аяты из Корана и хадисы (высказывания пророка Мухаммада). До завоевания Волжской Булгарии войсками Бату хана у местного населения не было обычая установки каменных надгробий. По мнению ученых М.И. Ахметзянова и Р.Ф. Фахрутдинова, эта практика пришла в Поволжье вместе с золотоордынской цивилизацией [2, 9 б.; 6, с. 71]. Именно в период Золотой Орды в крае появляются первые арабографичные памятники, традиция установки которых не прерывалась до наших дней.

Особый интерес для изучения представляют эпиграфические памятники, сохранившиеся в г.Казани. Одним из первых ученых, обратившихся к их исследованию, был Шихабутдин Марджани (1818–1889). Он многое сделал для татарской эпиграфики, изложив некоторые известные ему факты в труде «Мустафадель-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Извлечение вестей о событиях Казани и Булгара»). Первый том этого фундаментального исторического сочинения был издан в 1897 г., второй – в 1900 г. Марджани, в частности, изучил две древние надмогильные плиты, обнаруженные на территории Кабанского городища¹, и составил полное описание их текстов.

Первая из плит была установлена на могиле человека по имени Ахмад. По мнению Марджани, там написаны следующие слова:

- 1) *«Гүвәл-хәййүл-ләзии ләә йәмуут*
- 2) *вә күллү хәййин...*
- 3) *Әхмәд...*
- 4) *рахмәтән вәәсигәһ фани дөнйәдин*
- 5) *бакый ахирәт тарих алты*
- 6) *төшдән алты җәл әт зөлхиҗҗә*
- 7) *айых сәкер көн әрнә көн әт*
- 8) *әл-мәутү бәәбүн вә күллүн-нәәси дәәхыйлүһү*
- 9) *бәгъдәл-мәут».*

Перевод на русский язык: «Он [Аллах] – Живой, который не умирает. Ахмет... (Пусть Аллах помилует его) обширной милостью) из тленного мира в вечный мир... Был шестидесятый год из шести мест, восьмой день

¹ Кабанское городище XIII в. расположено вблизи озера Средний Кабан. В 1665 г. на его месте был основан Воскресенский Новоиерусалимский мужской монастырь, просуществовавший до 1917 г. Монастырь долгое время являлся загородной резиденцией Казанского Архиерейского Дома, вследствие чего за ним закрепилось еще одно название – Архиерейская дача (Архиерейское подворье).

месяца зульхиджжа, пятница. Смерть – дверь, каждый человек после смерти оттуда войдет» [4, 27 б.].

Некоторые слова в данном тексте звучат нетипично для такого рода памятников и не совсем понятны. По этой причине возникает вопрос: «Правильно ли прочитал текст эпитафии Ш. Марджани?» Слова «алты төшдэн алты жал» («шесть лет из шести мест») Ш. Марджани перевел как «660 год» [3, 119 б.], однако в другой публикации его труда приведена дата «666 год» [4, 5 б.]. Какая из этих дат правильная? 8-й день месяца зульхиджжа 660 г. по хиджре приходится на 29 октября 1262 г. 8-й день месяца зульхиджжа 666 года по хиджре будет 25 августа 1268 г. (по старому стилю).

Опираясь на указанные нестыковки, исследователь А. Хайри пришел к выводу, что Ш. Марджани неправильно передал текст и предложил свой вариант прочтения эпитафии: «Алты жүр ван алтышы жал ите зөлхижжэ аех сәкер көн эрне көн ите» («Был шестьсот шестнадцатый год, восьмой день месяца зульхиджжа, пятница») [5, 77 б.]. Согласно ему, получается, 8-й день месяца зульхиджжа 616 г. по хиджре приходится на 20 февраля 1220 г. (по старому стилю). Однако в ту эпоху, как уже отмечалось, в Поволжье еще не было традиции устанавливать на могилах арабографичные памятники. Она пришла сюда не ранее 80-х гг. XIII столетия, поэтому датировка эпиграфического памятника на Кабанском городище первой половиной XIII в. вряд ли правомерна. О сохранности данного исторического надгробия в настоящее время ничего не известно, как и нет возможности прочесть текст на нем. По всей вероятности, памятник уже утрачен.

Примечательно, что камнем с Кабанского городища заинтересовался известный языковед-тюрколог Н.И. Ашмарин (1870–1933). Он предложил свой вариант прочтения эпитафии, отличающийся от предложенного Ш. Марджани не только датой, но и именем умершего человека:

- 1) *«...Былдаи(Йылдаи) ул Ба(Йа)*
- 2) *...р Алтын Бөрти*
- 3) *(рахмэт)үллааһи галэйһээ*
- 4) *рахмэтэн вээсигаһ фани дөһйара*
- 5) *бакый а жан туй тарих алт жүр*
- 6) *тухыр ван алт с жал эт зэлхижжэ*
- 7) *айых сәкер көн ирен көн эт*
- 8) *ал-мәүтү бээбүн вә күллүн-нәәси дээхийлүһ*
- 9) *вә йәә ләйтә шәгъриш*
- 10) *бәгъдал-мәүти бид-дәәр» [1, с. 107].*

Н. Ашмарин приводит перевод данного текста на русский язык: «Ылтынъ-Бюрди(?), дочь... Ба(Иа)..., сына..., да будет над нею милость Божия милостью широкою. Возвращение ея изъ мира тленнаго въ миръ (?) вечный совершилось по времячислению въ 696-омъ году, въ восьмой день месяца зуль хиджа, въ день пятницы. Смерть есть дверь, и все люди

войдут въ нее. О, если бы мне знать объ обиталище моемъ после смерти!» [1, с. 108].

По нашему мнению, Н.И. Ашмарин верно расшифровал надписи на памятнике, только имя Ылтын-Бюрди, все-таки нужно читать, наверно, как Алтын Бюртек, т.к. в тексте, приведенном выше, это имя написано с буквой «т», а не «д», а буква «к», возможно стерлась или была написана на следующей строке. Таким образом, Ашмарин доказал, что покойная умерла 27 сентября 1297 г., что не вызывает никаких сомнений.

Ш. Марджани описал еще одно надгробие с арабографичным текстом, располагавшееся на Кабанском городище. Надпись на камне гласила:

- 1) *«Һувал-хэйүл-ләзии ләә йәмүүт*
- 2) *һазәә мәркадүс-султаанил-әкбәрил-әкрами гаусис-саләәтыйн*
- 3) *әл-әмириил-мүкәррами вәлийй-*
- 4) *ил-мүзаффәри...*
- 5) *әл-кираами вәл-әжәәлишил-гыйзаамил-гыйльми*
- 6) *иләә... әл-мүзаффәр-*
- 7) *-иш-шәрафәйни мүфәххарил-...*
- 8) *вәд-диин залләллаһү лил-галәмшин*
- 9) ...
- 10) *Хәсән бәк бине Мирмәхмүд»* [4, 5 б.].

Перевод на русский язык: «Он [Аллах] – Живой, который не умирает. Это – [могила] великого и щедрого правителя, помощника правителей, уважаемого повелителя, близкого победителя... уважаемых и великих ученых к... победитель двух почтенных... и гордость религии. Пусть Аллах хранит для миров... Хасан бек ибн Мирмахмуд». В другом месте Марджани пишет, что это памятник Хасан бека ибн Махмуда [3, 28 б.].

На этом камне не указана дата смерти покойного, однако по палеографическим особенностям можно предположить, что он установлен в XIII–XIV вв. Данный памятник изучил известный эпиграфист Г.В. Юсупов (1914–1968), однако он мало что смог добавить к прочтению Ш. Марджани. Ученый лишь уточнил, что надгробие принадлежит Хасан-беку сыну Мир-Махмуда (а не сыну Махмуда), а также установил место его хранения – Государственный музей ТАССР (ныне Национальный музей РТ) [7, таб. 2].

В книге «Мустафадель-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Ш. Марджани содержится информация еще об одном надмогильном камне, найденном в 1814–1815 гг. при строительных работах на улице Воскресенской (современная улица Кремлевская). Видный казанский предприниматель и меценат Ибрагим Юнусов перенес его в мечеть «Марджани» [4, 4 б.]. Данный камень вмурован в одну из внутренних стен мечети и любой желающий может его посмотреть. По мнению Марджани, надгробие принадлежало Мухаммадгали беку сына Шахмухаммад бека [4, 4 б.]. Наше знакомство с памятником показало, что в действительности ка-

мень был установлен на могиле Мухаммадгали бека сына Мухаммадшах бека, скончавшегося в 1530 г. Практически аналогичное прочтение дает Г.В. Юсупов [7, таб. 68].

Ниже приводим текст надписи на памятнике:

- 1) *«Кааләллааһу Тәбәаракә вә Тәгааләә*
- 2) *күллү мән галәйһәә фәән вә йәбкаа вәжһү*
- 3) *Раббикә зүл-жәләәли вәл-икраам*
- 4) *тарих тукуз йөз утуз*
- 5) *алтыда Мөхәммәдшаһ бик углы Мөхәммәдгали*
- 6) *бик зөлкагдә айынд кяфер кулындын шәһид».*

Перевод на русский язык: «Сказал Всевышний Аллах: «Все на ней (земле) смертны. Вечен лишь Лик Господа твоего, обладающий величием и великодушием». В месяце зулька'да девятьсот тридцать шестого года Мухаммадгали бек сын Мухаммадшаха бека стал мучеником от рук неверного».

Из-за того, что надгробие вмуровано в стены мечети, невозможно прочитать надписи на его оборотной и боковых сторонах. К счастью, Ш. Марджани приводит их содержание. На оборотной стороне камня написано: «Бу ләүхне углы Тәңреколы бәк бина кыйлды» («Этот камень установил Танреколы бек»), на правой стороне: «Каалән- нәбии галәйһис-сәләәм әд-дүнийәә сәәгатүн фәжгальһәә таагаһ» («Сказал пророк (мир ему): «Этот мир есть один час, так посвети же его поклонению»), на левой стороне: «Каалә...» («Сказал...») [4, 4 б.].

Ш. Марджани внес существенный вклад в выявление и изучение старых древних татарских эпиграфических памятников Казани. Его исторический труд «Мустафадель-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» является настольной книгой для исследователей, изучающих татарскую эпиграфику. К сожалению, в настоящее время не все надгробия, выявленные Марджани, сохранились. При расшифровке некоторых текстов надгробий ученый допустил некоторые неточности и ошибки, но это никак не умаляет его заслуги в области эпиграфики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашмарин Н. Мусульманский камень на Архиерейской даче // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXI. Вып. 1. С. 92–112.
2. Әхмәтжанов М.И. Ташбилгеләргә язылган татар әдәбияты үрнәкләре. Казань, 2011. 215 б.
3. Мәржани Ш.Б. Әл-кыйсмел-әүвәл мин китаби мөстәфадел-әхбари фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Б.Л. Домбровский типографиясе, 1897. 264 б.
4. Мәржани Ш.Б. Әл-кыйсмес-сани мин китаби мөстәфадел-әхбари фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Казан университеты тәбгыханәсе, 1900. 368 б.

Гайнутдинов А.М. Эпиграфические памятники Казани,
изученные Шихабутдином Марджани

5. Мәржани Ш.Б. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 415 б.

6. Фахрутдинов Р. Золотоордынский Булгар // Татарская археология. 2006. № 1–2. С. 64–82.

7. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 322 с.

Сведения об авторе: Гайнутдинов Айдар Марсилевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); aydargm@yandex.ru.

KAZAN EPIGRAPHIC MONUMENTS STUDIED BY SHIHABUTDIN MARJANI

A.M. Gainutdinov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
aydargm@yandex.ru*

Epigraphic monuments are of great value as a source for studying their history, language, and culture. One of the first scholars to turn to this area of research was Shihabutdin Marjani. He contributed a lot to the Tatar epigraphy by expounding some facts he had learnt in his work *Mustafadel-ahbar fi ahwali Kazan va Bulgar (Extracting the News of the Events of Kazan and Bulgar)*. S. Marjani identified and studied the ancient tombstones discovered on the Kabansky settlement territory, as well as during construction works on Voskresenskaya Street (modern Kremlin Street) and made a full description of their texts with author's comments. Thus, he made a significant contribution to the identification and study of the most ancient Tatar epigraphic monuments of Kazan. However, despite the unconditional authority of Sh. Marjani, discrepancies in dates and names raised doubts about the correct reading of the text of certain epigraphic monuments.

Keywords: Shihabutdin Marjani, “Mustafadel-ahbar fi ahwali Kazan va Bulgar”, gravestones, Kazan, necropolises, epigraphic monuments

For citation: Gainutdinov A.M. Kazan epigraphic monuments studied by Shihabutdin Marjani. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 68–74. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.68-74

REFERENCES

1. Ashmarin N. Musul'manskiy kamen' na Arkhiyereyskoy dache [Muslim stone at the Bishop's dacha]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. 1905, vol. XXI, no. 1, pp. 92–112. (In Russian)
2. Äkhmätжанов M.I. *Tashbilgelärgä yazylgan tatar ädäbiyatı urnäkläre* [Samples of Tatar literature on monuments]. Kazan, 2011. 215 p. (In Tatar).
3. Märğani Sh.B. *Äl-qismel-äuwäl min kitabi möstäfadel-ähbar fi ähvali Kazan vä Bolğar* [The first part of Removing news about the state of Kazan and the Bulgar]. Kazan, 1897. 264 p. (In Tatar).
4. Märğani Sh.B. *Äl-qismes-sani min kitabi möstäfadel-ähbar fi ähvali Kazan vä Bolğar* [The second part of Removing news about the state of Kazan and the Bulgar]. Kazan, 1900. 368 p. (In Tatar).
5. Märğani Sh.B. *Möstäfadel-ähbar fi ähvali Kazan vä Bolğar (Kazan häm Bolğar hälläre turynda fajdalanylğan häbärlär)* [Removing news about the state of Kazan and the Bulgar]. Kazan. 1989. 415 p. (In Tatar).
6. Fakhruddinov R. Zolotoordynskiy Bulgar [Golden Horde Bulgar]. *Tatarskaya arkheologiya – Tatar archeology*. 2006, no. 1–2, pp. 64–82. (In Russian)
7. Yusupov G.V. *Vvedeniye v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku* [Introduction to the Bulgar-Tatar epigraphy]. Moscow-Leningrad, 1960. 322 p. (In Russian)

About the author: Aidar M. Gainutdinov is a Candidate of Science (Philology), Senior Research Fellow of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); aydargm@yandex.ru

МИКРОИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 37.058

DOI: 10.22378/he.2020-5-1.75-94

ИСТОРИЯ ТАТАРСКОЙ ОБЩИНЫ СЕМИПАЛАТИНСКА

П.С. Шаблей

*Костанайский филиал
Челябинского государственного университета
Костанай, Республика Казахстан
pavel-shablei@list.ru*

В статье рассматривается история татарской общины города Семипалатинска. Особое внимание уделено функционированию татарских мечетей, учебных заведений, развитию мусульманской благотворительности, суфизму. Хотя население Семипалатинска имело смешанный этнический состав, вплоть до начала XX в. татары составляли здесь почти четверть. Татарские купцы определяли приоритеты развития местной экономики, а в медресе учились студенты из различных регионов Российской империи. К тому же Семипалатинск был самым крупным центром мусульманской культуры в восточной части современного Казахстана.

Ключевые слова: Семипалатинск, *вакф, закят, ушур, мадраса, мактаб*, Оренбургское магометанское духовное собрание

Для цитирования: Шаблей П.С. История татарской общины Семипалатинска // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 75–94. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.75–94

История татарской общины города Семипалатинска – важная веха в истории формирования мусульманских сообществ на территории современного Казахстана. В XVIII–XIX вв. значительная часть татар переселяется из внутренних регионов Российской империи на периферию – Сибирь, Казахскую степь, Туркестан. В настоящей статье речь пойдет о том, какой вклад внесли татары в формирование Семипалатинска. Особое внимание будет уделено вопросу о функционировании мусульманских институтов в регионе, отдаленном от крупных административных центров империи и лишь номинально входившем в зависимость от Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Изучая проблемы взаимодействия между имперским государством и мусульманами, с одной стороны, а также особенности развития мусульманских институтов, с другой,

автор попытается продемонстрировать, что не существовало каких-либо однозначных объясняющих схем. Мусульмане не всегда стремились к интеграции с империей, а чиновники, несмотря на идеи русификации окраин, стремились обеспечить концептуальное разнообразие в осуществлении государственной власти.

Историографический обзор

История татарской общины Семипалатинска еще не была предметом специального научного исследования. Хотя следует заметить, что ученые уже обращали пристальное внимание к отдельным аспектам исламской истории этого города. Особенно выделяются труды Аллена Франка и Миркасыма Усманава. В 2001 г. ими был опубликован перевод с татарского языка истории мечетей Семипалатинска. В его основу легли рукописи Ахмада-Вали б. ал-Казани – татарского имама 6-й мечети Семипалатинска и Курбана Али Халиди – крупнейшего казахского этнографа и историка [33]. В 2005 г. Аллен Франк и Миркасым Усманов издали новую книгу – перевод исламского биографического словаря, подготовленного Курбаном Али Халиди. Значительную часть этой работы составляют биографии мусульманских ученых и религиозных деятелей Семипалатинска [34]. Определенный вклад в изучение мусульманской культуры и истории города внес и автор этих строк. В 2013 г. им была издана монография «Очерк по истории мусульманских общин Семипалатинска (XVIII–XIX вв.)». В ней представлены различные этнические группы данного населенного пункта: казахи, сарты, татары, башкиры [30]. Отдельные стороны развития мусульманских институтов Семипалатинска затронул в своих работах И.К. Загидуллин. Он, как правило, приводит примеры мусульманской истории города на фоне изучения более крупных процессов – функционирование мечетей в округе ОМДС, петиционные кампании мусульман [11].

От крепости к городу с восточным колоритом

Семипалатинск был основан в 1716 г. как военно-опорный пункт на казахско-русском пограничье. Занимая выгодное экономико-географическое положение на пересечении торговых путей между Россией и Азией, город во второй половине XVIII в. приобрел важное социально-экономическое и административно-политическое значение. Он стал крупным центром меновой торговли. В это время происходил активный рост мусульманского населения города. Ключевую роль здесь сыграли правительственные указы 1731, 1745, 1760 гг. Согласно им, утверждалось право российских татар и народов Центральной Азии на беспрепятственную торговлю в Семипалатинске [30]. По данным капитана И. Андреева, в 1789 г. в городе проживало 900 человек. Из них около 100 были выходцами из

Центральной Азии¹, оставшихся на постоянное жительство, а также башкир, находившихся на русской службе. Кроме того, зафиксировано 50 тобольских и тюменских татар [33, р. 5].

Основным занятием первых мусульманских поселенцев была торговля. Татарские, бухарские, ташкентские и другие купцы размещались в меновой слободе, которая находилась на острове Полковничьем. По причине того, что остров из-за весеннего разлива Иртыша часто подтоплялся, мусульмане обращались к властям с просьбой перенести слободу на более высокое место. В 1798 г. такое разрешение было получено. Так появилась татарская слобода [10, с. 460–461].

Как изменялась численность татарского населения города в XIX в.? Оказавшийся в Семипалатинске в мае 1846 г., Адольф Янушкевич оставил в своем дневнике такую запись: «Сегодняшний Семипалатинск, отстроенный на руинах старой крепости джунгаров, насчитывает до 7000 [тысяч] жителей, более всего татар, ташкентцев и бухарцев» [10, с. 470]. В 1854 г. город стал областным центром. Его новый административный статус и социально-экономический рост повлияли и на внутреннее благоустройство. 1 января 1864 г. в нем проживало уже 8897 человек, т.е. его население возросло более чем на 30% по сравнению с 1846 г. (5332 человека) [10, с. 69]. По наблюдениям И. Завалишина, приток населения в эти годы в основном осуществлялся благодаря переселению татар из Вятской, Казанской губерний и из Тюмени. Подспорье татарам составляли и сарты, для которых Семипалатинск стал второй родиной. Мусульмане, проживавшие в лучшей части города, отмечал И. Завалишин, «придали Семипалатинску восточную физиономию» [10, с. 351].

Во второй половине XIX в. город еще лучше благоустроился, а население размещалось уже в трех больших секциях. Северная часть была названа Казачьим кварталом (Казачья слобода) и являлась наиболее процветавшей частью Семипалатинска. К югу располагался Татарский квартал (Татарская слобода), который занимал наибольшую площадь города и был населен различными мусульманскими группами. Южнее Иртыша находился большой пригород известный как Заречная слобода. Это была самая бедная часть города, первоначально населенная казахами (особенно их беднейшими группами – *джатаками*) и небольшим числом татар [33, р. 5–6]. По данным *Ахмад-Вали б. ал-Казани*, в 1880-е гг. мусульманское население преобладало в городе. Если в первой секции, населенной рус-

¹ В русских источниках многие народы, проживавшие за озером Балхаш, в Средней/Центральной Азии, назывались «ташкентцами», «бухарцами». Местное же казахское население именовало их сартами [9, с. 34]. Однако к данным И. Андреева следует относиться с осторожностью, так как бухарцы – это не только выходцы с территорий южнее оз. Балхаш («Большая Бухария»), но и часть жителей Джунгарии – нынешнего Синьцзяня («Малая Бухария»).

скими и казаками², размещалось 599 домов, то во второй – в татарской слободе – на 993 домов приходилось 7726 человек. Этническое соотношение в 1882 г. было следующим: русские – 35,5%, казахи – 36,6%, татары – 22,8%, сарты – 2,9% [33, р. 5–6]. К началу XX в. татарское население города увеличивается почти в 3 раза и составляет 5015 человек.

Можно ли было Семипалатинск XIX в. считать городом с ярко выраженным восточным колоритом? А.К. Гейнсу, находившемуся здесь в 1865 г., показалось, что это так. В своих записках он подчеркивал, что «город совершенно уже азиатский» [7, с. 333–334]. Мусульманские черты стали преобладать в городской архитектуре во второй половине XIX в. Восточный облик городу придавал татарский квартал (на который приходилось наибольшее число домов – 993) с 9 мечетями и гостиным двором. Дома квартала имели тенденцию строиться в среднеазиатском / центральноазиатском стиле, т.е. окна выходили в основном не на улицу, а во внутренний двор [33, р. 6]. Пригороды Семипалатинска были густо усеяны казахскими юртами. Причем лучшим зданием города считалась двухминаретная мечеть, построенная в 1858–1862 гг. Она и сегодня является яркой историко-культурной достопримечательностью Семипалатинска и местом для богослужений. Мечеть была возведена по турецкому проекту на средства татарских купцов Сулейманова, К. Абдышева, Б. Рафикова. Поражительный восточный колорит ей придают 14 окон в виде прямоугольника в сочетании с полукругом. Портальное помещение оформлено тремя дверями на высоком крыльце и завершается луковичным куполом без барабана. Важную роль в экстерьере играют два минарета, расположенные на углах основного зала в порталной части. Оба минарета также завершаются золочеными полумесяцами. Все здание мечети по периметру от земли до карниза обработано рельефными декоративными поясами [17]. Прихожане очень трепетно относились к внешнему виду мечети и старались поддерживать ее грациозный облик. Первоначально минареты мечети были деревянными, но в 1893 г. в связи с ее реставрацией кроме ряда других работ, были отстроены и каменные минареты. Ремонт осуществлялся на средства семипалатинских купцов Ш. Рафикова и Ф. Ахтямова. Техническая часть была поручена другому семипалатинскому купцу – М. Хамитову, который должен был принять на себя труд по ремонту и постройке, какие требуется произвести в соборной мечети [12, с. 7].

Татарские мечети

Первая татарская мечеть появилась в конце XVIII в. Она была построена на средства местного татарского купца и очень авторитетного человека – *Шафибая Ишим оглы*, который был родом из деревни Мазарбаши Казан-

² В этот период русские и мусульмане жили в основном порознь. Только население восьмой мусульманской общины смешалось с русскими домами, так как размещалось в первой секции города [33, р. 33, 35].

ской губернии. Первым имамом стал Ахмад-Ишан Мухаммад оглы (*Ахмад-ишан б. Кизил-Мухаммад*). Его родиной была Казань. Перед тем, как приехать в Семипалатинск Ахмад-Ишан занимал должность имама при 4-й казанской соборной мечети [1, с. 115–116]. Известно, что будущий имам 1-й семипалатинской мечети получил образование в Бухаре. Прекрасно разбираясь в эзотерических науках, новый имам все же продемонстрировал некоторую некомпетентность в вопросах шариата. Поэтому спустя несколько лет Шафибай вызвал из Мазарбаши своего родного брата – Мухаммадьяра Хазрата Ишмухаммада (*Мухаммад-Йар б. Иш-Мухаммад Мазарбаши*) и сделал его помощником Ахмад-Ишана [33, р. 16–17].

Постепенно в связи с увеличением мусульманского населения появилась необходимость в строительстве второй татарской мечети. Первая мечеть была разобрана и перенесена на окраину города. На ее месте была воздвигнута более крупная вторая мечеть [12, с. 461]. Ее имамом стал Ахмад-Ишан, занимавший эту должность в течение пятидесяти лет. Достигнув преклонного возраста, он вызвал своего сына *Ибрахима/Ибрахима Ахунда* (в русских источниках Ибрагим Ахметов) из Бухары и добился, чтобы жители *махалли* выбрали его новым имамом. В 1847 г. Ибрахим стал уездным ахуном. В 1864 г. Семипалатинское областное правление назначило его областным ахуном³. ОмДС выступило против этого решения, объявив, что не признает в Ибрахине Ахунде «достаточного познания в религиозном отношении для занятия столь значительного пред глазами магометан поста» [20, оп. 8, д. 1000, л. 43–44]. Духовное собрание надеялось рекомендовать на это место более ученых людей – местных имамов Файзуллу Мухамедьярова и Рашитэددина Рашитова. Оно даже предложило беспрецедентное до этого случая решение – устроить баллотировку. Однако российская администрация проигнорировала вмешательство ОмДС и не стала отменять свое распоряжение [20, оп. 8, д. 1021, л. 9 об.–14]. После смерти Ибрахима Ахунда имамом первой мечети был выбран зять ахуна *‘Убайдуллах б. ‘Абд ал-Файз ал-Казани* [34, р. 19]. В 1900 г. этот человек умер и его место занял родной сын – *‘Абдуллах б. ‘Убайдуллах* [34, р. 56]. Интересно, что *‘Абдуллах* вынужден был делить эту позицию со своим дядей *Фидой-Ахмадом б. Ибрахим Ахундом*⁴.

По инициативе Тахира Ибрагимова (из деревни Большие Менгеры) и других татарских купцов, в 1837 г. строится третья мечеть. Ее имамом стал Дамулла Иса Ибрахим. Он выходец из д. Большие Менгеры. Образование получил в Бухаре, там же стал последователем суфийского учения.

³ Должности уездного, областного ахуна были изобретением российской администрации. Однако, законодательно статус различных категорий ахунов не был определен.

⁴ Фида-Ахмад не смог после смерти своего отца Ибрахима Ахунда приехать в Семипалатинск, чтобы стать имамом. Он длительное время учился в Бухаре и Стамбуле [34, р. 62–63].

При этой мечети была *мадраса*⁵. В 1902 г. третья мечеть сгорела, и на ее месте богатый человек *махалли* Садыкбай Мусин построил красивую пятничную мечеть [33, р. 77].

В 1847 г. была построена четвертая мечеть. Она была большая деревянная. Ее первым имамом стал *Дамулла Риза ад-Дин б. Мулла Валид*. Он обучался в Бухаре и был хорошим знатоком мусульманского права. По сообщению Ахмад-Вали ал-Казани, Дамулла Риза ад-Дин отличался приятным нравом и прекрасной речью. В *мадраса* при мечети, в которой он преподавал, всегда было много шакирдов (студентов). После его смерти в 1879 г. новым имамом стал *Мулла Ахмеджан 'Убайдуллах*, переселившийся в Семипалатинск из Казанской губернии. Образование он получил в знаменитой Кышкарской *мадрасе* у *Якуба б. Яхьи ад-Дубъязи* [33, р. 22–23].

Самой крупной и процветающей была пятая *махалла* Семипалатинска. В 1880-е гг. она включала около 800 хозяйств, состоявших из казахских и татарских семей. По сравнению с другими мусульманскими общинами пятая имела значительное число купцов – около 60 семейств [33, р. 79]. В 1876 г. благодаря поддержке богатых людей при 5-й *махалле* построили одну из самых больших мечетей в Семипалатинске, к которой позже была пристроена трехкомнатная *мадраса* [33, р. 24]. Первым имамом этой мечети был *Мулла 'Абд ал-Карим б. 'Абу Бакр* из деревни Кугарчин⁶. Он учился в Бухаре и Самарканде. Однако в отличие от других имамов *Мулла 'Абд ал-Карим* не поехал в Уфу, чтобы сдать экзамен в ОМДС.

Через некоторое время в *махалле* произошел конфликт. Причиной разногласий было то обстоятельство, что казахам не понравились характер и поступки местного имама и, они добились его смещения. Следующим имамом стал Мухаммад-Амин Мансуров из нижегородских мишар. Он обучался в деревне Мачкара. Мухаммад-Амин Мансуров (получил от казахов прозвище *Сары Мулла*) прослужил в должности имама 5-й мечети, несмотря на свой острый язык и постоянные ссоры с местными мусульманами, более 50 лет. Согласно Курбан Али Халиди, он не только прекрасно декламировал Коран, но и как порядочный человек выступал против лести и подобоострастия по отношению к богатым и влиятельным людям. Имам не стремился к личному обогащению за счет благотворительных пожертвований. При случае Мухаммад-Амин Мансуров не раз пытался публично выступить в пользу интересов беднейших членов общины [34, р. 29–30, 71–72].

Шестая татарская мечеть была построена в 1852 г. Первым ее имамом стал *Мулла Зайн ал-'Абидин б. 'Абд ал-Маннан*. Он учился в Бухаре, а ро-

⁵ *Мадраса* – религиозная школа второй ступени после начальной (мактаб). Учебных заведений не было только при двух сартовских мечетях, которые считались самыми бедными в городе. Дети сартов, сообщает *Ахмад-Вали б. Али ал-Казани*, вынуждены были ходить в *мадрасы* других мечетей [33, р. 32].

⁶ В XIX в. было две деревни с таким названием: первая в Казанской губернии, вторая в Уфимской губернии [33, р. 24].

дом был из деревни Мачкара. *Зайн ал-‘Абидин* был прилежным ученым и очень умным человеком. Однако спустя несколько лет с ним случилась беда – его разбил паралич. В результате его обязанности легли на плечи местного муэдзина Мустафы Сайида. В 1863 г. новым имамом стал *Мулла Фазлуллах б. Ни‘матуллах*, который обучался в Бухаре. Он родился в д. Сухаеш Самарской губернии. После смерти *Муллы Фазлуллаха* члены *махалли* решили вызвать из Бухары своего земляка *Ахмад-Вали ал-Казани* и сделать его имамом. После возвращения в Семипалатинск, этот человек в 1864 г. отправился в Уфу и сдал экзамен на должность ахуна, мударриса и имам-хатыба. Его отец был крупным торговцем, водившим караваны в Семипалатинск, Ташкент, Бухару. Семья происходила из деревни Утар-Аты Казанской губернии. В 1864 г. при мечети открывается трехкомнатная деревянная *мадраса*. Двадцать лет спустя (в 1884 г.) появилась еще одна *мадраса*. На этот раз каменная [33, р. 26–28].

Известно, что в состав шестой *махалли* входили не только татары, но и значительное число казахов. В 1916 г. казахи обратились в ОМДС с жалобой, в которой говорилось, что татары не допускают их к выборам имама, «называя нас – киргиз – собаками». Они просили муфтиат объяснить: действительно ли казахи по шариату лишены права голоса «как пасынки в религиозном отношении» [29, д. 3692, л. 9–9 об.]. Этот случай не указывает на фундаментальные религиозные противоречия. Скорее он отражает особенности борьбы за экономические ресурсы и властное доминирование. Это тем более показательно, что данная *махалля* имела несколько сот хозяйств, из которых менее ста приходилось на татарское население [34, с. 23]. ОМДС попыталось примирить враждующие стороны и объявило, что по шариату казахи имеют право голоса в делах шестой мечети Семипалатинска [29, д. 3692, л. 10 об.].

Седьмая мечеть была построена в 1859 г. на деньги некоего Гатауллаха. *Мулла Хусам ад-Дин* из д. Казиле Казанской губернии стал ее первым имамом. Так как этот человек был преклонного возраста, вскоре его сменил *Мулла ‘Абд ал-Джаббар ‘Убайдаллах*. Образование он получил в Бухаре. Там же приобщился к суфизму. После возвращения из Бухары *Мулла Абд ал-Джаббар* женился на дочери Хусам ад-Дина и наряду с выполнением обязанностей имама преподавал в *мадрасе*. В 1881 г. по пути домой из хаджа он умер. Какое-то время мечеть не имела постоянного имама. На эту должность привлекались местные муэдзины и шакирды. В 1882 г. новым имамом стал *‘Абд ал-Хакк б. Мулла ‘Имад ад-Дин*. Он появился на свет в одной из деревень вблизи Тюмени. Потом отправился вместе со своим отцом Муллою Имади в Медину. Там они жили некоторое время и обучались исламским наукам. Курбан Али Халиди дал *‘Абд ал-Хакку* очень высокую оценку – уважаемая и эрудированная личность, имевшая хороший голос и хорошие навыки в рецитации Корана [34, р. 56]. Известно, что он принимал активное участие в общественно-политической жизни мусульман Российской империи. Был приглашен на уфимское совещание

1905 г., на котором обсуждались различные вопросы регламентации духовного устройства мусульманской жизни [2, 13 б.]. В декабре 1913 г. 'Абд ал-Хакк должен был принять участие в собрании, организованном ОМДС. Это совещание планировало обсудить проблемы реформирования *мактабов* и *мадрас*. Согласно отчетам Уфимского жандармского управления, которое тщательно следило за общественной и политической активностью мусульман, семипалатинский имам так и не приехал в Уфу [12, л. 53–54]. 'Абд ал-Хакк б. Мулла 'Имад ад-Дин опубликовал много работ в журнале «*Дин ва мағыйшат*», издававшемся в Оренбурге (1906–1918). Его статьи были посвящены различным аспектам мусульманского права, теологии, актуальным вопросам жизни мусульман Российской империи [5]. Кроме этого, семипалатинский имам участвовал в дискуссии по поводу книги известного богослова и публициста Мусы Бигиева «*Рэхмэт илаһия борһаннары*» («Доказательства божественного милосердия»). Еще до появления книги взгляды Мусы Бигиева были подвергнуты им жесткой критике [6]. В конце 1890-х гг. 'Абд ал-Хакк из седьмой мечети переходит в третью. Его след теряется после Гражданской войны. Согласно данным В.Н. Кашляка, он эмигрировал за границу [14, с. 483].

Восьмая мечеть была построена в 1882 г. на средства Мухаммаджана Хаджи Исмаил оглы Иштиракофа, который был родом из д. Ташкичу Казанской губернии. *Мулла Камал ад-Дин Мухаммад-Рахим*, происходивший из окрестностей Казани, стал ее первым имамом. Он учился в Кышкарской *мадрасе*, а потом еще три года в Бухаре. При этой мечети была построена *мадраса* [33, р. 30–31].

Известно, однако, что в 1888 г. в Семипалатинске было не восемь, а одиннадцать мечетей. Остальные три принадлежали сартам и шала(чала)-казахам. Возможно, что в конце XIX в. эти общины, в отличие от других (в которых татары и казахи представляли смешанное население), были обособленными. Одна из причин заключалась в неудовлетворительной оценке их религиозных качеств и бедности. Обращая на это внимание, Ахмад-Вали ал-Казани так характеризовал сартов: «В богатые времена их моральные качества [были такие, что даже] перед утренними молитвами они хотели идти к своим окнам [молиться]. В настоящие дни (где-то в 1880-е гг. – прим. авт.) в летнее время они спят вплоть до одиннадцати часов из-за лености»⁷. Оценка казахов была более сдержанной и оптимистичной в плане будущего их религиозной культуры: «Но даже если фундаментальные [религиозные практики] непоследовательны [среди казахов], они собираются надежно на общественные молитвы, и какое плохое у них омовение. Они не моются, как следует и вытираются кончиками пальцев... Они идут в мечеть и говорят: «Бог прими это». Их имамы дают им много наставлений» [52, р. 24].

⁷ Возможно, что частью этого процесса было и незначительное число детей сартов в *мадрасах*. В 1830-е гг. их было всего восемь [33, р. 6, 30–31].

Мусульманская благотворительность

В начале XX в. в Семипалатинске проживало около 10 тысяч мусульман. Учитывая, что российские власти не финансировали мусульманские институты, большую роль играла благотворительная деятельность. Несмотря на то, что Временное положение по управлению Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями (принято в 1868 г.) отменяло мусульманские *вакфы* [15, с. 339–340], они продолжали существовать. Имперский закон только заменил понятие «*вакф*» на русское «дарение», сохранив за этим институтом его изначальный смысл – движимое и недвижимое имущество, переданное или завещанное на религиозные или благотворительные цели. Сами же мусульмане, покидая кабинеты чиновников, называли эту юридическую сделку прежним понятием «*вакф*».

Как оформлялись *вакфные* сделки, и какие татарские мечети владели *вакфами*? Так, в 1916 г. имам седьмой мечети Фазлы-Акрам Мунасыпов передал в ее собственность дворовое место с домом и другими надворными постройками. Для того чтобы оформить эту сделку, ему пришлось обратиться к русскому нотариусу и привести с собой свидетелей способных подтвердить его «законную правоспособность» на обладание этим имуществом. После внесения соответствующей записи в крепостную книгу документы пересылались в ОМДС, которое просило Министерство внутренних дел (МВД) признать это пожертвование дарением, т.е. *вакфом*. В случае, если МВД подтверждало законность такой сделки, ОМДС настаивало на том, чтобы прихожане выбрали из своей среды трех доверенных лиц (попечителей), которые должны были следить за состоянием этого *вакфа*. Основная их задача заключалась в необходимости контролировать доходы с него – использовать их на отопление, освещение, ремонтные работы и другие потребности мечети и *мадрасы* [29, д. 4036, л. 1 об.–5]. В 1916 г. в пользу седьмой мечети был передан еще один *вакф*. Он был пожертвован купеческим сыном Мухаммедгалием Сайфуллиным, который постоянно проживал в городе Зайсан Семипалатинской области. Данный *вакф* располагался на Татарской улице и включал земельный участок площадью 193, 96 квадратных сажень с двухэтажным полукаменным домом и другими надворными постройками [29, д. 4052, л. 4–5].

В 1912 г. почетный гражданин города Семипалатинска Мухаммед-Валий Хамитов передал в пользу второй мечети два принадлежавших ему дома. Интересно, что процедура была оформлена без участия ОМДС. Усилившаяся в эти годы политизация ислама в Казахской степи привела к ряду репрессивных мер по отношению к татарским религиозным деятелям. Они обвинялись в «разжигании религиозного фанатизма» и панисламизме, способных, по мнению некоторых имперских чиновников, помешать политике русификации. В Петропавловске была закрыта новометодная (*усул ал-джадид*) *мадраса* Хасана Пономарева [20, оп. 133, д. 470, л. 77]. Из Акмолинска был выслан татарский имам *Худжат Махмуд ат-Тарави* [16].

Очевидно, эти события не оставили в стороне и проблему *вакфа*. Прошение Мухаммед-Валия Хамитова было тщательно рассмотрено множеством бюрократических инстанций: Семипалатинским военным губернатором, Степным генерал-губернатором, МВД. Прежде всего, власти проверили политическую благонадежность просителя. После этого завязалась переписка по поводу того, как определить пожертвование Хамитова. Это *вакф* или дарение? В конце концов, заявив о том, что *вакфы* в Семипалатинской области запрещены, МВД назвало имущество, переданное в пользу второй мечети, дарением. Однако дело на этом не закончилось. В октябре 1916 г. Мухаммед-Валий Хамитов вновь подал прошение на имя Семипалатинского военного губернатора. Оказалось, что местный нотариус отказался оформить акт о пожертвовании, так как МВД разрешило принять дарение только в пользу мечети, а не мечети и *мадрасы*, как того хотел Хамитов [28, ф. 64, оп. 1, д. 1268, л. 1 об.–6]. Нет сведений, чем закончилась эта история. Тем не менее, она показательна в плане того, как нежелательный бюрократический поворот, очевидно, поспособствовал нелегальному оформлению *вакфа*. Другие *вакфы*, материалы о которых не встречаются в архивах, но получили отражение в мусульманских источниках⁸, были оформлены таким же способом.

Доходы от *вакфа* шли в основном в пользу мечети и *мадрасы*. На какие средства существовали сами имамы и другие духовные лица? В основном это была материальная помощь членов *махалли*⁹. Анализ ведомости о числе мечетей в Области Сибирских киргизов (казахов) за 1860 г. показывает, что все приходские духовные лица не получали никакого содержания от государственной казны. В статье же о доходах имамов значатся формулировки типа «содержания ни от казны, ни от прихожан не имеет», «содержится на пожертвования прихожан», «пособия никакого не получает» [28, ф. 345, оп. 1, д. 1557, л. 31–33]. Очевидно, что взносы общины не имели фиксированного размера и определялись добровольно. Поэтому большое значение имел личный фактор. Так, например известный семипалатинский мугаллим Ахмеджан Шахид был очень зажиточным человеком, так как получал постоянный доход от лекций, а на собраниях богатые люди давали ему много денег [35, р. 90]. Имам третьей мечети *Дамулла Иса Ибрахим* получал доход в виде добровольных натуральных пожертвований. Согласно данным Ахмад-Вали ал-Казани, когда имаму приносили пожертвования от мусульманской общины, иногда он говорил:

⁸ Один из самых известных случаев – это *вакфное* имущество казахского купца Тыныбая Каукунова, переданное в пользу шестой мечети [33, р. 25].

⁹ Так как приходские духовные лица не получали казенного оклада, совершенно оправданным для них, наряду с религиозными обязанностями, было занятие торговлей, разведение скота. Некоторые становились канцелярскими служащими, переводчиками [19, с. 95–96].

«Право сейчас я имею еду и вещи. Это принадлежит бедным. Отдайте это другим бедным людям» [33, р. 21–22].

В исламской традиции существовали и существуют и другие более фиксированные, чем обычные пожертвования, формы материальной поддержки. Это *ушур* и *закят*. Первый является разновидностью сельскохозяйственной налоговой выплаты имамам. Он производился после сбора урожая и составлял его 1/10 часть. *Закят* заключается в выплате 1/14 части доходов с хозяйства, а в скотоводческих районах взимался в основном со скота [8, с. 135]. Сложно установить каким образом соблюдалась обязательность этих сборов не только в Казахской степи, но и в других регионах Российской империи населенных мусульманами. Но кто мог платить эти специфические исламские выплаты? Были ли они только произвольным благотворительным пожертвованием или образовывали неофициальный налог? В данном случае объективной представляется трактовка вопроса французским исследователем С. Дюдуаньоном. По его точному замечанию, автономия местных мусульманских обществ в деле финансирования своих институтов обеспечивалась чрезвычайным разнообразием местных и региональных ситуаций. Интересы членов *махалли* не всегда совпадали. Одни мусульмане могли настаивать на сборе и управлении *закятом* со стороны указных мулл, находившихся под контролем ОМДС, а другие, наоборот, выступали с предложением свободного определения этого права, учитывая текущие потребности мусульманских институтов, например, на содержание местных *мадрас* [34, р. 50].

Каким образом ситуация с *закятом* и *ушуром* складывалась в Семипалатинске? Поскольку в городе почти каждая мечеть имела свою собственную *мадрасу* можно с определенной долей уверенности сделать заключение о том, что данные учебные заведения были главными потребителями *закята*. Вместе с этим, другая его часть, вероятно, шла в пользу духовных лиц и бедных людей, но в отличие от мусульманского образования, эта выплата для данных категорий населения была менее фиксированной. Иногда духовные лица могли и вовсе отказываться от получения *закята*. Такое местное разнообразие зафиксировано Курбан Али Халиди. В одной из своих историй он пишет: «Однажды богатый человек *махалли*, Васыл Хаджа взял 10 овец в течение осеннего убоя скота и послал их к [Исе б. Ибрахиму, имаму 3-й мечети. – прим. авт.] двери; когда [Иса] спросил: «Что это овцы и почему они не пошли в загон?» [Кто-то] ответил: «Богатый человек послал их к вам, они от его овец, которые были забиты». [Иса] сказал: «Мне не нужно так много овец». Он [хотел] послать их к студентам... Потом этот богатый человек сам пришел. Он сказал: «Я собираюсь дать другую часть студентам». [Иса] ответил: «Что буду я делать с таким большим количеством овец? Отдайте другим бедным», и он отдал обратно восемь овец» [34, р. 57]. Контекст этого рассказа указывает на трактовку *закята* как на разновидность обычного пожертвования. Возмож-

но, это была и форма социального протекционизма, основанного на конфессиональных и родственных связях.

Ушур, также как и *закят*, не имел строгой регламентации. По функциональному распределению он представлял собой даже не налог, а скорее вид обычного добровольного пожертвования. В отношении *ушура* Курбан Али Халиди сообщает: «Они (люди *махалли*. – прим. авт.) сказали, что когда они хотели привести *ушур* в повозках, он (Иса б. Ибрахим. – прим. авт.) хотел сказать: «Подождите минуту», и он хотел открыть свой склад и сказал, что там было 15 или 20 пудов пшеницы, что было достаточно пищи для зимы. Он хотел сказать, что это бедные заслужили. «Отдайте это бедным студентам, бедным сиротам и вдовам» [34, р. 57].

Данная история ясно указывает на похожие механизмы в сфере распределения *ушура* и *закята*. Однако эта практика не может быть в полном смысле экстраполирована на другие мусульманские регионы Российской империи и даже Казахской степи¹⁰. Разный уровень социально-экономического развития и споры в пределах конкретного мусульманского сообщества могли влиять на более специфические особенности их сбора и распределения.

Суфизм

Некоторые из мусульманских духовных лиц Семипалатинска были последователями *накибандийа-муджаддидийа* и распространяли это учение среди своих учеников. Самым главным путем проникновения суфийских идей в местную среду была связь улемов с духовными центрами Центральной Азии. Она осуществлялась несколькими способами. Прежде всего, вместе с получением образования в Бухаре и Самарканде некоторые улемы стали членами центрально-азиатских мистических братств, получили *иджаза*¹¹, что давало им право воспитывать своих *мюридов*. Так, во время пребывания в Бухаре имам первой мечети Семипалатинска Ахмад-Ишан Мухаммад оглы прошел полный курс обучения в эзотерических науках (*илми за-*

¹⁰ В некоторых регионах Казахской степи сбор *закята* действительно носил не только обязательный, но и принудительный характер. Например, Хивинское ханство в XIX в. периодически собирало *закят* с кочующих у его северных границ казахов [15, с. 223]. Во Внутренней (Букеевской) орде сбором *закята* официально заведовал Джангир-хан, который, согласно И.С. Иванову, употреблял его на содержание ханской ставки и для помощи бедным [30, с. 43].

¹¹ В суфизме *иджаза* – это свидетельство правомочности нового шейха. Оно дает ученику гарантию, что человек, в руки которого он вверяет себя, имеет право на проведение обряда посвящения. Однако эта традиция не всегда связана с суфизмом. Например, существует академическая *иджаза* в традиционных исламских науках. Без нее ученику не разрешалось преподавать предметы: грамматику, астрономию, толкование Корана или юриспруденцию. Свидетельство подтверждало, что он подготовлен надлежащим образом, а его знания основаны на понимании, почерпнутом не только из книг [27].

хир) в ханаке Халифа Хусайна (1784/85–1833/34)¹², где и был лицензирован в суфизме¹³. Однако интерес к исламскому мистицизму не способствовал профессиональному росту Ахмад-Ишана после его приезда в Семипалатинск. Чрезмерное увлечение суфийской практикой происходило в ущерб другим более важным для *махалли* делам – разбор исков по шариату. В этой деятельности, как уже известно, он был признан некомпетентным и к нему назначили ассистента [33, р. 72]. Его помощник – Мухаммадъяр Хазрат Ишмухаммад был обращен в *накибандийа-муджаддидийа* влиятельнейшей суфийской династией *Сахиб-зада*¹⁴ ишанов¹⁵, которая достигла расцвета в годы правления Амир Хайдара (1800–1826) [33, р. 17]. Вполне возможно, что семипалатинский имам стал последователем самого известного представителя династии – *Мийана Фадл Ахмада* (ум. в 1816 г.), связанного родственными отношениями с Ахмадом Сирхинди и возглавлявшего суфийские обители в Бухаре и Пешаваре¹⁶. Другой семипалатинский религиозный деятель *Ахмад-Вали ибн Али ал-Казани* был лицензирован в Бухаре также ишанами линии *Сахиб-зада*. Он получил иджаза из рук Мийан Фарука (где-то в начале 1860-х гг.) и после этого события приобрел славу известного суфийского *шайха* среди мусульман Семипалатинска и его окрестностей [33, р. 10–27]. Очевидно, что другие семипалатинские имамы, обучавшиеся в центрально-азиатских духовно-религиозных центрах, также имели контакты с суфийскими *шайхами*. Однако не все из них получили *иджазу*. В этом контексте следует заметить, что освоение суфийских дисциплин еще не означало, что шакирды должны были стать «ревностными» последователями суфизма. Как правило, многие студенты пытались найти себе *шайха*

¹² А. Франк и М. Усманов идентифицируют его как преемника (халифа) Мухаммад Хусайна – влиятельнейшего шайха, который среди своих студентов имел не только улемами из Волго-Уральского региона, но и важных бухарских ученых [33, р. 15].

¹³ Согласно Абдаллаху ал-Маази, Ахмад-Ишан был преемником других важных *шайхов*. Среди таковых выделяются *Валид б. Мухаммад Амин ал-Каргалы* (ум. 1802 г.) – центральная фигура для истории суфизма в России, и *Файз-Хан ал-Кабули*. Тем не менее, другие авторы (*Ахмад-Вали б. ал-Казани*, *Курбан Али Халиди*) не указывают на эту связь [34, р. 4–5].

¹⁴ *Сахиб-заде* – производ. от двух слов: араб. сахиб – господин, хозяин, друг и перс. заде – рожденный, сын.

¹⁵ Ишан (*ишон, эшон, эшен*; перс. – тадж., букв. «они»). – титул или прозвище уважаемых и почитаемых духовных лиц, руководителей суфийских братств и их потомков. Использование местоимения 3 л. мн. ч. связано с представлением, что собственные имена для этих духовных лиц считаются запретными и упоминание их грозит всевозможными несчастьями тем, кто их произносит.

¹⁶ Согласно Анке фон Кюгельген, *Мийан Фадл Ахмад* был представителем не только *накибандийа-муджаддидийа*, но и других братств – *Кубравийа, чистийа* и, возможно, *сухравардийа* [30, с. 47].

прежде всего, с целью удовлетворить потребности своего образовательного и духовного развития [35, p. 113–114].

Мусульманское образование

Многонаселенность Семипалатинска, значительное количество мечетей, высокая концентрация мусульманских купеческих капиталов способствовали развитию образования и грамотности мусульманского населения города. Примечательно, что даже по наблюдениям русских миссионеров Семипалатинский уезд во второй половине XIX в. заметно выделялся на фоне других казахских регионов с высоким уровнем грамотности. Миссионер Ф. Синьковский в 1888 г. оставил в своем дневнике такую запись: «Из трех уездов Зайсанского, Усть-Каменогорского и Семипалатинского... грамотность наиболее распространена в последнем» [30, с. 30]. Успеху развития мусульманского образования способствовало наличие почти при каждой семипалатинской мечети собственной *мадрасы*. Они, как правило, были деревянными и пристраивались к мечети. Мусульманские учебные заведения оказали самое благоприятное влияние на развитие образования, религиозного благочестия и духовной культуры местного населения. Большинство студентов было казахами. Если в 1830-е гг., как заметили А. Франк и М. Усманов, из 196 шакирдов Семипалатинска 90 или около половины были казахами (а остальные 96 приходились на татар и 8 на сартов), то в 1888 г. казахи составляли уже абсолютное большинство среди шакирдов [33, p. 7].

Семипалатинские *мадрасы* специализировались в разных областях исламского знания, но особенно в рецитации Корана. На фоне других выделялась *мадраса Риза ад-Дина б. Валида* в четвертой *махалле*. Среди муэдаринов известность получил *‘Абд ал-Джаббар б. ‘Убайд Аллах*. Получив образование в Казани и Бухаре, он прославился как специалист по рецитации Корана и знаток мусульманского права. Имам девятой мечети *Камал ад-Дин б. Мухаммад-Рахим* отличался глубокими познаниями в спекулятивном богословии (*‘илм ал-калам*), логике (*‘илм ал-мантик*) и астрономии (*‘илм ал-хай’а*). *Мулла Малик б. Мухаммад-Рахим Шамави* считался признанным авторитетом в вопросах истории и географии [34, p. 123]. Большой популярностью среди шакирдов пользовался *хальфа Ахмеджан Шахид*. Сложные перипетии его жизни показывают нам замечательный пример пути развития личности. В 1867 г. Ахмеджан Шахид приехал из родного села Османова (Шадринский уезд Пермской губернии) в город Троицк, чтобы учиться под руководством *Мухаммад Шариф Ахунда*. Вскоре он покинул Троицк и перебрался в город Тургай (современный Северный Казахстан, Костанайская область) для занятий с местным ишаном Кул-Мухаммадом. Одновременно с постижением эзотерических наук, учительствуя среди казахов, Ахмеджан Шахид решил накопить некоторые средства. На заработанные деньги (1300 рублей) он благополучно добрал-

ся до Бухары, где проучился еще 13 лет. Израсходовав средства, Ахмеджан Шахид решил покинуть Бухару. Новые странствия привели его сначала в Шаш (современный Ташкент), затем в Верный (современный Алматы) и, наконец, в Семипалатинск. Здесь он стал преподавать в *мадрасе* прихода Бота-мечети. Прослав в народе «знатоком превосходным, руководителем совершенным и обладателем кротости и смирения», Ахмеджан Шахид притягивал учеников из Казани, Уфы, Троицка, Тюмени, Петропавловска, Тобольска, Тары, Каркаралинска, Усть-Каменогорска, Верного, Капала, Ташкента, Коканда, Бухары и ряда деревень [32].

Культурный и общественный досуг

В 1908 г. в Семипалатинске открывается мусульманская библиотека. Ее заведующим стал Рахматулла эфенди Елькибаев [4, 3–4 б.]. Интересно, что в отличие от Петропавловской мусульманской библиотеки (начала работать в 1908 г.), где местные муллы были против того, чтобы женщины имели равную с мужчинами возможность посещать это культурно-образовательное учреждение, в Семипалатинске этот вопрос не приобрел конфликтного характера. Для девушек и женщин были отведены специальные часы. Они могли ходить в мусульманскую библиотеку каждый день – с 12 часов дня до 6 часов вечера. В библиотеке представительницы женского пола брали газеты и журналы, а также мусульманские трактаты (*рисала*) [4, 3–4 б.].

Известно, что в 1910 г. в Семипалатинске уже функционировал татарский театр. Театральная труппа включала 15 мужчин и 3 женщин. Однако театр не имел постоянного помещения, а актеры были вынуждены часто проводить репетиции в собственных квартирах [21, 2 б.].

В Семипалатинске большое развитие получила книжная торговля. Некоторые татарские купцы имели свои собственные книжные магазины. Одним из самых известных был магазин казанского купца Хасена эфенди Абузарова [21, 2 б.].

* * *

Семипалатинск стал одним из крупнейших экономических, культурных, социальных и религиозных центров Казахской степи. Основные приоритеты развитию города вплоть до начала XX в. задавали татары. Они играли ведущую роль в развитии караванной, оптовой и розничной торговли. Татарские купцы финансировали большинство местных мечетей и мусульманских учебных заведений. Они вносили весомый вклад в развитие других объектов социальной инфраструктуры города. В Семипалатинске проживали крупные исламские ученые, получившие образование не только в известных учебных центрах Российской империи, но и в Бухаре, Самарканде, Стамбуле, Медине. Некоторые из них помимо своих профессиональных занятий принимали активное участие в общественной и политической жизни мусульман Российской империи. Другая важная черта города – это раз-

витие в нем местной мусульманской благотворительности, которая лишь номинально контролировалась правительственными чиновниками. Мусульмане легко адаптировались к имперскому законодательству, манипулируя понятиями исламского и имперского права, они продолжали сохранять нерегулируемые пространства для развития местной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа («Булгарские хроники») / Пер. со старотат., вступ. ст. и коммент. Ахунова. М., 2010. 345 с.
2. Бигиев М. Ислахат әсәсләре. Петроград, 1915. 234 б.
3. Бигиев М. Рәхмәт илаһия борһаннары. Оренбург: Вақыт, 1911. 178 б.
4. Вақыт. 1913. № 1364. С. 4–5.
5. Габделхак Семипулатый. Бигиев гақыйдасенә каршы // Дин вә мәғыйшәт. 1910. № 12–13. С. 7–8.
6. Габделхак Семипулатый. Ачык хат // Дин вә мәғыйшәт. 1910. № 49–50. С. 18–19.
7. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1.
8. Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М., 2011. 245 с.
9. Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Т. 4.
10. Завалишин И. Сибирско-киргизская степь // Описание Западной Сибири. М., 1867. Т. 3.
11. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. 504 с.
12. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 627.
13. Иш-Мухаммад ибн Омар-Ахмад. «Ар-рисалетуль мусамма бита-варихиль гарибетиль гаджибети». Казан, 1895. 36 б.
14. Кашляк В.Н. Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее: (хронология событий). Семипалатинск, 2004. 547 с.
15. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960. 378 с.
16. Махмудов Х. Хамит әпенде Махмудов // Қазақ. 1916. № 176. С. 7.
17. Мечети. URL: www.semsk.kz (дата обращения: 23.01.2010).
18. Мәржани, Шихаб ад-Дин. «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар». Казан, 1900. Т. 2. 245 б.
19. Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881. 453 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821.
21. Семипалат хәбәрләре // Вақыт. 1910. № 619. С. 3.
22. Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сб. в честь Фритца Майера (1912–1998) / Сост. и отв. редактор А.А. Хисматуллин. СПб., 2001. 534 с.
23. Фахреддин Риза ад-Дин. Асар. Т. 1–2. Казань, 2006–2009. 359 с.
24. Фәхреддин Риза ад-Дин. «Асар». Казан, 2010. Т. 3–4. 304 с.

25. Фәхредин Риза ад-Дин. «*Сарт лафзь асылсыздер*» // Шура. 1911. № 24. С. 11.
26. Халид ұғлы Құрбанғали. «*Таварих-и хамса-йи шарқи*». Казан, 1910. 956 б.
27. Ходкевич М. Ритуалы посвящения в суфийских орденах. URL: http://www.mestanet.ru/book/sufizm/mhodkevich_ritualyi_posvyascheniya_v_sufiyskih_ordenah.html (дата обращения: 23.01.2010).
28. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 64.
29. Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И.–295. Оп. 6.
30. Шаблей П.С. Очерк по истории мусульманских общин Семипалатинска (XVIII–XIX вв.). Костанай, 2013. 76 с.
31. Шаблей П.С. Социальный облик мусульманских служащих в Казахской степи (конец XVIII – середина XIX вв.) // *Rah Islamica* (Мир ислама). 2010. № 2. С. 91–107.
32. Frank Allen J. *Muslim Religion Institutions in Imperial Russia: The Islam World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910*. Leiden-Boston-Koln: E.J. Brill Academic Publishers, 2001, viii, 567 p.
33. Frank Allen J. & Usmanov Mirkasyim A. *Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban Ali Khalidi*, ANOR 11. Berlin, 2001. 145 p.
34. Qurban Ali Khalidi. *An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe (1770–1912)* / Ed., translation and commentary A.J. Frank, M.A. Usmanov. Brill-Leiden-Boston, 2005. 456 p.
35. Werth Paul W. *At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905*. Ithaca-London, 2002. 378 p.

Сведения об авторе: Шаблей Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, Костанайский филиал Челябинского государственного университета (P01G2F2, ул. Уральская, 4, Костанай, Республика Казахстан), pavel-shablei@list.ru

HISTORY OF THE TATAR COMMUNITY OF SEMIPALATINSK

P.S. Shablei

*Kostanay affiliated branch of Chelyabinsk State University
Kostanay, Republic of Kazakhstan
pavel-shablei@list.ru*

The history of the Tatar community of Semipalatinsk is examined in the article. Particular attention is paid to the functioning of Tatar mosques, educational institutions, the development of Muslim charity, and Sufism. Despite the fact that the population of Semipalatinsk had a mixed ethnic structure, up to the early twentieth century, Tatars

constituted almost a quarter of it. Tatar merchants set priorities for the development of the local economy, and students from various regions of the Russian Empire studied at madrasas. In addition, Semipalatinsk was the largest center of the Muslim culture in the Eastern part of modern Kazakhstan.

Keywords: Semipalatinsk, zakat, ushur, madrasa, maktab, Orenburg Mohammedan Spiritual Assemblé

For citation: Shablei P.S. History of the Tatar community of Semipalatinsk. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 75–94. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.75-94

REFERENCES

1. Amirkhanov Khusain. *Tavarikh-e Bulgariia* [Bulgarian chronicles]. Transl. from old Tatar and commentary Akhunov. Moscow, 2010. 345 p. (In Russian)
2. Bigiev M. *Islakhāt asāslāre* [Reform Basics]. Petrograd, 1915. 234 p. (In Tatar)
3. Bigiev M. *Rākhmāt ilāhiia borhannary* [Evidence of Divine Mercy]. Orenburg, Vakyt Publ., 1911. 178 p. (In Tatar)
4. *Vakyt* [Time]. 1913, no. 1364, pp. 4–5. (In Tatar)
5. Gabdelkhak Semipulaty. Bigiev gakyidasenā karshy [Against Bigiev]. *Din vā māgyishāt – Religion and Way of Life*. 1910, no. 12–13, pp. 7–8. (In Tatar)
6. Gabdelkhak Semipulaty. Achyk khat [Open Letter]. *Din vā māgyishāt – Religion and Way of Life*. 1910, no. 49–50, pp. 18–19. (In Tatar)
7. Geins A.K. *Sobranie literaturnykh trudov* [A collection of literary works]. St. Petersburg, 1897, vol. 1. (In Russian)
8. Denisov D.N. *Ocherki po istorii musul'manskikh obshchin Cheliabinskogo kraia (XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the history of Muslim communities in the Chelyabinsk Territory (the 18th – early 20th century)]. Moscow, 2011. 245 p. (In Russian)
9. Domovaia letopis', pisannaia kapitanom Ivanom Andreevym v 1789 g. [House annals written by Captain Ivan Andreev in 1789]. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [Readings of the Imperial Society of History and Russian Ancientities at Moscow University]. Moscow, 1871, vol. 4. (In Russian)
10. Zavalishin I. *Sibirsko-kirgizskaia step'* [The Siberian-Kyrgyz steppe]. *Opisanie Zapadnoi Sibiri* [Description of Western Siberia]. Moscow, 1867, vol. 3. (In Russian)
11. Zagidullin I.K. *Islamskie instituty v Rossiiskoi imperii: Mecheti v evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri* [Islamic institutions in the Russian Empire: Mosques in the European part of Russia and Siberia]. Kazan, 2007. 504 p. (In Russian)
12. Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti. [The historical Archive of the Omsk Region]. F. 270. Op. 1. D. 627.
13. Ish-Mukhammad ibn Omar-Akhmad. *Ar-risaletul' musamma bita-varikhil' garibetil' gadzhibeti* [Stories are strange and amazing]. Kazan, 1895. 36 p. (In Tatar)

14. Kashliak V.N. *Khramy Semipalatinska: proshloe i nastoiashchee (khronologiya sobytii)* [Temples of Semipalatinsk: the past and the present (chronology of events)]. Semipalatinsk, 2004. 547 p. (In Russian)
15. *Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana* [Materials on the history of the political order of Kazakhstan]. Alma -Ata, 1960, vol. 1. 378 p. (In Russian)
16. Makhmudov Kh. Khamit әpende Makhmudov [Khamit Makhmudov]. *Kazak*. 1916, no. 176, p. 7. (In Kazakh)
17. Mecheti [Mosques]. Available at: www.semsk.kz (accessed 23. 01. 2010) (In Russian)
18. Marjani, Shikhab ad-Din. *Mustafad al-akhbar fi akhval Kazan va Bulgar* [A treasury of knowledge on the history of Kazan and the Bulgar]. Vol. 2. Kazan, 1900. 245 p. (In Tatar)
19. *Pamiatnaia knizhka Zapadnoi Sibiri* [Book of remembrance of Western Siberia]. Omsk, 1881. 453 p. (In Russian)
20. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. F. 821.
21. *Semipalat khәbәrlәre* [Semipalatinsk news]. *Vakyt – Time*. 1910, no. 619, p. 3. (In Tatar).
22. *Sufizm v Tsentral'noi Azii (zarubezhnye issledovaniia): Sb. v chest' Fritsa Maiera (1912–1998)* [Sufism in Central Asia (foreign studies): Collection in honour of Fritz Mayer (1912–1998)]. Comp. and ed.-in-chief A.A. Khismatullin. St. Petersburg, 2001. 534 p. (In Russian)
23. Fakhreddin Riza ad-Din. *Asar* [Traces]. Kazan, 2006–2009, vol. 1–2. 359 p. (In Russian)
24. Fәkhreddin Riza ad-Din. *Asar* [Traces]. Kazan, 2010, vol. 3–4. 304 p. (In Tatar)
25. Fәkhreddin Riza ad-Din. *Sart lafz' asylyzder. Shura*. 1911, no. 24, p. 11. (In Tatar)
26. Khalid ҫfly Құрбанғали. *Tavarikh-i khamsa-ii sharқи* [Five stories of the east]. Kazan, 1910. 956 p. (In Tatar)
27. Khodkevich M. Ritualy posviashcheniia v sufiiskikh ordenakh [Rituals of initiation in Sufi orders]. Available at: http://www.mestanet.ru/book/sufizm/mhodkevich_ritualyi_posvyascheniya_v_sufiyskih_ordenah.html (accessed 23.01.2010) (In Russian)
28. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F. 64.
29. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostankortostan [The Central Historical Archive of the Republic of Bash]. F. I.–295. Op. 6.
30. Shablei P.S. *Ocherk po istorii musul'manskikh obshchin Semipalatinska (XVIII–XIX veka)* [Essay on the history of Muslim communities of Semipalatinsk (the 18th–19th centuries)]. Kostanai, 2013. 76 p. (In Russian)
31. Shablei P.S. Sotsial'nyi oblik musul'manskikh sluzhashchikh v Kazakhskoi stepi (konets XVIII – seredina XIX vv.) [The social appearance of Muslim employees in the Kazakh steppe (late 18th – mid 19th centuries)]. *Pax Islamica – The World of Islam*. 2010, no. 2, pp. 91–107. (In Russian)

32. Frank Allen J. *Muslim Religion Institutions in Imperial Russia: The Islam World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910*. Leiden-Boston-Koln: E. J. Brill Academic Publishers, 2001, viii, 567 p.

33. Frank Allen J. & Usmanov M. *Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban Ali Khalidi*, ANOR 11. Berlin, 2001. 145 p.

34. Qurban Ali Khalidi. *An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe (1770–1912)*. Ed., translation and commentary A.J. Frank, M.A. Usmanov. Brill-Leiden-Boston, 2005. 456 p.

35. Werth Paul W. *At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905*. Ithaca-London, 2002. 378 p.

About the author: Pavel S. Shablei is a Candidate of Science (History), Associate Professor, Kostanay affiliated branch of Chelyabinsk State University (4, Ural'skaya St., Kostanay P01G2F2, Republic of Kazakhstan); pavel-shablei@list.ru

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ТАТАРСКОЙ ОБЩИНЫ В КАЗАХСТАНЕ
(НА ПРИМЕРЕ С. ИМАНТАУ
СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)***

З.А. Махмутов

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
zufar@inbox.ru*

Статья посвящена истории заселения татарами села Имантау Северо-Казахстанской области и их жизни в нем. Численность указанной этнической группы в разное время составляла более четверти населения данного населенного пункта. Основная часть имантавских татар была воинскими казаками, которые входили в состав Сибирского казачьего войска. До революции, помимо воинской службы, казаки активно занимались торговлей, хлебопашеством, ремеслом. Революционные события существенно изменили уклад жизни татар села.

Основное внимание в работе уделяется вкладу этнической группы в политическое, экономическое, демографическое, социальное и культурное развитие региона. Источниками написания исследования стали архивные, статистические, электронные, музейные и мемуарные материалы. Особую ценность представляют метрические книги имантавской мечети, в которых фиксировались рождения, смерти, выступления в брак казаков-мусульман.

Ключевые слова: история, татары, казаки, Имантау, степная зона, Казахстан, миграция, адаптация, ислам, мечети, культурные традиции

Для цитирования: Махмутов З.А. История формирования и развития татарской общины в Казахстане (на примере с. Имантау Северо-Казахстанской области) // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 95–109. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.95-109

В настоящее время история миграции татар на территорию современного Казахстана, их адаптации в новом регионе, вопросы поддержания этнокультурных традиций только становятся предметом научного осмысления. Практически не изучена жизнедеятельность в степной зоне такой соци-

* До революции 1917 г. данный населенный пункт назывался станица (выселок) Имантавская, в советскую эпоху – село Имантав, а в настоящее время – село Имантау. В статье используется соответствующий периоду ойконим.

альной группы татарского населения, как воинские казаки. Актуальность исследования истории татар с. Имантау предопределена также и тем, что именно этот населенный пункт стал местом крупнейшей концентрации казаков-татар в регионе. Новизна работы связана с попыткой комплексного рассмотрения обозначенной сословно-этнической группы в общие культурные и экономической процессы в селе на протяжении всей его истории. Изучение данного кейса позволяет оценить вклад татар в развитие населенного пункта в прошлом и настоящем, выявить некоторые условия и причины миграции татар в степные окраины Российской империи в XIX в.

Одна из первых попыток татар обосноваться в предместьях современного села Имантау была предпринята еще в первой половине XIX в. В 1833 г. татарские петропавловские мещане Ахмет Космасов, Абдулкарим Сагитов и его сын Мухамадей, оброчный чувальщик Тобольского округа Медянских юрт Хасан Баязитов, крестьянин из деревни Мавлютова Ишимского округа Соколовской волости Рафик Абдрахманов по приглашению казахов Кокчетавского округа селятся со своими семьями у озера Имантавское. В 1840 г. переселенцы (89 душ обоюбого пола) обратились с ходатайством о проживании на данной территории на законных основаниях, считая, что их деятельность соответствует целям правительства по приобретению казахов к земледелию и обучению их татарской грамоте [24]. Однако разрешение им не дали, а в период наступления отрядов лидера национально-освободительного движения казахов Кенесары Касымова татарским поселенцам пришлось эвакуироваться в Петропавловск [8, с. 15].

После подавления восстания Кенесары Касымова в 1848 г. центральная власть решает заселить внешние округа войсковыми казаками, в которые предполагалось набирать малоземельных крестьян из Оренбургской и Саратовской губерний. Новые казачьи поселения расположились на юго-западе и юго-востоке от Кокчетава (на расстоянии 10–15 вёрст друг от друга). Всем переселенцам предоставлялся ряд пособий и льгот¹. Одной из задач переселения было развитие хлебопашества в киргизской степи, на каждую мужскую душу отводилось по 30 десятин земли [14]. Первыми туда в 1849 г. прибыли крестьяне тептяре (этносословная группа татар) Ямагуловы (Юманкуловы) из деревни Сухояшь Бугульминского уезда

¹ Со стороны министерства госимущества и казны переселенцам предоставлялось путевое пособие до мест водворения, для найма проводников, подвод, на продовольствие в пути по 7 коп. в сутки на каждую душу, с них слагались все недоимки по податям, земским повинностям. Переселенцы должны были получить денежное пособие «для домообзаводства» — на строительство жилья по 30 руб. и приобретение скота и лошадей по 25 руб. на семейство. В течение льготных лет они обеспечивались продовольствием. Со стороны войска им выделялось зерно для посева (из расчёта на 2 дес. ржи, 1 дес. овса, 1 дес. ячменя на семью) с возвратом его через 3 года, им также предоставлялась отсрочка от службы в течение двух лет со времени прибытия в новое поселение.

Махмутов З.А. История формирования и развития татарской общины в Казахстане (на примере с. Имантау Северо-Казахстанской области)

Оренбургской губернии², Аировы (Абдулкагировы) из деревни Тумутук Бугульминского уезда Оренбургской губернии³, Салимьяновы из деревни Стерлибашево [15]. Необходимо отметить, что население Стерлибашево в первой половине XIX в. служило в составе Каргалинской станицы Оренбургского казачьего войска, позднее данные татары вошли в число «башкир» Башкиро-Мещеряцкого войска т.е. для семьи Салимьяновых казачьи порядки были не в новинку [3, с. 125].

По воспоминаниям старожилов, некоторые из переселенцев, как, например, Габайдулла Салимьянов и Мухаметжан Аиров, участвовали в Отечественной войне 1812 г. [7, с. 6]. В августе 1851 г. на постоянное место жительства в данный регион приехало еще 39 татарских семей (152 души мужского и 118 женского пола) [13]. Среди них числились Абдуллины, Абдушагиповы (Абдужагановы), Аиповы, Аитовы, Асаиновы, Абузяровы, Абдрашитовы, Ахмаровы, Багаповы, Бахтеевы, Башировы, Бикбаевы, Бихинеевы (Бикиневы, Бектинеевых – в более поздних документах), Габайдуллины (Губайдуллины, Габейдуллины), Заитовы, Ибрагимовы, Инназаровы (Назаровы – в более поздних документах), Ишалеевы, Кузахметовы, Мавлютовы, Максютовы, Машиковы, Мухаметовы, Муслимовы, Сабитовы, Салиховы, Темирбулатовы (Тимербулатовы), Темиргазины (Тимергазины), Халитовы, Хаметовы, Шабаевы, Шафеевы, Шахметхановы, Юзеевы, Яфаровы.

Большая часть переселенцев была мишарями (субэтническая группа татар) из села Алеево Кузнецкого уезда Саратовской губернии⁴, а также из деревни Погорелый Чирчим Кузнецкого уезда Саратовской губернии⁵ (Шафеевы, Муслимовы), из деревни Алексеевка⁶ (Заитовы).

Сохранились воспоминания казаков об их переселении из деревни Алеево в станицу Имантавскую.

Из воспоминаний переселенцев:

«Чтобы уменьшить число жителей в деревне Алеево на переселение, записывали через дом. Примерно в 1849 г. дали деньги на переезд и сказали собираться в дорогу. Однако получившие деньги решили немного поправить свое хозяйство или просто прокормиться. Деньги были потрачены, а выезжать никто не собирался. Тогда в 1850 г. стали искать списки, кому дали деньги. Но деревенский староста списки не дал, сказал, что потеряны. Списки были переданы по частям муллой. Солдаты согнали лю-

² В настоящее время находится в Азнакаевском районе Республики Татарстан.

³ В настоящее время находится в Азнакаевском районе Республики Татарстан.

⁴ В настоящее время находится в Неверкинском районе Пензенской области.

⁵ В настоящее время это с. Джалилово Неверкинского района Пензенской области.

⁶ В настоящее время находится в Хвалынском районе Саратовской области.

дей по этому списку и просто выгнали на дорогу. В адрес муллы понесли проклятия. За селом была сопка, за которой люди остановились, не желая уезжать. Снова переговоры... Один из переселенцев умер и был похоронен прямо у сопки. Остальным пришлось отправляться в далекий Кокчетавский край.

На десятки семей было всего несколько телег и лошадей. Люди шли из деревни в деревню, прося подаяние. Запасов никаких не было. В адрес муллы была сочинена песня, и конец одного стиха звучал так: «...мулла улгяч, урын булын тэмугутьта» («...когда мулла умрет, пусть попадет он в ад»). Песни сочинялись довольно часто в пути. Было сочинено и такое:

«Чыдап кына карагыз моңарга,
Су калган жирдән кара юк.
Ай-най, без китэбез казаклыкка,
Алла язган эшкә чара юк»

(«Выйдя, посмотрите на это,
На месте, где вода осталась, черноты нет.

Эх, мы уходим в казаки!

Если Аллах так предназначтал, другого пути нет» [7, с. 6].

Первоначально переселенцы из Алееево и Погорелый Чирчим оседают в станице Лобановской, но потом по приглашению уже обосновавшегося Габайдуллы Салимьянова перебираются в станицу Имантавскую и компактно селятся на южном берегу озера, а русские, украинцы и мордва – на восточном. Однако впоследствии татары переселяются на восточную часть берега, а русские, украинцы и мордва – на южную. Район компактного проживания татар начинают называть Татарским краем, Казанью или просто Татары. Несмотря на то, что в южной части станицы стало жить православное население, там еще долгое время бытовали татарские названия *Адекай коесы* (колодец Адекай Инназарова), *Вагап йорты* (дом Вагапа Ахмарова), *Срул тавы* (холм, на котором играла маленькой Срул Салимьянова) [7, с. 15]. Сосновый же лес на берегу озера именовался Татарский бор, а одна из сопки – Татарской.

Оказавшись на новом месте практически без средств к существованию, татары были вынуждены собирать подаяния, а также выполнять роль мулл в казахских аулах [7, с. 15–16].

Казаки-татары практически сразу с момента появления в станице Имантавской начинают ходатайствовать о строительстве мечети и о разрешении им выбирать из своей среды муллу с содержанием его за счет общества и с освобождением его от военной службы. Лишь в 1856 г. мусульманам станицы Имантавской было разрешено образовать свой приход, выбирать муллу и построить мечеть. Возведение мусульманского храма осуществлялось на средства верующих казаков, а также проживающих рядом казахов и было завершено в 1858 г. В этом же году в станице начали вести метрические книги. Первым избранным муллой стал казак

Мифтахетдин Зайтов, утвержденный в данной должности в мае 1857 г. [4, с. 6]. Позже духовными наставниками были Мухаметхафиз Ишмухаметов (1849–1921), Гильман Габайдуллин (1831–?), Курбангали Бекмухаметов (1890–1961) [30], Ахметша Габайдуллин (1861–?), Юсуп Абдрашитов (муэдзин) [31]. Наиболее образованным среди перечисленных мулл считался Мухаметхафиз Ишмухаметов. Уроженец деревни Кубяк Тюрюшевской волости Оренбургской губернии⁷. Он получил образование в медресе в Стерлибаше⁸ у известного улема Мухаммад-Хариса Биктимирова. Хафиз Ишмухаметов некоторое время работал учителем и являлся духовным наставником в Кокчетаве, а в 1896 г. стал имамом в станице Имантавской [32]. В отличие от многих представителей консервативного духовенства, придерживающихся кадимистских взглядов, Хафиз Ишмухаметов не только не выступал против зарождающегося в станице театрального движения, но и сам принимал в нем активное участие, играя в спектаклях мулл и богачей [7, с. 45].

В станице муллы вели и педагогическую деятельность, обучая мальчиков и девочкам. Первоначальные религиозные знания давала Хадича Абдрашитова. Помимо медресе в станице функционировал и мусульманский клуб [10].

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в станице Имантавской проживало 735 представителей татарской национальности, что составляло 29% от всего населения [16, с. 85]. Помимо казаков-татар, в станице в дореволюционное время проживали и татарские крестьяне Бикташевы, Файзуллины, мещане Абульхановы, Тимербулатовы, Ярмухаметовы [28]. Метрические книги фиксируют в это время высокий естественный прирост татарского населения. Например, в 1898 г. у татар станицы Имантавской родилось 54 ребенка, а умерло лишь 14 человек [32]. Благодаря высокой рождаемости в 1910-е гг. численность татар в населенном пункте достигла более 1000 человек [29].

Среди занятий татарского населения станицы в первую очередь необходимо выделить хлебопашество. Мельницы принадлежали Мухамметджану и Закиру Сабитовым [27], Ханафию Абдрашитову, Хадимше Ибрагимову, Касыму Абдулханову, Аббасу Абзалимову, Жиганше Асаинову, Сатею Баширову [19], Зие Габайдуллину, Юсупу Юманкулову, Сагиту Ягфарову, Валиахмету Кузахметову [7, с. 37]. Смолокуренные ямы в станице Имантавской имели Абдрашит Абдуллин, Шакир Абдрашитов [27]. Были и те, кто занимался кузнечным делом. Это были Абдул-Хаким, Ганей и Гизатулла Салиховы [26]. Плотниками работали – Халиулла Юманкулов, Аббас Абзалимов, сапожником – Зайнулла Асаинов, печником –

⁷ В настоящее время находится в Буздякском районе Республики Башкортостан.

⁸ Современное село Стерилибашево Стерлибашевского района Республики Башкортостан.

Тагир Бектинеев. Татары Калимулла, Халиулла и Шафиулла Гайнуллины, Мухамет Ишмухаметов, Адий Ярмухаметов активно вели предпринимательскую деятельность. Братьям Калимулле и Халиулле Гайнуллиным, Шарафутдину Мухаметову в станице принадлежали магазины [27]. За пределами станицы Имантавской казаки торговали в Атбасаре (Салахутдин Халитов и Абдулжалил Абдрашитов), в Балкашино (Валий Кузахметов) [23, с. 803], на Ирбитской ярмарке (Насыбулла Абдельханов) [25].

Казаки продолжали нести и военную службу. Урядниками были Вильдан Габайдуллин, Нурмухамет Абдрашитов, Шарафутдин и Багаутдин Мухаметовы [32]. Они возглавляли немногочисленные, в несколько десятков всадников военные отряды, обучали военному делу, а также занимались мелкими административными делами. Известно, что имантавские казаки участвовали в военных операциях русской армии в южной части степной зоны (в частности, при присоединении Кокандского ханства) [7, с. 18]. Отважно проявили себя они и в Первую мировую войну. Например, в наградном листе Шагалия Габайдуллина говорилось: «Карабкаясь по недоступным скалам, молодецким стрелковым боем выгнал оттуда турок, обстреливавших наш правый фланг. В бою, продолжавшемся целые сутки, особенно выделился своей храбростью и мужеством и личным примером» [18, с. 528]. Он, а также Шаймарден Аипов, Ахметулла Аитов и Зариф Ямакулов (Ямагулов, Юманкулов) были удостоены Георгиевских крестов четвертой степени.

В период революционных событий татары станицы Имантавской оказались по разные стороны баррикад. Важной фигурой в революционном движении региона стал выпускник одного из лучших медресе в Российской империи «Галия» Усман Умарович Абдрашитов. Еще в начале XX в. он тесно работал с известным революционером Петропавловска Каримом Сутюшевым, который познакомил его с другой легендарной личностью – Валерьяном Владимировичем Куйбышевым.

Из воспоминаний Усмана Умаровича Абдрашитова:

«Однажды, после очередного тайного собрания, ко мне подошел Карим Сутюшев и шепнул на ухо: «Тобой интересуется товарищ Касаткин, загляни сюда после обеда!». Кто такой Касаткин, я не знал, но пришел в условленное время. Карим познакомил меня с незнакомым молодым человеком. Он был высокий, худощавый, бледный. В глаза особенно бросалась большая черная волнистая шевелюра. Он попросил меня оказать помощь в распространении революционной литературы и прокламаций через наше транспортное агентство. Я согласился. Он обещал еще раз встретиться и ушел. Этот молодой человек оказался Валерьяном Владимировичем Куйбышевым» [12].

Усман Умарович Абдрашитов вместе с Мирхайдаром Ашировым, Галимжаном и Тагиром Камаловичем Заитовыми организуют первую революционную ячейку в станице. В 1921 г. Усман Умарович руководил подавлением антибольшевистского восстания в регионе, в результате ко-

тогого были расстреляны татары-казаки, принимавшие в нем участие, Шарип Бектинеев, Айнуку (Гайнетдин) Аширов и Баттал Сабитов. Халимулла Гайнуллин – один из выдающихся татарских предпринимателей станицы Имантавской, поддержавших восстание, позже покончил с собой [5, с. 173].

После окончательной победы советской власти Усман и Галий Абдрашитовы выступают инициаторами создания в селе Имантау одной из первых в уезде коммун «Прогресс» (дата основания 7 ноября 1921 г.). В объединение вошло 35 крестьян-бедняков. Коммуны стали прототипами колхозов, в них обобществлялись все средства производства, землепользование велось на общественных принципах. В 1921–1924 гг. Усман Умарович занимал почетную должность заместителя председателя Акмолинского губернского исполкома. Сын Усмана Умаровича Абдрашитова, Нияз, работал секретарем Арык-Балыкского райкома комсомола, затем заведующим отделом партийной жизни в петропавловской областной газете «Ленинское знамя» (псевдоним Н. Имантавский) [6, с. 199].

После смены власти в сельских населенных пунктах также начали появляться новые органы управления, одним из главных среди них становится Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих народных депутатов. В советы входят татары, лояльные новой власти. В селе Имантау ими были Шагалий Габайдуллин, Габидулла Максютлов, Гани Габайдуллин, Гали, Халиулла, Усман Абдрашитовы, Кадыр Сабитов, Шарияздан Шабаев, Галимжан и Марьям Зайтовы, Галей Шафеев, Гуманур Аширов, Гайнулла Абдуллин. Гани Габайдуллин позже стал председателем имантавского сельсовета, а затем и в володаровского. Некоторое время он работал заведующим кожзаводом в Жиланды, потом занимался организацией совхоза «Двенадцать лет Октября» в татарском селе Джилтавском (ныне Желтау) [7, с. 46]. Председателем сельсовета в Имантаве также работал Идрис Тагирович Зайтов (1910–1988). Он исполнял обязанности управделами Арык-Балыкского райкома партии, позже был переведен на партийную работу в Петропавловск. Секретарем имантавской комсомольской организации являлся Гариф Галиакбарович Байбазаров [7, с. 45].

Некоторые татары в селе Имантау и после смены власти, в период НЭПа, продолжали торговую деятельность. К их числу можно отнести Махайдара Аширова, Сафиуллу и Калимуллу (1881, станица Имантавская) Гайнуллинных, Садвокаса и Сулеймана Муслимовых, Хариса Ишмухаметова, Мирхада Амирова, Джемалетдина Мухамедьярова, Куруллия Юманкулова, Миргалима Акаева [9]. Однако со свёртыванием политики НЭПа их торговые заведения и дома были конфискованы, а сами они попали в категорию «лишенцев». Раскулачены оказались братья Миргалим, Мираксым и Шарияздан Акаевы, репрессированы – Гизат Абдуллин, Ахметвали Юсупович, Вагиз Канафеевич Абдрашитовы. В торговом заведении Гайнуллинных в селе Имантау расположился партийный клуб. Сафиулла Гайнуллин был вынужден бежать в Туркмению [5, с. 173].

С приходом к власти большевиков в селе Имантав перестали функционировать мусульманский мектеб, а потом и мечеть. Вместо мусульманской была открыта светская школа первой ступени. Заведующими в ней были Магинур Темиргазина, Асьма Ширмухаметова, Хусаин Кулаков [20]. В 1924 г. в школе обучалось 98 учащихся (74 мальчика и 24 девочки) [11]. Вскоре язык обучения в ней был заменен на русский. Зданию бывшей мусульманской школы удалось сохраниться до настоящего времени, но здание мечети было уничтожено пожаром в Великую Отечественную войну.

В Великой Отечественной войне, как и в предыдущих боевых кампаниях, проявили себя многие имантавские татары. К званию Героя Советского Союза был представлен командир 702 стрелкового полка 213 стрелковой дивизии полковник Джумалей Ахметович Габайдуллин. 9 февраля 1945 г. в бою за село Рюкенвальдау (Польша) руководимый им полк окружил превосходящие силы противника и разгромил его. Советскими солдатами были захвачены артиллерийские склады, имеющие государственное значение. Подобный маневр военное подразделение Джумалей Ахметовича Габайдуллина повторило и в районе села Штранс (Чехия). За неделю боевых действий полк истребил свыше 2000 солдат и офицеров противника, пленил свыше 400, уничтожил много боевой техники и захватил богатые трофеи. Среди наград Джумалей Ахметовича ордена Александра Невского, Суворова 3-й степени (награждались командиры Красной Армии за выдающиеся успехи в деле управления войсками), Красного Знамени, Красной Звезды.

Орденом Александра Невского были награждены командир батальона Галиаскар Халькаевич Багапов, орденом Славы III степени – гвардии старшина Константин Мергалимович Акаев, орденом Красной Звезды – командир стрелковой роты Мутфей Халитович Рафиков, старшина Михаил Иванович Абдрашитов, подполковник медслужбы Гариф Багаутдинович Мухаметов, командир пулеметного взвода Галей Баталович Баширов, командир пулеметного взвода Миррих Алтынбаевич Аипов, старший лейтенант Иршат Муратович Бектинеев, медалью «За отвагу» – рядовые Анвар Усманович Абдрашитов и Галиаскар Давыдович Аипов, командир стрелкового отделения Хаммат Миргалиевич Акаев [17].

Свой вклад в победу внес и специалист в области науки имантавец Галим Галеевич Абдрашитов (1908, с. Имантавская – 1980, г. Москва). Он являлся одним из первых выпускников Московского авиационного университета. В 1939 г. ему была поручена крупная инженерная работа – руководство строительством и пуском в эксплуатацию Воронежской аэродинамической лаборатории, в которой успешно проводилось изучение процесса бомбометания. В теории бомбометания Галимом Галеевичем была разработана динамика полета и атмосферная оптика. В 1938 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, в 1949 г. – на соискание ученой степени доктора технических наук. Долгое

Махмутов З.А. История формирования и развития татарской общины в Казахстане (на примере с. Имантау Северо-Казахстанской области)

время Галим Галеевич Абдрашитов вел преподавательскую деятельность в Московском авиационном университете, читал студентам теорию автоматического регулирования. За свою плодотворную работу в области авиационной промышленности профессор Галим Галеевич Абдрашитов был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями [21, с. 135]. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

После Великой Отечественной войны в селе Имантав постепенно нивелируются многие татарские обряды и обычаи, перестает отмечаться праздник Сабантуй.

Из воспоминаний Газиз Шарияздановича Акаева:

«Весной 1928 г. имантавцы праздновали Сабантуй, который, как мне помнится, совпадал с каким-то религиозным праздником. Сабантуй оказался довольно заметным и по торжественности и по размаху. Казахи тоже издавна принимали участие в этом татарском празднике, и в этот раз их приехало достаточно много. Какой Сабантуй обходился без конных скачек, борьбы и игр?! Когда состязующиеся на лошадях отправились на старт, который находился в 15 километрах от майдана (главная площадь соревнований – прим. авт.), началась борьба. В борьбе участвовали все: и русские и казахи. Каждая группа выставляла своего силача. Как правило, борьба начиналась среди подростков и заканчивалась взрослыми. К сожалению, всех взрослых в округе батыров я уже не помню, хотя я знал их лично и болел за многих из них. Первого в простонародье называли Хайруш (кажется, Сабитов) или аю Хайруш (медведь Хайруш), его старшего брат Баттал (погиб в гражданскую войну) – Баттал аю. Были еще сильными борцами Хусаин Абдрашитов, Хамза Аширов, Халил (сын кузнеца), Халимулла Юманкулов и другие, правда, менее заметные. И вот начались схватки... Толпа бурно реагировала на каждый удачный и неудачный исход, переживала то радость, то огорчение, то раздавались аплодисменты, то гул недовольства. Этот день ярко запечатлелся в моей памяти на всю жизнь...» [2, с. 46].

Возрождение татарских обычаев и культуры началось в 1990-е гг. 1 августа 1990 г. усилиями татар города Кокчетав и села Имантав был снова проведен Сабантуй.

Из воспоминаний председателя ОО «Объединение татар и башкир Акмолинской области» Рафаила Сайтовича Сулькарнаева:

«Было решено провести Сабантуй в Имантау. Сабантуй – праздник сельский. На живописной окраине села можно было организовать и провести все культурно-спортивные мероприятия, вплоть до «байги» – конных скачек. Жители-татары также сыграли определяющую роль в выборе места. Да и многие авторитетные руководители региона были выходцами с Имантау. Над организацией праздника слаженно работали члены правления татарского центра и властных структур, я занимался концепцией праздника. «Выстрел» в Имантау получился в десятку...».

Из воспоминаний Нургали Рашитовича Кузахметова:

«Сабантуй 1990 г. был, пожалуй, самым важным событием в жизни татарской диаспоры нашей области. Можно сказать, что на волне эйфории в сердце каждого татарина пылало пламя восторга, объединившее нас всех в один монолит. Общие заботы и хлопоты объединили тогда людей самых разных национальностей. Вместе с татарами плечом к плечу старались внести свой вклад казахи, русские, украинцы, немцы корейцы... Вспоминая тот давний праздник, особые слова благодарности хочу адресовать Гизатулле Абдуллину и Ибрагиму Салахову. Дядя Гизат, так мы называли нашего земляка, писателя из Москвы, был приглашен в помощники к не менее известному писателю Ибрагиму Низамовичу Салахову. Так образовалась группа лидеров, работавших над сценарием Сабантуя. Конечно же, помогали райотдел культуры, педагоги села и областного центра. Мощной была поддержка районного руководства. Огромное спасибо секретарю райкома партии Виктору Петровичу Осипенко, председателю райисполкома Мереке Молгаждаровичу Шайкенову, председателю сельхозуправления Леониду Васильевичу Коханному. Свой огромный вклад внесли руководители местных предприятий: совхоза – Шефер Яков Филимонович, птицефабрики – Шкуратов Геннадий Григорьевич, председатель сельсовета Минеев Виктор Галактионович. Их имена не забыты. И, конечно же, во главе инициативной группы стояли активисты центра татарской культуры Кокшетау во главе с Хакимом Мулличем Молдыбаевым. Мыслимое ли дело даже по нынешним масштабам обеспечить десять автобусов для доставки всех желающих принять участие в Сабантуе! 15 автолавок прибыло на живописную поляну для обеспечения торговли. А изготовление помостов для концерта, национальной борьбы! Как было обойтись без помощи известных татарских деятелей!? А это прежде всего Курмаев Фарук Курмаевич. Свою лепту внесли Богапов Фарук Вакасович, братья Хисамутдиновы... а уж о самих имантавских жителях и говорить нечего. В едином порыве готовились угощения, доставлялись к месту торжества столы, скатерти, самовары, среди других стоит назвать руководителя общества Раису Абдулаевну Аширову, семьи Абдрашитовых, Ибрагимовых, Кузахметовых, Яфаровых, Шабаевых, Муслимовых. А еще Рашит Максютюв, Резеда Сабитов» [1, с. 67–69].

Из воспоминаний Раисы Абдулаевны Ашировой:

«Перед Сабантуем мы по старым обычаям приготовили большой шест и ходили, собирали подарки, которые завязывали на него. В это время был такой подъем... мы поняли, что мы – татары, что нам нужно сохранять национальные традиции».

После проведения Сабантуя в селе Имантав активистами была организована татарская фольклорная группа, в которую входило около 20 человек (руководитель Раиса Абдулаевна Аширова). Активисты давали концерты не только в родном селе, но и в Кокчетаве. Был организован и имантавский татарский центр (председатель Харис Шабаев).

Махмутов З.А. История формирования и развития татарской общины в Казахстане (на примере с. Имантау Северо-Казахстанской области)

В начале 1990-х гг. стали вестись факультативы по татарскому языку в детском садике «Колосок», а также в средней образовательной школе № 1 с. Имантау. Резеда Талгатовна Сабитова и Рашид Максютлов обучали детей татарскому языку, песням и танцам. Но со временем занятия были прекращены.

С 2004 г. ведет свою историю и Татарский национально-культурный центр (клуб) «Сююмбике» в с. Имантау. Инициаторами его создания стали директором имантауской средней школы Раиса Шаяхметовна Кулманбетова и председатель совета ветеранов Раиса Абдулаевна Аширова. Благодаря активистам центра, был организован вечер, посвященный памяти М. Джалиля, отмечается праздник Сабантуй.

Основным занятием имантауских татар в настоящее время является работа в аграрном секторе. Успешный бизнес по продаже и посадке качественных растений для благоустройства городов Казахстана организовал потомок первых татарских переселенцев, почетный гражданин Айыртауского района Идрис Рашитович Кузахметов. При его поддержке в небольшом селе было создано более 130 теплиц. Благодаря Кузахметовым функционирует пожарное депо, облагорожена центральная площадь (установлено уличное освещение, высажены деревья, поставлены скамейки и асфальтирована площадь), отремонтировано три километра дорожного полотна, построены хоккейный корт и общественная баня, приведен в порядок школьный актовый зал и закуплена музыкальная аппаратура, дети из нуждающихся семей обеспечены бесплатным питанием, посажен сад с плодово-ягодными деревьями [1, с. 68].

Традиции духовно-просветительской деятельности имантауских татар поддерживает другой потомок первых переселенцев – Рамиль Харисович Аширов. Он имам мечети, построенной Идрисом Рашитовичем Кузахметовым

По последней Национальной переписи населения 2009 г. в с. Имантау проживало 620 татар. Это меньше, чем в дореволюционное время [22, с. 158]. Однако татары продолжают составлять значительную четвертую часть населения села, численно уступая только русским.

Татары стояли у истоков образования станицы Имантавской, сыграли первостепенную роль в зарождении мусульманских институтов (мечети и медресе), вели активную предпринимательскую и производственную деятельность. Миграция в крупнейший пункт концентрации казаков-татар в степной зоне имела как добровольный, так и принудительный характер. Казаки принимали участие в военных кампаниях русской армии, проявляя при этом отвагу и героизм. В революционное время имантавские татары оказались по разные стороны баррикад, жизни многих из них сложились трагично. В советскую эпоху была разрушена мечеть, в школе прекратилось обучение на татарском языке, татарской общиной перестал отмечаться праздник Сабантуй. Возрождение культурных традиций началось в 1990-е гг. с проведения масштабного Сабантуя. Возродилось обучение та-

тарскому языку в школе (на факультативной основе), был организован татарский национально-культурный центр, на средства успешного татарского предпринимателя построена мечеть. Он же обеспечивает работой многих сельчан и активно занимается благотворительной деятельностью. Таким образом, имантауские татары, как и ранее, продолжают играть важную роль в культурной, духовной, социально-экономической жизни села.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аитова Л.Х. Родительский дом. Кокшетау, 2017. 136 с.
2. Акаева Г.Ш. Истоки и продолжение (Рукопись) // Архив семьи Акаевых. Казань, 51 с. (дата обращения: 28.11. 2018).
3. Аминов Р.Р. Рецензия на монографию: Махмутов З.А. История татар Кокшетау и Акмолинской области (XIX – начало XXI в.) // Кряшенское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 124–129.
4. Андреев С.М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Ислам, общество и культура: материалы международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (к 600-летию ислама в Сибири)» / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск, 1994. С. 5–8.
5. Богапов Ф.В. История нашей семьи. Кокшетау, 2018. 204 с.
6. В редакцию не вернулся. М., 1967. Кн. 2. 390 с.
7. Габайдуллин А.Г. Имантау (Рукопись) // Архив семьи Габайдуллиных. Казань, 55 с. (дата обращения: 28.11. 2018).
8. Галиев В.З. Расселение татар в северо-восточном Казахстане и их участие в развитии образования среди казахов // Вестник архивной службы. 2009. № 1. С. 3–20.
9. Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф. 1359. Оп. 1. Д. 118. Л. 141–142.
10. ГААО. Ф. 1363. Оп 1. Д. 357.
11. ГААО. Ф. 1378. Оп 1. Д. 698. Л. 15.
12. Государственный архив города Кокшетау. Ф. 292. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.
13. Государственный исторический архив Омской области. (ГИАОО). Ф. 67. Оп 1. Д. 536.
14. ГИАОО. Ф. 67. Оп 1. Д. 536. Л. 2–5.
15. ГИАОО. Ф. 67. Оп 1. Д. 542.
16. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей. Спб., 1905. 120 с.
17. Память народа – электронный банк документов, относящихся к периоду Великой Отечественной войны. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 15.10.2019).
18. Патрикеев С.Б. Сводные списки кавалеров георгиевского креста 1914–1922. IV степень. М., 2012. 1036 с.
19. Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 99. Оп. 1. Д. 263. Л. 2.
20. СКГА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 399. Л. 69.
21. Татары в Казахстане: энциклопедический словарь. Алматы, 2015. 348 с.

Махмутов З.А. История формирования и развития татарской общины в Казахстане (на примере с. Имантау Северо-Казахстанской области)

22. Татары Казахстана: краткая иллюстрированная энциклопедия. Казань, 2017. 524 с.

23. Торгово-промышленная Россия. СПб., 1899. 2854 с.

24. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 374. Оп. 1. Д. 4863. Л. 3.

25. ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.

26. ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1165. Л. 67.

27. ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1165. Л. 73.

28. ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1167.

29. ЦГА РК. Ф. 847. Оп. 2.1. Д. 143.

30. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И.–295. Оп. 2. Д. 8. Л. 852.

31. ЦГИА РБ. Ф. И.–295. Оп. 9. Д. 1063.

32. ЦГИА РБ. Ф. И.–295. Оп. 12. Д. 55.

Сведения об авторе: Махмутов Зуфар Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); zufar@inbox.ru

HISTORY OF FORMATION AND LIFE ACTIVITY OF THE TATAR COMMUNITY IN KAZAKHSTAN (BY THE CASE IMANTAU VILLAGE OF THE NORTH-KAZAKHSTAN REGION)

Z.A. Makhmutov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
zufar@inbox.ru*

This article discusses the history of the Tatars of the Imantau Village in North-Kazakhstan region and their activities. The number of Tatars in different periods constituted over a quarter of the population of the village. Majority of Imantau Tatars were military Cossacks, which were a part of the Siberian Cossack army. Before the revolution, the Cossacks were actively engaged not only in military service, but also in trade, agriculture, and crafts. The revolutionary events significantly changed the life of the Tatars in the village.

Particular attention is paid to the contribution of the ethnic group to the political, economic, demographic, social and cultural development of the region. The sources of this article are archival, statistical, virtual, museum, and memoir materials. A lot of valuable information is contained in the metric books of the Imantau mosque.

Keywords: History, Tatars, Cossacks, Imantau, steppe zone, Kazakhstan, migration, adaptation, islam, mosques, cultural traditions

For citation: Makhmutov Z.A. History of formation and life activity of the Tatar community in Kazakhstan (by the case Imantau village of the North-Kazakhstan Region). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 95–109. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.95-109

REFERENCES

1. Aitova L. H. *Roditel'skij dom*. [Parents' House]. Kokshetau, 2017. (In Russian).
2. Akaeva G.Sh. Istoki i prodolzhenie (Rukopis') [Origins and Continuation (Manuscript)]. *Arhiv sem'i Akaevyh* [The Akaevs family archive]. Kazan. (In Russian). (accessed 28.11. 2018). (In Russian).
3. Aminov R.R. Recenzija na monografiju: Makhmutov Z.A. Istorija tatar Kokshetau i Akmolinskoj oblasti (XIX – nachalo XXI v.) [Review of the monograph Makhmutov Z.A. The history of Kokshetau and Akmola Region Tatars]. *Krjashenskoe istoricheskoe obozrenie – Kryashen historical review*, 2019, no 2, pp. 124–129. (In Russian).
4. Andreev S.M. Kazaki-musulmane v Sibirskom kazach'em vojske (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vekov) [Muslim Cossacks in the Siberian Cossack Army (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Islam, obshhestvo i kul'tura: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konfrenecii «Islamskaja civilizacija v preddverii XXI veka (k 600-letiju islama v Sibiri)* [Islam, society and culture: materials of the international scientific conference “Islamic civilization on the eve of the 12th century (on the 600th anniversary of Islam in Siberia)]. Omsk, 1994, pp 5–8. (In Russian).
5. Bogapov F.V. *Istorija nashej sem'i* [The history of our family]. Kokshetau, 2018. (In Russian).
6. *V redakciju ne vernulsja* [He did not return to the editor]. Moscow, 1967. Vol. 2. (In Russian).
7. Gabajdullin A.G. Imantau (Rukopis') [Imantau], *Arhiv sem'i Gabajdullinyh* [Archive of the Gubaidullin family]. Kazan. (accessed 28.11.2018). (In Russian).
8. Galiev V.Z. Rasselenie tatar v severo-vostochnom Kazahstane i ih uchastie v razvitii obrazovaniya sredi kazahov [The resettlement of Tatars in north-eastern Kazakhstan and their participation in the development of education among the Kazakhs]. *Vestnik arhivnoj sluzhby – Bulletin of the Archival Service*. 2009, no 1, pp. 3–20. (In Russian).
9. Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti. [The State Archive of Akmola Region]. Fond 1359. Op. 1. D. 118. L. 141. L. 142. (In Russian).
10. Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti. [The State Archive of Akmola Region]. Fond 1363. Op. 1. D. 357. (In Russian).
11. Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti. [The State Archive of Akmola Region]. Fond 1378. Op. 1. D. 698. L. 15. (In Russian).
12. Gosudarstvennyj arhiv goroda Kokshetau. [The State Archives of Kokshetau]. Fond 292. Op. 1. D. 66. L. 8. (In Russian).
13. Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [The State Historical Archive of Omsk Region]. Fond 67. Op. 1. D. 536. (In Russian).
14. Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [The State Historical Archive of Omsk Region]. Fond 67. Op. 1. D. 536. L. 2–5. (In Russian).
15. Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [The State Historical Archive of Omsk Region]. Fond 67. Op. 1. D. 542. (In Russian).

Махмутов З.А. История формирования и развития татарской общины в Казахстане (на примере с. Имантау Северо-Казахстанской области)

16. *Naselennye mesta Rossijskoj imperii v 500 i bolee zhitelej* [Populated places of the Russian Empire about 500 and more inhabitants]. St. Petersburg, 1905. (In Russian).

17. *Pamjat' naroda – jelektronnyj bank dokumentov, odnosjashhihsja k periodu Velikoj Otechestvennoj vojny* [Memory of the people – an electronic bank of documents related to the period of the Great Patriotic War]. Available at: <https://pamyat-naroda.ru/> (accessed 15.10.2019). (In Russian).

18. Patrikeev S.B. *Svodnye spiski kavalerov georgievskogo kresta 1914–1922. IV stepen'* [Consolidated lists of gentlemen of the cross of St. George 1914–1922. IV degree.]. Moscow, 2012. (In Russian).

19. Severo-Kazahstanskij gosudarstvennyj arhiv [North Kazakhstan State Archive]. Fond 99. Op. 1. D. 263. L. 2. (In Russian).

20. Severo-Kazahstanskij gosudarstvennyj arhiv [North Kazakhstan State Archive]. Fond 99. Op. 1. D. 399. L. 69. (In Russian).

21. *Tatary v Kazahstane: jenciklopedicheskij slovar'* [Tatars in Kazakhstan: Encyclopedic dictionary]. Almaty, 2015. (In Russian).

22. *Tatary Kazahstana: kratkaja illjustrirovannaja jenciklopedija* [Tatars of Kazakhstan: a brief illustrated encyclopedia]. Kazan, 2017. (In Russian).

23. *Torgovo-promyshlennaja Rossija* [Commercial and industrial Russia]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).

24. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fond 374. Op. 1. D. 4863. L. 3. (In Russian).

25. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fond 393. Op. 1. D. 26. L.34. (In Russian).

26. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fond 393. Op. 2. D. 1165. L. 67. (In Russian).

27. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fond 393. Op. 2. D. 1165. L. 73. (In Russian).

28. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fond 393. Op. 2. D. 1167. (In Russian).

29. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. Fond 847. Op. 2.1. D. 143. (In Russian).

30. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Respubliki Bashkortostan [The Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 295. Op. 2. 1. D. 8. L. 852. (In Russian).

31. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Respubliki Bashkortostan [The Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 295. Op. 9. D. 1063. (In Russian).

32. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Respubliki Bashkortostan [The Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 295. Op. 12. D. 52. (In Russian).

About the author: Zufar A. Makhmutov is a Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); zufar@inbox.ru

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ И СЛУЖАЩИЕ ЛАИШЕВСКОГО ЗЕМСТВА

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
yelena.mironova@yandex.ru*

Данная статья посвящена врачам и вспомогательному медицинскому персоналу Лаишевского уезда Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Анализируется кадровый состав, а также условия труда врачей, фельдшеров, акушерок и оспопрививателей, дана подробная характеристика основных направлений их деятельности. Автором показано, что специалисты неохотно шли работать в сельскую местность из-за низкого жалования, высокой нагрузки, связанной с выполнением дополнительных, нехарактерных для их специальности, обязанностей, а также необходимостью разъезжать по деревням в любое время года. Сделан вывод, что, несмотря на трудности экономического, организационного характера, а также проблемы, возникающие в результате недоверия крестьян к официальной медицине, благодаря стараниям медиков удалось создать эффективную систему земского здравоохранения.

Ключевые слова: история, Казанская губерния, Лаишевский уезд, вторая половина XIX – начало XX в., земские врачи, фельдшера, акушерки, оспопрививатели

Для цитирования: Миронова Е.В. Медицинские работники и служащие Лаишевского земства // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 110–127. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.110-127

История земской медицины в Лаишевском уезде неоднократно становилась предметом региональных исследований, посвященных системе здравоохранения в Казанской губернии [23; 26; 11]. Ряд специальных статей были приурочены к юбилейной дате основания земства в 1865 г. [8; 27]. В данной статье мы сосредоточимся на одном аспекте здравоохранения – положении медицинских работников. Именно они несли на себе основную тяжесть создания сети лечебных заведений и мероприятий в первые годы существования земств, а затем работали среди неграмотного и недоверчивого в подавляющем большинстве населения.

Учреждение земства в 1864 г. помогло создать систему медицинского обслуживания, доступной широким слоям населения. Ее основой стали земские больницы во главе с врачом. В дореформенный период числен-

ность докторов была ничтожна: в 1857 г. на всю Казанскую губернию приходилось всего 60 врачей, из них 32 в Казани, по одному в уездных городах, а в Царевококшайске и вовсе не было ни одного [10, с. 186]. Поэтому для излечения от болезней жители прибегали к помощи знахарок и лекарок.

В связи с этим перед земством стала задача расширения штата медицинских работников с целью максимального охвата всего уездного населения профессиональной врачебной помощью. Уезды были разделены на участки. В Лаишевском в 1870-х гг. их насчитывалось три – с центрами в городе Лаишев, селах Казыли и Рыбная Слобода. А в 1890-е гг. число участков увеличено до пяти. В каждом из них находилась больница, кроме пятого участка, в котором до 1908 г. действовал лишь приемный покой.

Докторам приходилось работать в довольно тяжелых условиях. Больницы не могли принять всех нуждавшихся в помощи. Так, даже самое крупное лечебное учреждение, находившееся в Лаишеве к 1880 г. насчитывало лишь 30 основных и 10 запасных коек. До 1868 г. медицинскому персоналу приходилось оказывать помощь во время разъездов по всему уезду. В саму Лаишевскую больницу люди попадали помимо своей воли, и, как правило, стационарным лечением даже жители города пользовались крайне редко [13, с. 23]. Однако в 1868 г. Лаишевское земство отменило объезды по деревням, сохранив только больничную помощь, исключение составили выезды врачей во время эпидемий [13, с. 20].

Часто больницы не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям. Например, в ходе посещения губернатором Лаишевской больницы в конце 1860-х гг. было указано на отсутствие обустроенных ретиранных мест. Однако для решения даже этой проблемы у земства долгое время не находилось средств. Одним из серьезных недостатков было отсутствие отдельных палат для заразных больных и пациентов с другими заболеваниями. Например, врач Пановской больницы Москвин (1908 г.) писал, что в палату с лихорадочно больными приходилось помещать пациентов с глазными, кожными и другими болезнями, либо в виду отсутствия перевязочного кабинета приходилось обнажать зловонные раны в присутствии других больных. Ситуацию усугубляло отсутствие вентиляции в палатах, а также близость клозета, в результате царивший воздух оставлял желать лучшего.

В Казыльской больнице на нижнем этаже зимой бывал такой холод, что вода и масла замораживались в аптеке, а доктор и фельдшера принимали больных в осенних пальто и валенках; только после обивки стен в аптеке и приемной комнате толстыми кошмами в них стало немного теплее. Наверху, где размещались больные, температура не поднималась выше 13 градусов (по Реомюру, что равнялось примерно 16 градусам Цельсия), хотя для ее поддержания приходилось топить печи два раза в день. Почти все печи дымили, несмотря на то, что их неоднократно переделывали. Больница остро нуждалась в инструментах, поскольку старых не хватало. Но обсуждение этой проблемы в земстве постоянно откладывалось

(в частности, этот вопрос поднимал земский врач 3 участка Чернеевский). Только в 1905 г. были возведены три новых корпуса Казыльской больницы, произведен наружный ремонт в Пановской и Рыбно-Слободской больницах.

Для обеспечения населения медикаментами существовала сеть земских аптек. Они действовали при больницах, в которых лекарства выдавались больным бесплатно. Препараты изготовлялись либо самими аптеками, либо покупались в частных заведениях. Так, в Лаишевской аптеке В.Р. Бенинга медикаменты приобретались со скидкой 40%. При больнице села Рыбная Слобода имелась своя аптека для приготовления лекарств и даровой раздачи, а также квартиры фельдшеров. При Казыльской больнице имелась аптека для приготовления лекарств собственно для больницы.

От уровня квалификации медицинского персонала напрямую зависел престиж земской медицины. Кадры укомплектовывались выпускниками самых разных учебных заведений со всех уголков страны. Но служба в уездной больнице не всегда была добровольным выбором специалиста. В 1880-х гг. в Рыбно-Слободской больнице работал врач Роберт Понсе-де-Сандон. В Казанской губернии он оказался как участник Польского восстания, сосланный в 1863 г. в городе Царевококшайск. Местное земство пригласило его на освободившуюся должность врача городской больницы [24, с. 141], но уже через несколько месяцев было вынуждено его уволить, так как ссыльным запрещалось покидать город, в связи с чем Понсе-де-Сандон не мог выезжать в селения уезда.

Вскоре ссыльным полякам было даровано право вернуться на родину, однако де-Сандон решил осесть в Казанской губернии и устроился работать земским врачом в Лаишевский уезд. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он был призван в армию и помогал раненым, а после ее окончания вернулся на службу в Лаишевский уезд [1]. За продолжительную беспорочную службу он был награжден орденом Святой Анны III степени. Р.О. Понсе-де-Сандон не был женат и, вероятно, вел скромный образ жизни, что, по-видимому, позволило ему скопить некоторую денежную сумму и приобрести дачу с землей в Варшавской губернии. Однако возраст давал о себе знать и в связи с ухудшением здоровья Понсе-де-Сандону приходится уйти со службы. Вот как он сам описывает свои ощущения по этому поводу: «Все это я пишу в виду улучшения в будущем медицинского дела в Рыбно-Слободском участке, дорогом мне по вложенным в него моим трудам – по тому положению, которое я создал себе между населением и по той привычке, которая складывается многими годами. Сам же я с сожалением оставляю земство по невозможности выполнить в точности предъявляемых мне службой требований. Устал за 22 года службы! Важнейшею же причиною моего выхода это ослабление зрения, мешающего мне в производстве операций, самой главной и важнейшею отрасли земской медицины. А потому единственная моя просьба и завет Лаишевскому Земству старого его служаки и земского практика найти

врача для Рыбно-Слободской больницы человека солидного, а главное более подготовленного в хирургии и любящего эту специальность. В ней вся суть в крестьянской практике и польза видимо необходимая и несомненная. Заканчивая и прощаясь, прошу Лаишевское земское собрание, принять мою глубочайшую благодарность и признательность за его внимание ко мне и доброе отношение к моей службе» [14, с. 138].

26 сентября 1890 г. врач Р.О. Понсе-де-Сандон в возрасте приблизительно 60 лет в чине коллежского советника оставил службу в Лаишевском уездном земстве. Он отправился на свою дачу в Варшавской губернии, где мог наслаждаться заслуженным отдыхом. Вместо него был определен ординатор госпитальной терапевтической клиники Императорского Казанского университета, лекарь А.Н. Чернеевский. Но прослужил он недолго и в 1893 г. перебрался в Пермь [7, с. 580].

Основателем и заведующим Пановской больницей являлся врач Флорентин Иванович Грацинский [12, с. 34], бывший студент Медико-Хирургической академии. Как и Понсе-де-Сандон, в молодости он увлекался политикой. В 1877 г. Грацинский был подвергнут обыску в Петербурге вместе с А.Л. Караваевым, на квартире которого жил. В 1880 г. Флорентин Иванович получает звание лекаря и возвращается в Казанскую губернию, где у его семьи было поместье.

Земство старалось создать необходимые условия труда для докторов. Жалованье было увеличено с 800 до 1200 рублей [5, с. 27]. Кроме оклада выдавалось по 200 рублей на разъезды и наем квартиры. Также предоставлялась земская лошадь и научные командировки через 3 года службы. По выслуге лет присваивался чин.

Земский врач зачастую был единственным человеком с высшим медицинским образованием на весь уезд, поэтому ему приходилось заниматься лечением всех видов болезней, с которыми обращались пациенты. По словам участкового доктора М.Н. Никольского: «При массе работы земского врача ему совершенно нет времени рационально следить за новой текущей медицинской литературой и тем пополнять свои знания» [15, с. 284]. Поэтому только на лекциях и практических занятиях во время командировок доктора могли заполнить пробелы в знаниях за короткий срок.

Врачи самостоятельно выбирали клиники. Одним из популярных был открытый в Петербурге в 1885 г. Императорский клинический институт Великой княгини Елены Павловны, ставший первым в мире учебным заведением усовершенствования врачей. Здесь доктора со всей страны имели возможность слушать лекции, посещать практические занятия профессоров – по глазным, детским, венерическим болезням. Земские врачи полагали, что такие научные поездки следует сделать обычной практикой, «...если принять во внимание прогрессирующее движение медицины в смысле изыскания различных способов лечения и применения их у больных, то командировки врачей должны быть обязательны для каждого земского врача и непременно свободные, в смысле выбора того или другого

города вплоть до поездки за границу. Получаемые журналы и чтение специальных руководств не дадут врачу столько, сколько он почерпнет из своей поездки в университетский городок. Такие командировки желательны, чтобы они повторялись через каждые три года по очереди» [15, с. 285].

Врачи, желавшие пройти обучение в одной из клиник, подавали соответствующее заявление в земское собрание. Последнее определяло размер командировочных. Во многом от этого зависел выбор университетского города. К примеру, врач Н.Ф. Осипов отправился в Казань, поскольку ассигнованных 300 рублей не хватало добраться до российской столицы. Тогда дорога до Петербурга и обратно стоила 50 рублей, плата за билет на курсы – 25 рублей, за дополнительные лекции и практические занятия – еще около 80 рублей. Итого на проживание в Питере в течение 2,5 месяцев оставалось менее 150 рублей, в то время как жизнь в Казани оценивалась в 85 рублей в месяц. Поскольку жалованье Осипов оставлял семье на время своего отсутствия, то ему предстояло уложиться только в бюджет от земства [15, с. 286]. По причине ограниченности средств врачи чаще ездили в Казань, реже – в Петербург.

В ходе командировок врачи по своему усмотрению выбирали курс лекций для посещения, а по возвращении предоставляли подробный отчет с описанием изученных методов лечения. Так, врачи 2-го участка Д.В. Снеговой и 3-го Ф. Осипов в ходе 2-недельной командировки в Казани изучали технику применения Эрлиховского препарата сальварсан при лечении сифилиса. Со временем это лекарство успешно применялось ими. Через три года тот же Осипов обучался у известных казанских офтальмологов – профессора А.Г. Агабабова, доктора И.С. Кривоносова и В.В. Чирковского. Поскольку земские больницы не располагали всем необходимым оборудованием, врач обращал внимание преимущественно на те способы лечения, которые могли быть применимы в земской практике, не требуя специальных приборов [15, с. 252].

У земских докторов было много дополнительных обязанностей за пределами своей клиники. Среди них – участие в земском собрании один раз в месяц [5, с. 29]. По отзывам некоторых врачей, эта работа была унизительна, так как они, приглашенные в качестве экспертов, в конечном счете не обладали правом голоса. Довольно обременительным было обязательство производить вскрытия, освидетельствования и посещать заседания суда. И на этот раз уже следователь мог пренебречь мнением врача, выразив «несогласие» [25, с. 39]. По этой причине случались конфликты с коллегами. Например, де-Понсе писал: «Вот вчера я упрекнул в неблагоприятной проделке одного из гласных; может быть, на будущем собрании он заявит, что я ничего не понимаю в медицине, что я ленив, что груб с больными, и проч., и если найдется у него много друзей, подобных ему, в собрании, то я буду уволен большинством голосов за негодностью» [25, с. 52–53]. Согласно действовавшей в Лаишевском уезде инструкции для врачей, собрание, конечно, могло уволить нанятого им доктора, но только после

принятия соответствующего постановления и с преданием суду. Если же нанимателем выступала управа, то отстранение от должности происходило уже по ее решению [5, с. 30].

Из-за высокой занятости и необходимости оказывать помощь в любое время суток доктора требовали регламентировать часы приема прибывающих больных, чтобы в остальное рабочее время они могли заниматься лечением пациентов в стационаре и амбулатории. Так, в 1883 г. на V съезде земских врачей Казанской губернии была принято постановление об определении самим врачом времени приема. Однако Лаишевское земство высказалось против данной резолюции, увидев в ней возможность для злоупотреблений со стороны медиков [4, л. 87 об.–90].

Земские врачи были вынуждены работать в обстановке недоверия со стороны населения. Так, во время эпидемии летом 1909 г. трое врачей И.С. Кривоносов (окулист), Л.Ф. Покровский (акушер-гинеколог) и С.В. Дунаев вели прием, но наталкивались на противодействие со стороны крестьян. К примеру, несколько жителей думая, что врачи хотят отравить их односельчанина, тщательно скрывали его, что осложняло борьбу с эпидемиями холеры и скарлатины в деревнях. В то же время для интеллигентного человека врач был одним из немногих образованных людей, с которыми можно было поговорить в провинции. Так, в повести «Чужестранцы» писателя Е.Н. Чирикова, в которой описываются впечатления автора о жизни в уездном городе, умирающие здесь от скуки герои общались именно с врачом: «В Лаишеве, где не только все обыватели, но даже и все собаки прекрасно знали друг друга, у Промотовых было единственное знакомое семейство – вольнопрактикующего врача Жегунова» [29, с. 224].

Земская служба не освобождала медицинских работников от мобилизации. Так, в Русско-японскую войну были призваны медицинский и ветеринарный врачи, с началом Первой мировой – три участковых и один ветеринарный врач, а также три фельдшера. Все без исключения изъявили желание занять свои должности, вернувшись с военной службы. Их семьям выдавались пособия в размере половины жалованья.

Крайне затруднительным стало замещение освободившихся вакансий. Управа для решения этой проблемы решила допустить к должности женщин-врачей, студентов-медиков и слушательниц медицинских курсов, перешедших на последний курс, а в качестве фельдшеров – студентов и слушательниц 4 курса. Размер содержания женщин-врачей – 1200 рублей, студентов и слушательниц 5 и 4 курса – по 100 и 50 рублей соответственно.

Изнурительная работа сказывалась на здоровье самих медиков. В случае болезни им предоставлялся отпуск «на поправление здоровья». Так, фельдшер 1-го участка Ф.А. Андреев воспользовался двухмесячным отпуском для лечения в Шамовской больнице. А получив медицинское свидетельство о выявленных у него неизлечимых хронических болезнях, он обратился в земское собрание с прошением назначить ему ежемесячную пенсию в знак уважения к его заслугам.

Врачебная деятельность была опасна риском заражения от пациентов. Так, де-Сандон заразился гнилостной инфекцией при оперировании одной из рожениц. Только благодаря своему коллеге доктору Студенскому врачу удалось избавиться от «грозной опасности» [16, с. 85]. От заражения крови умер в 1918 г. И.С. Кривоносов – бывший окулист глазной лечебницы в селе Шуран.

Несмотря на то, что основную работу по медицинскому обслуживанию населения несли врачи, очень многое в здоровье жителей уезда зависело от земских фельдшеров. Бич земской медицины – нехватка кадров, распространялся как на врачей, так и на фельдшеров. Из-за этого в некоторых уездах существовали фельдшерские участки, где фельдшеры самостоятельно лечили больных. В Лаишевском уезде в этом плане дело обстояло относительно благополучно, и они выполняли лишь функции помощников при врачах. Но качество подготовки и ответственности оставляло желать лучшего. Так, Лаишевское земство сократило количество фельдшеров, поскольку «добросовестно исполняющих свои обязанности, а главное трезвых фельдшеров найти очень трудно» [5, с. 37].

Фельдшерские кадры в Лаишевском уезде пополнялись двумя способами. Фельдшеры-практики, работавшие чаще всего в военных медицинских заведениях и там же сдававшие испытание, как правило, были плохо подготовлены в теоретическом отношении. Другие приходили из Казанской земской фельдшерской школы и считались выше по статусу и знаниям. Но и в такие школы по свидетельству современников поступали лишь те, кто не мог получить другую профессию, а их подготовка также не отличалась высоким уровнем [28, с. 16].

Недостаток и плохая подготовка фельдшеров во многом объяснялась их низким жалованьем. Впрочем, в Лаишевском уезде в 1870-е гг. они получали одни из наиболее высоких окладов в губернии – 240 рублей в год. Причем о повышении до этой суммы с прежних 150 рублей управа ходатайствовала перед земским собранием по собственной инициативе [5, с. 37]. Но и такая плата за тяжелый труд мало привлекала грамотных людей. Однако постепенно оклады повышались и к началу XX в. они составляли от 300 до 480 рублей. Их величина колебалась в зависимости от стажа, полученного образования и участка. Так, фельдшер 1-го участка В.С. Мысовский проработавший в должности более 20 лет и окончивший курс в Казанской земской фельдшерской школе, получал 480 рублей, а В.В. Заякин, работавший во втором участке, который стал фельдшером всего лишь несколько месяцев назад и выдержавший испытание при Казанском военном госпитале – 300 рублей. Кроме жалованья фельдшерам выделяли по 60 рублей квартирных денег, а также деньги на разъезды согласно потраченным суммам.

К вспомогательному медицинскому персоналу относились акушерки. Во второй половине XIX в. процесс деторождения в Лаишевском уезде проходил архаично. Вплоть до 1873 г. помощь роженицам оказывали ис-

ключительно повивальные бабки. Затем на службу стали принимать акушерок. Их обучали в Повивальном институте, действовавшем при медицинском факультете Императорского Казанского университета. В 1865 г. курс преподавания был расширен, что позволило обучать будущих акушерок некоторым фельдшерским приемам для работы в земстве. В первый год ученицы изучали теорию, затем начинались практические занятия, в ходе которых они принимали роды, приобретали навыки по уходу за роженицами и младенцами [2, с. 323]. Первой стипендиаткой от Лаишевского земства для обучения в клинике университета стала крестьянка из села Полянки Любовь Федорова, которая по окончании курса вернулась на родину. После нее в 1868/1869 отчетном году обучалась вдова священника Ольга Кафарова [13, с. 19]. Размер жалованья акушерок варьировался в зависимости от размера участка и плотности населения. Например, в 1877 г. акушерки первого и второго участков получали по 300 рублей в год, а третьего участка – в 2,5 раза меньше. Командировочные составляли 75 рублей в год [27, с. 263].

С появлением акушерок в уездных больницах процесс деторождения в сельской местности продолжал осуществляться «по старинке» – при участии деревенских повитух. Одной из причин этого была острая нехватка персонала. Так, на службе земства в Лаишевском уезде состояло всего 5 акушерок, распределенных по пяти участкам [17, с. 46]. Но из-за высокой текучести кадров место акушерки нередко оказывалось вакантным. Как следствие часто приходилось обслуживать огромную территорию. Например, в 1884/1885 отчетном году одна акушерка приходилась на 2-й и 4-й врачебные участки, вследствие чего управа просила назначить особую акушерку для 4-го участка [16, с. 39].

Не каждая женщина уезда могла рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь. Так, по данным исследователя В. Иванковского, в 1873 г. на 1 акушерку приходилось 3644 рождения. Ситуация усугублялась, когда место становилось вакантным. Как, например, это было в 1877 г., когда на 1 акушерку приходилось 4674 рождения [6, с. 239]. Безусловно, в условиях дефицита специалистов родовспоможением занимались крестьянские повитухи – «явление очень печальное, но и неизбежное при наличности одной акушерки в участке» [22, с. 495]. Их деятельность вызывала серьезные опасения со стороны медицинской общественности. В своих отчетах врачи описывали операции, проводимые повитухами, когда бабка буквально выдавливала ребенка, вставая ногами на живот роженицы, или вытряхивала плод, держа женщину за ноги. Следствием данных манипуляций становились болезни матки и часто бесплодие [10, с. 187]. Несмотря на ощутимый урон здоровью, наносимый варварскими действиями местных повитух, их популярность была высокой, потому что они всегда находись рядом. Помещик Смоленской губернии, автор знаменитых «Записок из деревни» Л.Н. Энгельгардт по этому поводу писал: «Положим, что земская акушерка лучше простой повитухи, но где она эта

земская акушерка? А тут бабе приспело время родить» [30, с. 104]. В результате на земских специалистов, которые просто физически не могли охватить все рождения, приходился ничтожный процент родов. К примеру, в 1884/1885 отчетном году акушерка 1 участка приняла только 59 родов, а по другим – еще меньше [16, с. 46].

В помощь акушеркам в штате земства состояли повивальные бабки. Ими становились поступившие на службу сельские повитухи. Однако их помощь так же редко доходила до отдаленных районов, в которых женщины обращались к местным повитухам. Согласно данным за 1894/1895 отчетный год, из 8175 новорожденных, числившихся по спискам священников и мулл, земскими бабками было принято всего 246 детей [18, с. 52], а в 1896–1897 – 287 младенцев [19, с. 60]. Их деятельность сводилась, главным образом, к осмотру больных женщин, являющихся в амбулаторию. Согласно врачебным отчетам, акушерская помощь земской повивальной бабки ежегодно снижалась, что объяснялось «как непривычкой населения к новой повивальной бабке, так и главным образом ее личными свойствами не заботящейся о том, чтобы заслужить доверие населения, а напротив, своим стеснением к делу, поселяющей к себе недоверие, а может быть страх или боязнь за свое здоровье и спокойствие» [20, с. 343–344]. По этой причине врачи высказывались за полную замену повивальных бабок акушерками. Но этого не происходило ввиду нехватки специально обученных кадров. Более того, земские повитухи получали довольно высокий оклад – в начале XX в. он составлял 360 рублей.

Как правило, к сертифицированным акушеркам обращались женщины с осложнениями, поэтому часто их роды сопровождали местные повитухи, которые, в свою очередь, вели агитацию против земских специалистов, видя в них конкурентов [11, с. 127]. Тем не менее принятые без осложнений роды делали всех жительниц деревни постоянными пациентками акушерок и врача. Врач Рыбно-Слободской больницы писал в отчете: «Удачное извлечение младенца при трудных родах производит эффект и крайне благоприятное впечатление во всей деревне» [21, с. 142].

Рабочий график акушерок был очень плотным и напряженным из-за высокой нагрузки. Так, акушерка К.Н. Стасевич, перешедшая на службу Лаишевского земства из Чистопольского уезда [2, с. 322], за полгода приняла 14 родов и осмотрела 72 женщины. Кроме того, она производила осмотр в больнице по понедельникам в качестве фельдшера. Помимо обязанностей по больнице персоналу часто приходилось разъезжать по селениям, так как не все сельские жительницы имели возможность приезжать в больницу. К примеру, акушерка 4-го медицинского участка Лаишевского уезда за первое полугодие 1886 г. оказала помощь 11 женщинам при разъездах и 59 – по месту жительства. Помимо своих непосредственных обязанностей, в летний период акушерок привлекали к оспопрививанию. Но врачи полагали, что их надо освободить от этой обязанности, так как с ним и без этого не было доверительного отношения со стороны крестьян-

ского населения. Оспопрививание, не имея стопроцентный эффект, в очередной раз дискредитировало акушерок. Позже, в начале 1900-х гг., для данных целей стали приглашать студентов, которые летом выходили на каникулы. Это позволяло не отвлекать акушерок от основной работы.

С 1880-х гг. акушерки постепенно заменялись фельдшерицами-акушерками. Для их подготовки земством были организованы фельдшерские школы, которые стали главной кузницей акушерских кадров для уездных больниц. Так, по состоянию на начало XX в. все акушерки Лаишевского уезда были выпускницами Казанской земской фельдшерской школы. Их жалованье составляло 400 рублей, еще 60 рублей выделялось на аренду жилья, размер командировочных фиксированным не был. В должностные обязанности акушерок входило не только оказание помощи при родах, но и выполнение функций фельдшера.

В ежегодных отчетах врачи отмечали растущий спрос на акушерские услуги: «Сознание о пользе рациональной акушерской помощи, особенно оперативной, все более и более проникает в народные массы...» [21, с. 142]. Среди женщин, обращавшихся за профессиональной медицинской помощью, были представительницы разных сословий. Так, в 1884/1885 отчетном году из 124 женщин, обратившихся в Лаишевскую больницу, было 58% крестьянок, 17% – мещанок и четверть приходились на другие сословия [16, с. 52].

Однако увеличение требований со стороны населения приводило к тому, что среди акушерок было много отказов, так как она должна была не только провести роды, но и навестить роженицу в послеродовой период. Кроме того, производство техники гинекологического лечения стационарных больных ложилось на ту же акушерку-фельдшерицу. Она же производила ежедневный осмотр женщин в амбулатории и занималась приготовлением лекарств. Выполнять все это с должной тщательностью и добросовестностью одному лицу не всегда было под силу. Расширить штат акушерок не было финансовой возможности. Только в начале XX в. в участках был учрежден штат второй фельдшерицы-акушерки. Одновременно выросли и расходы на их содержание. В 1910 г. содержание двух акушерок-фельдшериц первого участка с учетом «квартирных» обходилось земству в 1040 рублей [27, с. 260]. Кроме того, акушерке вменялось составление ежегодных отчетов с указанием количества родов – по городу, по больнице, по участку; числа младенцев, отклонений (например, преждевременные, мертворожденные и т.д.). А также – сколько женщин было осмотрено. Акушерки часто менялись, не оставляя отчета. Если в городской больнице заведование хозяйством было возложено на особого смотрителя, то в уездах это стало обязанностью фельдшериц-акушерок. Хотя жалованье акушерок в среднем было выше, чем у фельдшеров, оно не оправдывало тяжелую нагрузку, которую приходилось нести этим женщинам. Так, в 1901 г. на всех пяти участках срок службы фельдшериц-аку-

шерок не превышал двух лет. Хотя были и исключения. Например, акушерка Максимова прослужила около 20 лет.

Отметим, что в самих больницах не существовало благоприятных условий для родовспоможения. В уездах Казанской губернии не было специализированных акушерских пунктов. Если в 1877 г. их насчитывалось 18, то к 1898 г. – только 2. В то время в ряде регионов земства активно расширяли эту помощь. Например, в Вологодской губернии действовало 57 акушерских пунктов, Новгородской – 38, Олонецкой – 37, Харьковской – 49, а в соседней Вятской – 61 [3, с. 142].

Родильные отделения стали открываться только в начале XX в. Однако их состояние оставляло желать лучшего. Врач 2-го участка Н.Ф. Осипов отмечал, что родильная комната помещалась на месте цейхгауза, была холодная, ныне же отведена другая теплая комната и выкрашена масляной краской. Поэтому для привлечения рожениц нужно улучшать условия, и тогда «женщины охотнее будут рожать в больнице, чем дома при самых невозможных гигиенических условиях» [22, с. 494]. В домашних же условиях это могло быть опасно не только для новорожденного и матери, но и для самих повитух. При наиболее сложных родах участвовали врачи. Отметим, что количество мест в больницах было недостаточным, поэтому нередко приходилось отказывать в приеме беременных женщин в больницу для родовспоможения.

Одним из важных препятствий к распространению акушерских услуг были расстояния, неразвитость путей сообщений и низкая плотность населения. Последняя причина была препятствием на пути всех предприятий земских учреждений, как в сфере медицинской, так и санитарной [6, с. 241]. Альтернативой больнице, для открытия которой земство не располагало необходимыми финансовыми и кадровыми ресурсами, мог стать фельдшерский пункт. Такой пункт был открыт в Лаишевском уезде в селе Шумбут 20 мая 1906 г. Долгое время местная управа путем печатных объявлений и другими способами не могла найти фельдшерицу-акушерку. Желающих на это место не находилось. Вследствие чего на Шумбутский пункт пришлось перевести одного из опытных фельдшеров Казыльской больницы Карпешина, который осуществлял заведование под контролем врача 3-го участка.

Таким образом, земская акушерская помощь в Лаишевском уезде вплоть до последней четверти XIX в. находилось на очень низком уровне. Бывало, что неподготовленный персонал приносил больше вреда, чем пользы. Это способствовало развитию недоверия к врачам среди крестьян, которые в большинстве случаев обращались к деревенским повивальным бабкам.

В начальный период существования земства в медицинские работники низшего разряда набирали людей без образования. К ним относились оспопрививатели. Статистические данные свидетельствуют о том, что из всех заболеваний наиболее распространенной была оспа, превосходившая

по своим масштабам эпидемии тифа, кори, скарлатины и пр. [6, с. 220–221]. Неслучайно, профилактическая борьба с ней приняла массовый, систематический характер.

В первой половине XIX в. этот вопрос находился в ведении «оспенных комитетов», а в 1865 г. в связи учреждением земства перешло в ведение последнего: оно обучало добровольцев, снабжало оспопрививателей вакцинами. На этом этапе содержанием оспопрививателей и покупкой необходимых инструментов занимались сельские общества, а с середины 1870-х гг. все расходы уже полностью легли на земство [26, с. 20]. До лета 1870 г. на весь уезд насчитывалось четыре оспопрививателя. За мизерное жалованье от земской управы они должны были ходить по деревням и зимой, и летом. В 1871 г. вознаграждение оспопрививателя в Лаишевском уезде составляло 40 рублей. В дальнейшем он ежегодно получал по 84 рубля и на разъезды – по 50 рублей. В 1874 г. в Лаишевском уезде работало пять оспопрививателей, в 1877 г. – шесть [27, с. 263].

Изначально предполагалось, что непосредственное руководство вакцинации будет осуществлять врач, поэтому оспопрививателями нанимались люди без медицинского образования, владеющие только технической стороной дела. Однако врачи не могли заниматься постоянным контролем их действий, потому что они были заняты терапевтической работой. Это имело негативные последствия. Так, проводимые ревизии отмечали некомпетентность оспопрививателей, которые будучи неграмотными, даже не могли самостоятельно заполнить ведомости, доверяя это волостным писарям. Часто оспопрививатели поддавались на уговоры жителей и за откуп не проводили вакцинации, тем самым снижая эффективность мероприятия. Кроме того, при существовавшем способе оспопрививания был высок риск заражения здоровых детей сифилисом [9, с. 5]. В последующем оспопрививание стало проводиться участковыми фельдшерами под наблюдением врачей и за вознаграждение, рассчитываемое управой по медицинским участкам и по числу привитых детей. Ежегодно на эти цели выделялось 200 рублей – по 3,08 коп. за привитого ребенка.

В начале XX в. установилась практика передачи обязанностей по оспопрививанию определенным специалистам. Так, в 1913 г. проведение вакцинации, согласно постановлению земского собрания, было возложено управой на особое лицо. Во 2 участке это была слушательница Московских женских курсов госпожа Иванова. Всего она привила 1095 человек, причем доля удачной прививки достигала 98,5%. Кроме того, в течение отчетного года при участии фельдшерского персонала произведена ревакцинация свыше полутора тысяч школьников. В 4 участке оспопрививание проводила слушательница Петербургского женского медицинского института М.В. Белькович. Поручение оспопрививания особому лицу позволило не отвлекать фельдшерский персонал от повседневной работы [15, с. 153, 158].

Земскому медицинскому персоналу приходилось действовать в трудных условиях – отсутствие обустроенных помещений, оборудования, ши-

рокий перечень обязанностей, невысокие оклады, недоверие населения. Основную тяжесть работы несли на себе врачи. В большинстве своем это были ответственные, трудолюбивые люди, не только образованные, но и идейные, работавшие не ради денег, а для помощи населению. Они старались постоянно развиваться, повышать квалификацию, но на пути их энтузиазма зачастую вставала недостаточность финансирования и настроенное настроение крестьян. Фельдшеры и акушерки часто менялись, поскольку низкая оплата труда в сочетании с тяжелой работой вынуждала их искать места получше. Но были и те, кто оставался на посту на протяжении десятилетий. Несмотря на все трудности, земская медицина двигалась вперед благодаря самоотверженному труду этих людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акшиков А.Г. Земские врачи Марийского края: биографические очерки: (к 140-летию учреждения земств в Марийском крае). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 104 с.
2. Валеева Н.Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.): историко-краеведческое исследование. М.: Перо, 2019. 471 с.
3. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с.
4. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 81. Оп. 2. Д. 266.
5. Заметки о земской медицине в Казанской губернии. Доклад Обществу врачей г. Казани 19 нояб. 1871 г. / А.В. Петров, А.Я. Щербаков. Казань: Унив. тип., 1872. 110 с.
6. Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевской Казанской губернии. Казань: Унив. тип., 1881. 344 с.
7. Казанский университет. Биобиблиографический словарь. Т. 1: 1804–1904. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 808 с.
8. Коробова Е.В., Галиев Н.С. Истоки здравоохранения Лаишевского района // Земское здравоохранение в Казанской губернии: материалы научно-практической конференции «Земское здравоохранение в Казанской губернии». Казань: ИД МеДДоК, 2015. С. 69–76.
9. Лаишевский способ оспопрививания / Сост. Э. Витте. Казань: лито-тип. К.А. Тилли, 1873. 31 с.
10. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. СПб.: Военн. тип., 1861. 616 с.
11. Морозова Е.В., Созинов А.С. Основные направления развития земского здравоохранения в Казанской губернии в XIX в. // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95. № 1. С. 124–127.
12. Олейник В. Из жизни сельской больницы // Татарстан. 2010. № 7. С. 32–35.
13. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. Казань: Губ. тип., [б.г.]. 52 с.

14. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/1890 г. Лаишев: тип. Ковалевой, 1890. 234, 209 с.

15. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1912/1913 г. Казань: тип. М.Н. Кошкина, 1913. 283 с.

16. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г. Казань: Типография Казанского университета, 1885. 302 с.

17. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1885/1886 г. Казань: тип. Губ. Правления, 1886. 335 с.

18. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1894/1895 г. Казань: тип. А.А. Родионова, 1895. 272, 208 с.

19. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1896/1897 г. Казань: тип. Б.Л. Домбровского, 1897. 501 с.

20. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1899/1900 гг. Казань: тип. П.И. Кидалинского, 1900. 666 с.

21. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1888/1889 г. Казань: Тип. и лит. А.А. Родионова, 1889. 406 с.

22. Отчет Лаишевской уездной управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1902/1903 г. Казань: тип. А.М. Петрова, 1903. 635 с.

23. Очерки истории медицины Татарстана (до 1917 г.) / К.Ш. Зыятдинов, Я.Г. Павлухин. Казань: Медицина, 2005. 271 с.

24. Пичугина В.В. Польская интеллигенция в общественно-политической жизни Поволжья и Приуралья, XIX в.: дисс. ... к.и.н. Казань, 2000. 187 с.

25. Понсе-де-Сандон. Изучать ли мне медицину? (Письма к племяннику). Казань: Унив. тип., 1883. 60 с.

26. Салимова Э.А. Земская медицина в Казанской губернии в пореформенный период // Вестник ТГГПУ. 2007. № 1(8). С. 14–21.

27. Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2016. № 3/4. С. 260–269.

28. Смирнова Е.М. Вспомогательный медицинский персонал на земской службе // История медицины. 2014. № 3. С. 15–23.

29. Чириков Е.Н. Очерки и рассказы. СПб.: Знание, 1900. 397 с.

30. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 491 с.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); yelena.mironova@yandex.ru

MEDICAL WORKERS AND CLERICAL STAFF OF LAISHEV ZEMSTVO

Ye.V. Mironova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
yelena.mironova@yandex.ru*

The article focuses on doctors and auxiliary medical personnel of the Laishev District of the Kazan Province in the second half of the 19th – early 20th centuries. The personnel composition, as well as the working conditions of doctors, paramedics, obstetricians, and practitioners have been analyzed; a detailed description of the main activities is presented. The author shows that specialists were reluctant to work in the countryside due to low salaries, high workload associated with performing additional duties uncharacteristic of their specialty, as well as the need to travel to villages at any time of the year. It is concluded that, despite the difficulties of an economic and managerial nature, as well as problems arising owing to peasants' distrust in official medicine, thanks to the efforts of physicians, it was possible to create an effective system of zemstvo healthcare.

Keywords: history, Kazan province, Laishev District, the second half of the 19th – early 20th century, zemstvo doctors, paramedics, obstetrician, practitioners

For citation: Mironova Ye.V. Medical workers and clerical staff of Laishev Zemstvo. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 110–127. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.110-127

REFERENCES

1. Akshikov A.G. *Zemskie vrachi Marijskogo kraja: biograficheskie ocherki: (k 140-letiju uchrezhdenija zemstv v Marijskom krae)*. [Zemstvo doctors of the Mari Territory: biographical essays: (to the 140th anniversary of establishing a zemstvo in the Mari Territory)]. Joshkar-Ola, MarNIIJaLI Publ., 2006. 104 p. (In Russian)
2. Valeeva N.G. *Chistopol'skoe uezdnoe zemstvo Kazanskoj gubernii (1865–1914 gg.): istoriko-kraevedcheskoe issledovanie* [The County Zemstvo Chistopol of Kazan province (1865–1914 years): historical and istoriko-regional research]. Moscow, Pero Publ., 2019. 471 p. (In Russian)

3. Veselovskij B.B. *Istorija zemstva za sorok let* [History of the Zemstvo for forty years]. St. Petersburg., O.N. Popovoj Publ., 1909, vol. 1. 724 p. (In Russian)
4. Gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 81. Op. 2. D. 266. (In Russian)
5. *Zamетки о земской медицине в Kazанской губернии. Доклад Обществу врачей г. Kazани 19 нояб. 1871 г.* [Notes on zemstvo medicine in the Kazan Province. Report to the Society of Doctors of Kazan from November 19, 1871]. A.V. Petrov, A.Ja. Shherbakov. Kazan, Kazan University Publ., 1872. 110 p. (In Russian)
6. Ivanovskiy V.V. *Oпыт issledovanija dejatel'nosti organov zemskogo samoupravlenija v Rossii: uezdy – Slobodskoj Vjatskoj gubernii i Laishevskoj Kazанской губернии* [Experience in studying the activities of local self-government bodies in Russia: Sloboda District of the Vyatka Province and Laishev District of the Kazan Province]. Kazan, Kazan University Publ., 1881. 344 p. (In Russian)
7. *Kazанский университет. Библиографический словарь'. Т.1: 1804–1904* [Kazan University. A bibliographic dictionary. Vol. 1: 1804–1904]. Kazan, Kazan University Publ., 2002. 808 p. (In Russian)
8. Korobova E.V., Galiev N.S. *Istoki zdravooхранения Laishevского района* [The origins of public health in Laishevsky district]. *Zemskoe zdravooхранение v Kazанской губернии: materialy nauchno-praktičeskoj konferencii «Zemskoe zdravooхранение v Kazанской губернии»* [Zemstvo healthcare in the Kazan Province: materials of the scientific and practical conference “Zemstvo health care in the Kazan province”]. Kazan, MeDDoK Publ., 2015, pp. 69–76. (In Russian)
9. *Laishevskij sposob ospoprivivanija* [The Laishev method of smallpox vaccination]. Compl. by A. Vitte. Kazan, K.A. Tilli Publ., 1873. 31 p. (In Russian)
10. *Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Kazанская губерния* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kazan Province]. Compl. by M. Laptev. St. Petersburg, Military Publ., 1861. 616 p. (In Russian)
11. Morozova E.V., Sozinov A.S. *Osnovnye napravlenija zemskogo zdravooхранения v Kazанской губернии v XIX veke* [The main directions of the development of zemstvo healthcare in the Kazan Province in the 19th century]. *Kazанский медицинский журнал – Kazan Medical Journal*, 2014, vol. 95, no. 1, pp. 124–127. (In Russian)
12. Olejnik V. *Iz zhizni selskoj bolnitsy* [From the life of a rural hospital]. *Tatarstan*, 2010, no. 7, pp. 32–35. (In Russian)
13. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva v 1867/1868 g.* [Report of Laishev District Zemstvo Council on the state of the county zemstvo economy in 1867/1868]. Kazan, Governance Publ., [b.g.]. 52 p. (In Russian)
14. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i o dejstvijah uezdnoj upravy v 1889/1890 g.* [Report of the Laishev County Zemstvo Council on the state of the county zemstvo economy and on the actions of the County Council in 1889/1890]. Laishev, Kovaleva Publ., 1890, 234. 209 p.
15. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i o dejstvijah uezdnoj upravy za vremja v 1912/1913 g.* [Report of Laishev County Zemstvo Council on the state of the county zemstvo economy and on the ac-

tions of the County Council in 1912/1913]. Kazan, M.N. Koshkin Publ., 1913. 283 p. (In Russian)

16. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i dejstvijah uezdnoj upravy v 1884/1885 godu.* [Report of the Laishev County Zemstvo Council on the state of the county zemstvo economy and the actions of the County Council in 1884/1885]. Kazan, Kazan University Publ., 1885. 302 p. (In Russian)

17. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i dejstvijah uezdnoj upravy v 1885/1886 g.* [Report of the Laishev County Zemstvo Council on the state of the County Zemstvo economy and the actions of the County Council in 1885/1886]. Kazan, Governance Publ., 1886. 335 p. (In Russian)

18. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i o dejstvijah uezdnoj upravy v 1894/1895 g.* [Report of the Laishev County Zemstvo Council on the state of the County Zemstvo economy and on the actions of the County Council in 1894/1895]. Kazan, A.A. Rodionov Publ., 1895. 272, 208 p. (In Russian)

19. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i o dejstvijah uezdnoj upravy v 1896/1897 g.* [Report of the Laishev County Zemstvo Council on the state of the County Zemstvo economy and on the actions of the County Council in 1896/1897]. Kazan, B.L. Dombrovskij Publ., 1897. 501 p. (In Russian)

20. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i o dejstvijah uezdnoj upravy v 1899/1900* [Report of the Laishev County Zemstvo Council on the state of the County Zemstvo economy and on the actions of the County Council in 1899/1900]. Kazan, P.I. Kidalinskij Publ., 1900. 666 p. (In Russian)

21. *Otchet Laishevskoj uezdnoj zemskoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i o dejstvijah uezdnoj upravy v 1888/1889 g.* [Report of the Laishev County Zemstvo Council on the state of the County Zemstvo economy and on the actions of the County Council in 1888/1889]. Kazan, A.A. Rodionov Publ., 1889. 406 p. (In Russian)

22. *Otchet Laishevskoj uezdnoj upravy o sostojanii uezdnogo zemskogo hozjajstva i o dejstvijah uezdnoj upravy v 1902/1903 g.* [Report of the Laishev County Council on the state of the County Zemstvo economy and on the actions of the County Council in 1902/1903]. Kazan, A.M. Petrov Publ., 1903. 635 p. (In Russian)

23. *Očerki istorii mediciny Tatarstana (do 1917 g.)* [Essays on the history of medicine (until 1917)]. Compl. by K.Sh. Zyjatdinov, Ja.G. Pavluhin. Kazan, Medicine Publ., 2005. 271 p. (In Russian)

24. Pichugina V.V. *Pol'skaja intelligencija v obshhestvenno-politicheskoj zhizni Povolzh'ja i Priural'ja, XIX v. Doss. kand. ist. nauk* [Polish intelligentsia in the socio-political life of Volga and Ural region, the 19th century. Cand. Hist. Sci. Diss.]. Kazan, 2000. 187 p. (In Russian)

25. Ponsje-de-Sandon R.O. *Izuchat' li mne medicinu? (Pis'ma k plemjanniku)* [Should I study medicine? (The letters to my nephew)]. Kazan, Kazan University Publ., 1883. 60 p. (In Russian)

26. Salimova Je.A. Zemstvo medicine in Kazan province in the post-reform period. *Vestnik TGGPU – Bulletin of TSHTU*, 2007, no. 1(8), pp. 14–21. (In Russian)

27. Samatova Ch.H., Ibragimov R.R. Stanovlenije I razvitie zemskoj meditsiny v Laishevskom ujezde Kazanskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [The formation and development of zemstvo medicine in Laishev District of the Kazan Province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Gasyrlar avazy – Echo of Centuries*, 2016, no. 3/4, pp. 260–269. (In Russian)

28. Smirnova E.M. Vspomogatelnij meditsinskij personal na zemskoj sluzhbe [Auxiliary medical personnel in the Zemstvo service]. *Istorija mediciny – History of Medicine*, 2014, no. 3, pp. 15–23. (In Russian)

29. Chirikov E.N. *Oчерки i rassказы*. [Essays and Stories]. St. Petersburg, Znanye Publ., 1900. 397 p. (In Russian)

30. Jengel'gardt A.N. *Iz derevni. 12 pisem: 1872–1887* [From the village. 12 letters: 1872–1887]. Moscow, Socjkgiz Publ., 1937. 491 p. (In Russian)

About the author: Yelena V. Mironova is a Candidate of Science (History), Senior Research Fellow of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); yelena.mironova@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОЙ
ДЕРЕВНИ СИМЕТБАШ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Х.З. Багаутдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
halida12_61@mail.ru*

В публикации представлен ретроспективный анализ социокультурного развития татарской деревни Симетбаш современного Арского района Республики Татарстан с XVIII по начало XX вв. Приводятся малоизвестные факты из истории этого населенного пункта. Большое внимание уделено демографическому и социально-экономическому положению местных жителей, а также особенностям их жизненного уклада и быта. На основе архивных материалов восстановлены важнейшие страницы истории местной мусульманской общины, мечети, биографии ее духовных руководителей.

Ключевые слова: Симетбаш, служилые и ясачные татары, Заказанье, татары-хлебопашцы, Казанская губерния, китаечная фабрика, муллы

Для цитирования: Багаутдинова Х.З. Социально-экономическое и культурное развитие татарской деревни Симетбаш (XVIII – начало XX вв.) // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 128–139. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.128-139

Первое документальное упоминание деревни Симетбаш относится к 1617 г. [42, с. 291]. Своё название она получила от протекающей вблизи речки Симет. Буквально с татарского языка название аула можно перевести как начало реки Симет (*Симет* – река + *баш* – начало). По рассказам старожилов, основателями деревни были два человека – Асай и Апаш. Позже к родам Асая и Апаша подселились ещё 4 семейства [31, 315 б.]. В деревне имеются роды, предки которых пришли с Горной стороны [2, 19 б.]. В частности, по свидетельству Рауфа Каримова, его предок в шестом колене Рахимкол был из симбирских мишарей. Он служил имамом в деревне Атне, а потом переехал в Симетбаш. Род Рахимкула до сих пор называют «мишарским» [31, 315 б.]. Местные жители указывают на наличие вблизи деревни древнего «чувашского кладбища» [2, 126 б.].

Симетбаш расположен в живописном уголке Заказанья. Возле селения имеется большое количество небольших речушек и ключей. Среди них *Завод елгасы* – по преданиям на её берегу один богатый промышленник

производил красный кирпич, *Зиреклар суы* – свое название получила от большого количества росшего по ее берегам ольховника, *Каенсар елгасы*, *Тур елгасы* и др.

До 1920 г. деревня входила в состав Ново-Кишитской волости Казанского уезда Казанской губернии. Располагалась на правой стороне большого торгового тракта из г. Казани в г. Уржум, в 66 верстах от губернского г. Казани и в 25 верст от заштатного г. Арска [37, с. 177].

Основываясь на статистических материалах XVIII – начала XIX вв., сложно сделать однозначный вывод о социальном статусе симетбашевцев. Если в материалах 3 ревизии 1764 г. в Симетбаше Алатской дороги Казанского уезда жителями указаны ясачные татары [35, л. 20], то по данным 5 ревизии 1795 г. здесь фиксируются служилые татары [36, л. 371 об.]. Такая же неразбериха отмечается в материалах последующих 7 и 8 ревизии. В сказках 7 ревизии указано проживание служилых татар [28, л. 24], а в данных 8 ревизии «казенных ясачных татар» [28, л. 242].

По данным 3 государственной ревизии в 1764 г. в Симитбаше проживало 108 чел. обоого пола [35, л. 20]. В 1795 г. в деревне насчитывалось уже 113 жителей (15 дворов) [36, л. 371 об.]. Положительная динамика численности сохранялась вплоть до конца XIX в. В 1816 г. здесь проживало 222 человека (24 двора) [28, л. 24], 1834 – 300 (36) [28, л. 242], 1858 – 476 (34) [39, с. 15], 1876 – 436 (58) [32, с. 96–97; 37, с. 177], 1885 – 501 (64) [38, с. 6]. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала некоторое уменьшение численности народонаселения деревни (429 чел.) [41, с. 20]. В начале XX в. тенденция снижения численности жителей сохранилась. В 1906 г. в деревне проживало 428 человек (88 дворов) [40, с. 24].

Снижение численности симетбашевцев можно объяснить усилением миграции в пореформенный период. Тяжелые условия жизни вынуждали крестьян уезжать из родной деревни за «лучшей долей» в крупные торговые и промышленные центры Казанской губернии, в Оренбургскую и Уфимскую губернии, а также в Сибирь. В частности, в 1891 г. Мухаметзян Нафуллин с семейством переехал на постоянное место жительства в Омскую губернию [20, л. 113]. В 1893 г. в Оренбургскую губернию с семейством перебрался Абдулхамит Абдрашитов. Причем на это время за ним числился недоимок по государственным налогам и сборам – 29 руб. 98 коп. В 1894 г. в Оренбургскую губернию с семьями переехали Мухаметзян Сайфулмулюков, а в 1895 г. Ахметзян Искандеров, Шакирзян и Хайдар Шагиахметовы [20, л. 13, 75, 143 об.].

В результате проведения Генерального межевания, осуществленного в 1795 г. арским землемером Дмитриевым, симетбашевцы со своими наделами вошли в состав Ново-Кишитской государственной дачи. В их владении находилось 751,2 десятин земли. Из них 742,5 десятин считались удобными для хлебопашества, а 8,7 десятин неудобными. Земли симетбашевской сельской общины располагались в северо-восточной части вышеупомянутой дачи и граничили с севера и северо-востока с государственной

дачей деревни Березняки, с юго-востока с дачею деревень Новый Крылай и Варангузи, с юга с землею деревни Кшкар, с юго-запада и запада с Янгушевскими сенными покосами [21, л. 19–20 об.].

В 1858 г. средний душевой надел крестьян составлял 3,3 десятины удобной земли. Постепенно с сокращением народонаселения эта доля немного увеличилась и к 1906 г. достигла 3,7 десятины удобной земли [27, л. 66–70]. Такая ситуация наблюдалась крайне редко в татарских деревнях Среднего Поволжья. Общая тенденция была противоположной – с пореформенного периода у татарских крестьян повсеместно отмечалось снижение душевых наделов сельскохозяйственной земли.

По данным волостных правлений к 1 октября 1906 г. из приписного населения деревни 87 семей имели собственные наделы, 1 семейство считалось безземельным. Из числа надельных, 75 семей вели собственное хозяйство, 12 семей сдавали свои земельные участки в аренду [26, л. 18].

По владетельным записям 1867 г. симетбашевцы имели в своих хозяйствах 79 лошадей, 32 жеребят, 89 коров, 38 телят, 526 овец и коз. Пять дворов считались безлошадными [23, л. 38–43 об.]. По кадастровой оценке середины 1880-х гг. в среднем на одно хозяйство деревни приходилось 2,3 лошади [34, с. 13].

За пользование землей местные крестьяне платили высокие сборы и налоги. В 1880-х гг. они выплатили в пользу казны 506 руб. 76 коп. подушной подати, 456 руб. 98 коп. оброчной подати, 53 руб. 64 коп. государственного земельного налога. Кроме того, на них налагались общественный сборы: земский (156 руб. 33 коп.), мирской (86 руб. 52 коп.). Таким образом, общая налоговая нагрузка на поземельную общину составляла 1260 руб. 23 коп. в год, на 1 душу м.п. – 4 руб. 79 коп. [34, с. 13].

Наряду с сельским хозяйством и животноводством, симетбашевцы активно занимались неземледельческими сферами деятельности – мелкой торговлей, кустарными и отхожими промыслами. В деревне существовала небольшая «китаечная фабрика», принадлежавшая арскому купцу Тохфатуллину [1, с. 191–192]. Она производила недорогую и весьма востребованную среди сельского населения хлопчатобумажную ткань «китайку». В пореформенный период среди местных жителей широкое распространение получило сапожное ремесло, причем симетбашевцы специализировались на пошиве кожаной «татарской» обуви (ичигов) [34, с. 192]. В деревне имелись свои плотники (средний заработок 20 руб. в год) [25, л. 145], мастера по плетению лыка (39 руб.) [4, л. 9 об.]. Деревенская беднота после окончания аграрного сезона уезжала на заработки в Оренбургскую губернию, где нанималась разнорабочими в Оренбурге и Троицке к богатым татарским торговцам и промышленникам. Их средний заработок составлял 30 руб. [29, л. 80–81].

Из среды симетбашевцев вышли ряд крупных татарских купцов и промышленников. Одним из них был Шарафетдин бай. Он был известен

как крупный благотворитель, финансировавший строительство мусульманских культовых заведений в Заказанье [2, 66 б.].

В начале XX в. в Симетбаше действовала одна торговая лавка с продажей чая, сахара и других продуктов, а также бакалейных товаров, принадлежавшая местному жителю Вали (Мухаметвали) Мухаметгалееву. Он торговал и на Арском базаре. Его торговый оборот составлял 200 руб. в год [19, л. 516–534]. Один любопытный случай, связанный с торговой лавкой Мухаметгалеева, сохранился в делопроизводственных материалах казанской полиции. 1 марта 1912 г. урядником Казанского уезда Яковлевым был составлен протокол о краже из торговой лавки в деревне Симетбаш 15 досок кирпичного чая на сумму 25 руб. и 4 руб. денег. Кража была совершена в ночь на 1-е марта. Хозяин лавки во время следствия обвинил в преступлении местных крестьян Фаттаха Гильфанова и Шагавалея Байрамгалеева. Но в связи с отсутствием улики и прямых доказательств дело было прекращено [22, л. 1–15].

Первое упоминание о существовании мечети и самостоятельного мусульманского прихода в деревне Симетбаш относится к 1703–1704 гг. В «Экстракте в Правительствующий Сенат ис Казанской губернской канцелярии о татарских мечетях» (1740-е гг.) отмечается: «В деревне починка Симетбаш была одна мечеть при пяти дворах, которая сломана. Рас[с]тоянием она имела от мечети, что в деревне Конак Козе, в пяти, от села Алат – в пятидесят[и] пяти верстах. Новокрещен во оной деревне не имеется. А по скаске той деревни жителей показано, что она мечеть была построена в двести двенадцетом году» [33, с. 306]. Исходя из информации, содержащейся в данном документе можно сделать вывод, что построенная в 1703–1704 гг. деревянная мечеть была разрушена в силу предписания органов государственной власти, реализовавших в это время в Среднем Поволжье курс на всеобщую принудительную христианизацию нерусского населения края.

Сложно сказать, когда культовое заведение в Симетбаше было восстановлено. По всей видимости, строительство новой мечети относится к последней трети XVIII в., когда государство пошло на последовательное признание терпимого отношения к исламу и разрешило восстановление разрушенной в годы насильственной христианизации мусульманской религиозной инфраструктуры.

Первым известным нам руководителем симетбашевской махалли является указной мулла, ахун Камалетдин Искандаров (?–1872). Он служил имам-хатыбом местной мечети с 1845 по 1872 гг. [6, л. 73] По оценке современников К. Искандаров имел довольно широкий кругозор и либеральные взгляды, хорошо знал русский язык. Вот как о нем отзывался анонимный корреспондент: «Умный с хорошим образованием, очень хорошо знал русский язык и с русскими был весьма общителен. Характер был разгульного, и не особенно ревностный исполнитель правил, предписанных магометанским законам» [3, л. 43–43 об.].

В 1870 г. на должность указного муллы деревни был избран сын К. Искандарова – Мустафа Камалетдинов (указ от 28 окт. за № 10835) [7, л. 251 об.–252]. В 1873 г. в помощь М. Камалетдинову вторым муллой назначается его младший брат Габдулла Камалетдинов ((?–30.11.1904), указ от 12 марта за № 2091) [8, л. 94 об.–95].

Мустафа Камалетдинов унаследовал от своего отца буйный и разгульный характер. К тому же, по оценке местных жителей, он вел нетрезвый образ жизни, злоупотреблял алкоголем [9, л. 5]. В связи с этим 10 января 1881 г. прихожане составили общественный приговор, в котором просили Казанское губернское правление отстранить М. Камалетдинова от занимаемой должности «за его противозаконные поступки» [9, л. 1–1 об.]. Эту просьбу поддержало Оренбургское магометанское духовное собрание. В своем рапорте от 28 ноября 1881 г. за № 3625 оно нашло поведение имама деревни Симетбаш несоответствующим предписаниям ислама и занимаемой должности и просило уволить М. Камалетдинова [9, л. 5].

Вслед за отстранением М. Камалютдинова местное общество возбудило дело об увольнении от должности и его брата. В вину также ставилось неподобающее его сану жизнь и совершение «прелюбодеяний». На общественном сходе симетбашевцы объявили, что Габдулла Камалетдинов и его брат не занимаются «богослужением в мечети и учением наших детей магометанской грамоте, а вообще уклоняются от исполнения своих служебных обязанностей предаются: первый пьянству, а второй прелюбодеянию, чрез что общество наше лишаясь приносить молитвы Богу – несет незаслуженные порицания со стороны соседей крестьян, кои позволяют насмехаться над нашим обществом за порочное поведение наших мулл, а потому и ввиду изложенного приговором единогласно постановили: избрав из среды себя поверенного однополого своего Рязапа Раимова предоставить ему право ходатайствовать об увольнении за порочное поведение нашего указного муллу Габдулла Камалетдинова Искандарова, занимающего прелюбодеянием и позорящего этим поведением наше общество» [10, л. 21 об.–22].

Но вскоре это решение было пересмотрено. На общественном сходе, состоявшемся 8 января 1884 г., бывший указной мулла Г. Камалетдинов попросил выдать ему вновь приговор на замещение должности имамхатыба симетбашевской мечети. Выслушав просьбу, сход решил «с общего всех нас согласия обсудив этот вопрос, пришли к тому убеждению, что со времени составления нами приговора на удаление муллы Габдуллы Камалетдинова Искандарова и в виду увольнения 2-го муллу Мустафу Искандарова, он принял и ныне принимает все энергические свои силы к богослужению, на новые принимает и в настоящее время без упущения и с тем вместе, по случаю неурожайных годов хлеба, не требует от нас излишнего, а равно не требует излишнего за совершение обрядов. Словом исполняет по совести, так как подобает духовному лицу поведения и нравственности, он исправился, ведет жизнь самую безукоризненную. Поэтому, мы в настоящее время деятельность муллы Искандарова, находим

вполне заслуживающую уважения и желаем оставить его при состоящей в нашей деревне соборной мечети, указным муллою и обязуемся в виду усердной его службы доставлять обеспечение, какое положено магометанским законам» [10, л. 40–41 об.]. Ходатайство прихожан было поддержано Оренбургским магометанским духовным собранием, вследствие чего Казанское губернское правление вновь утвердило Г. Камалетдинова в должности указного муллы [10, л. 44].

Но на этом история с назначением и увольнением Габдуллы Камалетдинова не закончилась. В 1888 г. прихожане вновь составили приговор об отобрании у него указа на должность муллы. Как и ранее симетбашевцы аргументировали свою просьбу тем, что их духовный пастырь «не исполняет служебных обязанностей и ведет безнравственный образ жизни». Г. Камалетдинова обвиняли в том, что он не бывает на утренних и вечерних молитвах в мечети, надолго, по 15 дней отлучается из деревни, посещает дома терпимости. Также в вину ему ставилось, что «он не обучает детей, не ходит на пятивременные богослужения и прогоняет учеников приходящих к нему медресе». В качестве характеристики поведения нерадивого хазрата прихожане приводили один случай: «Во время богослужения мулла Искандеров бранил непечатными словами каждого, входящего в мечеть магометанина, а по выходе из мечети завел со всеми ссору и брань, так что каждому из прихожан не представляется возможным посещать для богомолья мечеть, пока при ней будет состоять мулла Искандаров» [13, л. 2–3]. В ходе проведенного опроса и следствия, обвинения подтвердились и Г. Камалетдинов был окончательно отстранен от должности [13, л. 29].

Лишившись места, Г. Камалетдинов навсегда уезжает из Симетбаша. Вскоре ему удалось устроиться в деревне Каинсар Лаишевского уезда Казанской губернии. После перехода местного муллы Загрутдина Файзуллина в деревню Сикертан Мамадышского уезда Казанской губернии, Г. Камалетдинова избирают на должность имам-хатыба [18]. После его смерти в 1905 г. указным муллою Каинсара избирается его сын Лутфулла Габдуллин-Искандаров (указ от 14 февраля № 186), окончивший 4-х классное городское училище [16].

После отстранения Г. Камалетдинова на должность имама-хатыба соборной мечети Симетбаша приглашается крестьянин деревни Паранги Уржумского уезда Вятской губернии, сын муллы Нугумана Ибрагимова-Ирмашева – Ахметхасан (Хасан) Нугуманов-Ирмашев ((20.09.1863–?), указ от 30 мая 1890 г. за № 2953) [12, л. 4]. Но и новый мулла не смог найти общий язык с местными жителями. 10 октября 1894 г. А. Нугуманов-Ирмашев направил рапорт в Казанское губернское правление, в котором просил принять меры в отношении его прихожан, отказавшихся оказывать ему материальную помощь: «Вот уже 2 года, как самые состоятельные из прихожан моих», утверждал молодой хазрат, «отказывают мне выдаче следуемого по обязательству и магометанскому закону содержания, несмотря на то, что эти последние два года вполне урожайные» [12, л. 20–20 об.].

Прихожане, в свою очередь, обвинили А. Нугуманов-Ирмашева в нарушении предписаний исламского вероучения и в пьянстве. Для расследования обстоятельств дела в Симетбаш был направлен исправник 3 стана Казанского уезда. В своем донесении он отмечал: «Мулла Ирмашев действительно пьет, но умеренно, хотя, по словам его прихожан, бывали случаи, что он напивался до бесчувственного состояния и приходил однажды на сельский сход в пьяном виде; из прихода отлучается весьма часто» [14, л. 7–7 об.]. Сложно дать однозначный ответ, насколько показания некоторых жителей Симетбаша и мнение исправника соответствовали действительности. В данном случае определенную роль в распространении слухов о неблагонаправленном поведении имама мог сыграть конфликт А. Нугуманова-Ирмашева с состоятельными и влиятельными сельчанами, стремившимися снять его с должности, используя для этого все возможные механизмы воздействия на членов махалли и местную сельскую администрацию. Имело значение и частое посещение местным духовенством крупного базара в деревне Ашит, где имелось несколько питейных заведений.

Не имея возможности отстранить недавно назначенного муллу, симетбашевцы пригласили к себе второго муллу, лишив первого материальной поддержки. В 1895 г. по инициативе местных жителей вторым имамом соборной мечети Симетбаша избирается Салахутдин Губайдуллин ((13.11.1863–1835), указ от 18 января 1896 г. за № 175), до этого служивший указным муллой в деревне Ковали Казанского уезда [14]. В документах начала XX в. в Симетбаше отмечается наличие лишь одного указного муллы – С. Губайдуллина [15, л. 57 об.–58]. По всей видимости, А. Нугуманов-Ирмашев, не найдя общего языка с прихожанами, и не получая от них финансовой помощи, был вынужден покинуть деревню. Не в пример предыдущему духовенству Симетбаша Салахутдин хазрат отличался глубокой религиозностью и строгим соблюдением норм шариата. В 1909 г. он совершает хадж к святым местам Мекки [14, л. 27]. Обязанности имамхатыба С. Губайдуллин исполнял вплоть до своей смерти в 1935 г. Во время экспедиции сотрудниками Института истории им. Ш. Марджани АН РТ выявлен надмогильный знак, закрепленный на дереве, растущем на месте захоронения муллы С. Губайдуллина [30, 204 б.].

При симетбашевской мечети существовала начальная мусульманская школа, в которой детей обучали основам исламского вероучения и татарской грамоты. Преподавание в школе вел местный мулла и его жена. В архивных документах сохранились сведения о численности учеников симетбашевской мектебе в отдельные годы. В 1867 г. в школе обучалось 45 мальчиков и 30 девочек [24, л. 26–27], 1888 г. – 26 и 18 [11, л. 295 об.–296], 1898 г. – 18 и 12 [5, л. 5 об.–6], 1904 г. – 12 и 15 [15, л. 57 об.–58], 1910 г. – 25 и 27 [17, л. 58 об.–59].

История деревни Симетбаш дореволюционного периода наполнена яркими событиями, характеризующими социально-экономическое и культурное положение татарского сельского населения Заказанья. На протяже-

нии XVIII – начала XX вв. в этом татарском ауле отмечаются разнонаправленные демографические тенденции. Если вплоть до конца XIX в. в нем развивался процесс прироста населения, то с начала XX в. фиксируется отрицательная динамика, что можно объяснить ростом малоземелья и усиления трудовой миграции. Несмотря на сложные условия жизни и нарастание «земельного голода» большинство местных жителей продолжали сохранять традиционный образ жизни, адаптируясь к социально-экономическим изменениям, происходивших в стране. Об этом свидетельствуют данные распределения земельных наделов, хозяйственного потенциала сельских дворов, а также общее экономическое положение сельских жителей. Переход от натурального хозяйства к товарно-денежным отношениям привел к повышению трудовой мобильности и освоению местными жителями неземледельческих занятий (отхожих промыслов и торговли). Важную роль в жизни симетбашевцев играла местная мусульманская община, определявшая основные векторы культурного развития деревни. На примере истории симетбашевской махалли можно выявить особенности функционирования татарских мусульманских религиозных институтов в Закавказье, оценить изменения, происходившие внутри российской уммы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Казанской губернии. 1863 год.
2. Әхмәтҗанов М.И. Татар археографиясенә сәхифәләр. Тарих пәрделәре күтәрелгәндә: Фәнни-популяр хезмәт. Казан, 2012.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 3272.
4. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10502.
5. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10507.
6. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8.
7. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 273.
8. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 894.
9. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1894.
10. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1934.
11. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3601.
12. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4005.
13. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4007.
14. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 5087.
15. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7100.
16. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7272.
17. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8464.
18. ГА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12702.
19. ГА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2440.
20. ГА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13161.
21. ГА РТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 5992.
22. ГА РТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1198.
23. ГА РТ. Ф. 91. Оп. 6а. Д. 104.

24. ГА РТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 27.
25. ГА РТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 592.
26. ГА РТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1028.
27. ГА РТ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1310.
28. ГА РТ. Ф. 324. Оп. 740. Д. 37.
29. ГА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 90.
30. Гайнетдинов А.М. Арча районы эпиграфик истәлекләре. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2016. 456 б.
31. Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. Икенче жилд. Казан: Матбугат йорты, 2003. 719 б.
32. Естественное приращение сельского населения Казанской губернии по приходам, с обозначением племенного его состава и отношений между полами. Н.Н. Вечеслав. Т. 2. Казань, 1876. 253 с.
33. Ислаев Ф., Галлямов Р. Татарские мечети Казанского уезда середины XVIII в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. № 1. С. 302–318.
34. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Уезд Казанский. Казань: Типография «Казанского Биржевого Листка», 1887. Вып. 3.
35. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Ч. 2–1. Д. 1177.
36. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 402.
37. Сведения о числе верст от селений и посадок до губернского, уездного и заштатных городов Казанской губернии. Казань: В губернской типографии, 1876.
38. Список населенных мест Казанского уезда с кратким описанием. Составил И.А. Износков. Казань, 1885.
39. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Обработан А. Артемьевым. Санкт-Петербург, 1866.
40. Список селений Казанской губернии. Вып. 1. Казань: Лито-типография И.Н. Харитоновна, 1910.
41. Список селений Казанской губернии. Составлен К.П. Берстель. Казань, 1908.
42. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 4. Казань, 2014. С. 264–283.

Сведения об авторе: Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); halida12_61@mail.ru

**THE SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL DEVELOPMENT
OF THE TATAR VILLAGE SIMETBASH
IN THE 18th TO EARLY 20th CENTURY**

Kh.Z. Bagautdinova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
halida12_61@mail.ru*

The publication presents a retrospective analysis of the socio-cultural development of the Tatar village Simetbаш in the modern Arsk district of the Republic of Tatarstan from the 18th to early 20th century. Out-of-the-way items of information from the history of this settlement and famous inhabitants' biographies have been presented. Particular attention is paid to the study of the demographic and socio-economic situation of local residents, as well as to the features of their lifestyle and daily routine. Based on archival materials, the most important pages of the history of the local Muslim community, the mosque, and the biographies of its religious leaders have been restored.

Keywords: Simetbаш, sluzhilyye and yasak Tatars, Order, Tatars-tillers, Kazan Province, a china factory, mullahs, Zakazanye

For citation: Bagautdinova Kh.Z. The socio-economic and cultural development of the Tatar village Simetbаш in the 18th to early 20th century. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 128–139. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.128-139

REFERENCES

1. *Adres-kalendar' Kazanskoj gubernii. 1863 god* [Address-calendar of the Kazan Province. Year of 1863]. (In Russian)
2. Ahmetzyanov M.I. *Tatar arheografiyasena səhifəlyar. Tarih pyardyalıyare kutyarelgyandya: Fyanni-populyar hezmyat* [Pages of Tatar Archeography. Raising the covers of history: a popular-scientific work]. Kazan, 2012. (In Tatar)
3. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 1. Op. 3. D. 3272. (In Russian)
4. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 1. Op. 3. D. 10502 (In Russian).
5. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 1. Op. 3. D. 10507 (In Russian).
6. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 8 (In Russian).
7. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 273 (In Russian).
8. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 894 (In Russian).

9. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 1894. (In Russian)
10. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 1934. (In Russian)
11. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 3601. (In Russian)
12. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 4005. (In Russian)
13. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 4007. (In Russian)
14. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 5087. (In Russian)
15. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 7100. (In Russian)
16. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 7272. (In Russian)
17. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 8464. (In Russian)
18. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 12702. (In Russian)
19. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 3. Op. 1. D. 2440. (In Russian)
20. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 13161. (In Russian).
21. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 41. Op. 3. D. 5992. (In Russian)
22. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 41. Op. 4. D. 1198. (In Russian)
23. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 91. Op. 6a. D. 104. (In Russian)
24. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 119. Op. 1. D. 27 (In Russian).
25. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 592. (In Russian)
26. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.2. Op.2. D.1028. (In Russian)
27. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 2. Op. 2. D. 1310. (In Russian)
28. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 324. Op. 740. D. 37. (In Russian)
29. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. 359. Op. 1. D. 90. (In Russian)
30. Gajnetdinov A.M. *Archa rajony jepigrafik istəlekləre* [Epigraphic monuments of the Arsk district]. Kazan, 2016, 456p. (In Tatar)
31. Garipova F.G. *Avyllar hyam kalalar tarihyunnan* [Pages of the history of villages and cities]. Kazan, 2003, 719 б. (In Tatar)
32. *Estestvennoe prirashchenie sel'skogo naseleniya Kazanskoj gubernii po prihodam, s oboznacheniem plemennogo ego sostava i otnoshenij mezhdru polami.*

N.N. Vecheslav [The natural increment of the rural population of the Kazan province by parishes, with the designation of its tribal composition and relations between the sexes]. Kazan, 1876, vol. 2. 253 p. (In Russian)

33. Islaev F., Gallyamov R. Tatarskie mecheti Kazanskogo uezda serediny XVIII v. [Tatar mosques of the Kazan district of the middle of the 18th century]. *Gasyrlar avazy – Echo of Centuries*, 2005, no. 1, pp. 302–318. (In Russian)

34. *Materialy dlya sravnitel'noj ocenki zemel'nyh ugodij v uezdah Kazanskoj gubernii*. Vyp.3. Uezd Kazanskij [Materials for the comparative assessment of land in the counties of the Kazan Province. Kazan Uyezd]. Kazan, 1887. Issue 3. (In Russian)

35. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 350. Ch. 2–1. D. 1177. (In Russian)

36. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1355. Op. 1. D. 402. (In Russian)

37. *Svedeniya o chisle verst ot selenij i posadov do gubernskogo, uezdnogo i zashtatnyh gorodov Kazanskoj gubernii* [Data on the number of versts from villages and towns to the provincial, district and provincial cities of the Kazan Province]. Kazan, A province print shop, 1876. (In Russian)

38. *Spisok naseleennyh mest Kazanskogo uezda s kratkim opisaniem* [The list of settlements of the Kazan uyezd with a brief description]. Comp. by I.A. Iznoskov. Kazan, 1885. (In Russian)

39. *Spisok naseleennyh mest po svedeniyam 1859 g.* [The list of inhabited places according to the information of 1859]. Processed by A. Artemyev. St.Petersburg, 1866. (In Russian)

40. *Spisok selenij Kazanskoj gubernii*. Vyp. 1 [The list of villages of the Kazan Province]. Issue 1. Kazan, I.N. Haritonov's Lito-tipography, 1910. (In Russian)

41. *Spisok selenij Kazanskoj gubernii* [The list of villages in the Kazan Province]. Compiled by K.P. Berstel. Kazan, 1908. (In Russian)

42. Chernyshev E.I. Seleniya Kazanskogo hanstva (po piscovym knigam) [The villages of the Kazan Khanate (according to scribe books)]. *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya*. Sb. statej. Vyp. 4 [Historical fates of the peoples of the Volga and Ural regions. A collection of articles. Issue 4]. Kazan, 2014, pp. 264–283. (In Russian)

About the author: Khalida Z. Bagautdinova is a Research Fellow, Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); halida12_61@mail.ru

**ТАТАРСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО И СИСТЕМА
НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

А.Н. Расулов

*Наманганский государственный университет
Наманган, Республика Узбекистан
ikgulatov@mail.ru*

А.А. Исокбоев

*Наманганский государственный университет
Наманган, Республика Узбекистан
ikgulatov@mail.ru*

Конец XIX – начало XX вв. для тюрко-мусульманских народов Российской империи отмечены распространением джадидизма и эпохи Возрождения. В Туркестане это время активной пропаганды татарскими просветителями идей джадидизма и открытия здесь новометодных школ. Данный процесс создавал угрозу русско-туземным и старометодным (*кадимчи*) школам. Деятельность татарских просветителей в Туркестанском крае вызывала серьезную обеспокоенность у колониальной администрации. В результате предпринятых ею мер к началу второго десятилетия XX в. произошло закрытие джадидских школ, в которых работали татарские просветители. В сохранившихся учебных заведениях с преподавателями из числа татар обучались только татарские дети.

Ключевые слова: Туркестан, джадидизм, народы, просвещение, татары, учителя, дети

Для цитирования: Расулов А.Н., Исокбоев А.А. Татарское просветительство и система национального образования в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 140–150. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.140-150

Конец XIX – начало XX вв. оставили значительный след в жизни тюрко-мусульманских народов, проживавших на территории Российской империи. Это время активного распространения татарами-просветителями идей просвещения в Туркестане.

Расулов А.Н., Исокбоев А.А. Татарское просветительство и система национального образования в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.)

Согласно архивным источникам, хранящимся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, в Туркестане в 90-е гг. XIX в. была открыта одна школа, в которой преподавали учителя из числа татар. Ими велась большая работа по обучению детей местного населения. По секретным сведениям 1897 г. известно, что школы, открываемые татарскими педагогами в областях Туркестана, работали без разрешения правительства. 22 декабря 1897 г. Управление учебных заведений Туркестана направило специальное письмо военным губернаторам областей с просьбой дать подробные сведения о татарских учителях, действующих в их регионах [7, л. 1–1 об.]. По их данным выявлено, что в Туркестанской области действовало 15 школ, открытых татарами-просветителями (табл.). Обучение в таких учебных заведениях стоило от 10–20 копеек до 8 рублей в месяц. В некоторых регионах оплата проводилась натурой по взаимному соглашению, иногда она вносилась татарскими общинами или богатыми людьми.

Таблица

Школы, организованные учителями-татарами на территории Туркестанского генерал-губернаторства (1897 г.) [7, л. 1–18]

Место школы	Количество школ	Количество учеников	Имя основателя
г.Ташкент	2	40–50	Мирмухаммад Ахтамов
		10	Зайнутдин Шафирахутдинов
г.Туркистан	1	40	Исхоқ Курамшев
город Аулие ата	2	20	Одил Файзирахмонов
		15	Тарифабина Файзирахмонова
Аулиеатинский уезд, селение Бешагач	2	18	Мухаммад Карим Феизов
		10	Розия Даутова
г.Перовск	3	35	Музаффар Мустафин
		15	Гафия Хисматуллина
		15	Менглижамол Шигабутдинова
г.Казалинск	1	65	Исмоил Хусаинов
г.Петро-Александровск	1	38	Кашазан Сайдалуев
г.Коканд	1	7	Мухаммадшокир Сулаймонов
г.Наманган	2	19	Қорабой Баширов
		110	Иззатулла кори Тахмуллабоев
Всего	15	467	

Главный инспектор учебных заведений Туркестанского края Ф. Керенский на заседании управления генерал-губернатора 12 октября 1899 г. выступил с речью по вопросу о местных татарских преподавателях. В своем выступлении он упомянул, что все русские и нерусские школы должны быть подчинены Главному управлению учебных заведений Туркестанской

области. А новые могут быть открыты только с его разрешения, т.е. так, как это указано в статье 89 части XI первой редакции Положения «Об управлении Туркестанским краем». По мнению Керенского, до 1897 г. деятельность мусульманских и еврейских школ в крае находилась под контролем, но данных о деятельности татарских учителей не получено. 22 декабря 1897 г. впервые в сведениях, направленных через областных военных губернаторов, губернатору Туркестанского генерал-губернаторства барону А.Б. Вревскому, упомянуто, что татары совместно со своими детьми обучают узбекских, таджикских и киргизских детей. Ф. Керенский заявил, что деятельность татарских учителей должна серьезно контролироваться и что обучение не может быть продолжено [7, л. 28–29]. Выступив с таким заявлением главный инспектор учебных заведений Туркестанской области передал свои замечания губернатору Туркестана генералу-инфантерии С.М. Духовскому. Прочитав материалы дела, Духовский поставил резолюцию: «... принять немедленные меры. Если по какой-то причине произойдет нарушение закона, то входите в мое присутствие отдельно» [7, л. 45–46]. В отчете 1899 г. генерал-губернатора Туркестана С.М. Духовского «Ислам в Туркестане» была выдвинута идея о сближении христиан с мусульманами в Туркестанском крае. В нем были затронуты и татары. В частности, говорилось о том, что в школах Туркестана татарские и другие иностранные учителя должны быть немедленно замены русскими учителями. Для кочевых киргизов (казахов) и других этнических групп, распространяющих чуждые идеи, был наложен штраф в размере 500 рублей [15, л. 10].

Несмотря на запреты, татары из Токмака в 1887 г. основали джадидскую школу возле своей мечети. В 1900 г. для нее было построено новое здание. Это произошло благодаря поддержке богатых татар – Абдуллы Сафиуллина, Содика Милушева, Садыка Рахимова, Мухаммедали Абубакирова и Гали Токтарова. С этого года преподавание в школе началось по новому методу. В ней из числа татар преподавали Мухаммадзокир Абдулвагапов, Нургалий Мамин, Абдусобир Абдулманов, а из башкир Муса Смаков [18, л. 47–47 об.].

Татарские учителя работали не только в Туркестанском губернаторстве, но и в полуколониальном Хивинском ханстве. Первая новая школа в ханстве была основана в 1889 г. Абдулгани Хусаиновым из Оренбурга [5, 72 б.]. В 1891 г. по инициативе просвещенного поэта Комила Хорезми открылась еще одна школа джадидов. В ней работали учителя-татары из Казани. Хивинский хан Мухаммед Рахимхон II, который был знаком с деятельностью этого учебного заведения, перевел в нее своего сына Асфандиярхана. Школа обеспечивалась за счет государственного бюджета и получала необходимое оборудование, школьные принадлежности. В ней учились Саид Исламходжа, Юсуфбекбек Байоний, Мухаммед Расул Мирзо, Ахмад Табиби и Аваз Отар уулу. В 1898 г. в Хиве оренбургские учителя Махмуд Вафо и Абдурахман Эфенди открыли новую джадидскую школу.

лу. Но под давлением фанатичного духовенства им пришлось уехать в Ургенч и открыть там другую школу [4, 82–83 б].

Просветительская деятельность татар на территории Туркестанского края зафиксирована и в период управления первого губернатора Туркестана К.П. фон Кауфмана (1867–1882). Зная, что татарское движение могло создать определенную угрозу целостности Российской империи, он отмечал, что «В любом случае, татарам было бы вредно общаться с киргизами (казахи – прим. авт.)». Я бы предпочел увидеть реакционеров так называемой «матери ислама» Бухары, так как татары опаснее чем реакционеры» [9, л. 1–1 об.]. Такое «отрицательное» влияние татар на казахов прозвучало и в обращении областного суда Туркестана к главе Шымкентского уезда 13 августа 1899 г. В документе говорится, что Камал Махзум Замалиддинов, татарин, живет в деревне Созак и имеет около 2000 мюридов вокруг Туркестана. Он известен как святой Камал Махзум и оказывает сильное влияние на казахов, проживающих в Акмолинской области [8, л. 12–12 об.].

Итак, основы первых джадидских школ в Туркестане, как и в других частях Российской империи, были заложены татарами [20, 41 б.]. Признание достижений учебных заведений, открытых усилиями татарских учителей, представляло серьезную угрозу «будущему» русско-туземных и старометодных школ. Попытки колониальной администрации защитить население Туркестана от влияния учителей-татар не остановили этот естественный процесс. Это проявилось в том, что к началу XX в. деятельность татарских просветителей в Туркестане стала еще шире. В 1900 г. татарским просветителем Шоагзамом Кадыровым была открыта первая джадидская школа в Андижане. Он жил в Коканде, женился на богатой узбечке и занимался бизнесом. По его мнению, в других частях Ферганской области наблюдался резкий рост новометодных школ [10, л. 179].

Появление первой школы джадидов в Ташкенте также связано с работой учителей из числа татар. В середине марта 1900 г. Наби-мулла, татарский учитель, живший в окрестностях Тукли в районе Кошмозора, стал первым, кто открыл новометодную школу. В то время этот метод еще не был широко известен и его называли «чтение вслух».

Активизация татарских просветителей в Туркестанском крае, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве в культурной, политической и политической сферах вызывала серьезную обеспокоенность у колониальной администрации. В связи с этим 5 февраля 1909 г. из кабинета генерал-губернатора Туркестана было отправлено письмо военным губернаторам, начальникам районов, руководителю Амударьинского отделения и политического агентства в Бухаре. В нем военным властям было предложено предоставить информацию о занятиях татар в подчиненных им районах, об их отношениях с местным населением и о процессе создания новых школ [11, л. 8]. Согласно запросу, проведенному городской полицией Самарканда выявлено, что татарскими просветителями с разрешения военного губернатора области были открыты новометодные школы. Первая по-

явилась в 1907 г. в Кошовузе благодаря усилиям муллы Абдукадырова, а вторая – в 1909 г. в Рухабаде при помощи Наима Шукурлаева. Местным жителям предлагали 1–2 рубля в месяц, а в учебную программу входили история, география, арифметика и другие светские предметы [11, л. 8–8 об.]. По мнению сотрудника Самаркандской областной службы образования от 25 марта 1910 г. новая школа для татарских детей в Каттакургане была открыта с разрешения правительства за счет местной богатой женщины-татарки, чье имя и фамилия не известны. Обучение в ней велось на татарском языке. Учебники по основным светским предметам были написаны татарскими авторами, изданы в Казани, Уфе и Оренбурге [11, л. 69–69 об., 70]. Ходжи Муин, посетивший Каттакурган в октябре 1917 г., отметил, что школа все еще работает [6, 71 б.].

К 10 июня 1909 г. число новых татарских школ, созданных татарской общиной, составило в Намангане – три, Андижане – пять, Коканде – 12. Учебная программа в них включала в себя предметы «Муаллими аввал», «Муаллими соний», «Коран», «Мубтахили жунон», «Махрумат уд-дин», «Забур», «Жугрофия», «Ибодати исломия». В некоторых школах изучались «Мухаммадия» и «Комус». В учебных заведениях имелись карты Азии, глобусы, письменные столы, доски, портреты императора Николая II. Стоимость обучения варьировалась от 50 копеек до 3 рублей в месяц в зависимости от финансового состояния родителей. Некоторые дети из неблагополучных семей обучались бесплатно [10, л. 179].

К этому времени новометодные школы начали конкурировать не только с российской системой образования, но и с местными старыми школами. Например, количество учеников в двух русско-туземных школах в городе Бешкабок в Коканде не превышало 150, а в одной только школе С. Мазитова обучалось около 200 учеников. Грамотность в таких учебных заведениях достигла такого уровня, что некоторые закончившие их ученики открывали свои собственные школы. Одна такая была основана Ахмаджоном Кори Мамаджон углы из Коканда [10, л. 179 об.].

Стоит отметить деятельность Салаахитдина Серазетдиновича Мазитова, основателя первой Джадидской школы в Коканде. Приехав в 1899 г. из Буинска Симбирской губернии, он обучил сына Алиаскара Сутушева, агента татарского купца. Сутушев оценивал достижения С. Мазитова в течение месяца, а потом, признав его педагогические навыки, решил открыть новометодную школу по согласованию с А. Хусаиновым. Так, 11 февраля 1900 г. в Коканде открывается первая джадидская школа. Через полгода на экзамене присутствовали местные узбеки. Тот факт, что 8–9-летние дети могли читать, считать, понимать географию и историю, а также интерпретировать и свободно читать Коран, стало для них приятной неожиданностью. После экзамена количество школьников резко возросло. Слава школы распространилась по всему Кокандскому уезду. Мазитов обучал днем более ста детей, а ночью мужчин. Когда ученики стали не вмещаться в школу, один из самых богатых людей в Коканде Мирзо Умар

Хаджи открыл в районе новую школу и пригласил преподавать в ней С. Мазитова [4, 19 б.].

Татарский просветитель С. Мазитов сыграл большую роль в вовлечении в просветительское движение первого известного узбекского джадида Абдукадира Шакури. Он стал одним из первых основателей джадидской школы. Зимой 1901 г. А. Шакури впервые познакомился с газетой «Таржиман», которую держал в руках татарский часовщик по имени мулла Бахриддин. Заинтересовавшийся новометодной школой джадидов, известной своей работой в Коканде, А. Шакурий в 1903 г. приехал к С. Мазитову, у которого он изучил методы преподавания. В этом же году он открыл собственную школу. Для ее совершенствования А. Шакурий регулярно следил за журналами И. Гапринского «Таржиман», Ф. Каримова «Вакт» и Р.Фахредина «Шура». Он повысил свою квалификацию, путешествуя по Казани в 1906 г., а также по Крыму и Турции в 1911 г. [4, 44–45 б.]. В числе контактов местного населения с преподавателями из числа татар отметим тесное сотрудничество Махмудходжа Бехбуди и татарского учителя Закиржона Алихонова, который приехал в Самарканд в 1906 г. [6, 23 б.].

7 января 1910 г. в письме главы Кокандского уезда в Департамент Ферганской области сообщалось о нескольких основателях школ, открытых педагогами-татарами в Коканде.

1. Салахитдин Мазитов приехал из Буинска Симбирской губернии в 1899 г. Окончил медресе. Уже десять лет преподает в махалле Катгон, района Мир Аюббой. В школе обучается 150 учеников.

2. Хабибулла Усманович Донской приехал из Инсарского уезда Пензенской губернии в 1901 г. Окончил медресе «Фарибия» в Бухаре и «Шайх Исло» в Коканде. Преподавал в Маргиланской махалле семь лет. В школе обучается 120 учеников.

3. Ариф Шакирович Клевлеев приехал из Елатомского уезда Тамбовской губернии в 1904 г. Окончил местную школу в селе Бастаново в Елатомском уезде. Преподавал в Ходжандской махалле семь лет. В школе 90 учеников.

4. Мухаммаджон Абдухаликов. Его семья переехала в Коканд в 1876 г., а сам он родился здесь. Образование получил в Коканде в медресе Пирмат Джасул, где преподавал его отец. За шесть месяцев в районе Гальчасай обучил 50 учеников.

5. Шокир Мухторов приехал из Буинска Симбирской губернии в 1906 г. Окончил медресе Карвонсарай в Оренбурге. В течение двух лет в махалле Исфара Гузар обучил 40 студентов.

6. Билал Шарипович Байбеков из Сызранского уезда Симбирской губернии приехал в Коканд в 1907 г. Окончил татарскую школу в Казани.

7. Саид Афанди Агакши угли прибыл в Коканд из Кубликского уезда Бакинской губернии в конце 1910 г.

Обучение в перечисленных школах было платным и стоило от одного до пяти рублей в месяц. Все учебные заведения были открыты без разрешения местной школьной инспекции [13, л. 7–7 об.].

Важную роль в культурной жизни Ферганской области и в частности Наманганского уезда сыграли татарский просветитель Хусаин Зайнутдинович Макаев и его жена Фатима Макаева. Х. Макаев родился в селе Новая Кулатка Хвалинского района Саратовской губернии, но был вынужден покинуть родину в 1904 г. в результате преследования фанатичных татарских священнослужителей [3, 53 б.]. В этом же году он прибывает в столицу Ферганской области Маргилан и запрашивает разрешение у регионального учебного заведения на открытие новометодной школы. Его обращение было рассмотрено лично главным инспектором государственных школ Туркестана Ф. Керенским, который категорически отклонил заявление Г. Макаева, сославшись на выводы 1898 г. (о том, что татары открыли несанкционированную школу в Туркестане) [12, л. 26–27 об.]. Позже Макаев приехал в Наманган, чтобы обучать узбекских и татарских детей.

Школа была открыта и при мечети села Катагон Туракурганского района Наманганского района. Ее основатель – Зохидом Наджимовым. В этом учебном заведении ученики изучали русский язык в дополнении к родному языку, арифметике и Корану. Обучение длилось от двух до шести месяцев с определением знаний учащихся на выпускном экзамене. Студенты, успешно сдавшие экзамен, получали специальный сертификат. З. Наджимов содействовал просвещению местного населения [1, с. 114]. По сведениям от 24 января 1914 г., татарский учитель из города Бугуруслан Шафик Хабибуллин преподавал в джадидской школе урок по новому методу, основанной Мунавваром Кари Абдурашидхановым в Ташкенте [16, л. 5–6]. По данным на 25 февраля того же года, татарский учитель Халил Асадуллин, окончивший медресе «Галия» в доме узбека Тулаганбая в Зангиотинской волости Ташкентского уезда, жил в его доме и учил самого бая и его старших сыновей по новому методу [16, л. 13–14].

Фактором, способствовавшим эффективному функционированию татарской общины в Туркестане, стала продажа книг и учебников, издаваемых казанскими, уфимскими и оренбургскими издательствами. По сообщениям шпиона по кличке «Нозим» от 16 апреля 1912 г., книжный магазин, открытый Каримом Хусейном при татарской школе на воскресном базаре в Ташкенте, торговал учебниками и литературой только на татарском языке [14, л. 136].

Велико было и значение медресе Казани, Уфы и Оренбурга. Его под черкнул известный просветитель Средней Азии Махмудходжа Бехбуди, отметивший, что для развития «современного народа» необходимо посылать учеников в Оренбург и Казань [19, 19 б.]. Однако, после перевода обучения в медресе «Мухаммадия» в Казани, «Галия» в Уфе и «Хусайния» в Оренбурге на новый метод, их статус повысился и в результате количество прибывших из Казанской губернии в медресе Бухары уменьшилось

[17, л. 337 об.]. В то время многие молодые люди из Туркестанского края, Бухарского эмирата и Хивинского ханства стремились учиться в медресе «Галия», «Осмония», «Хусайния» в Оренбурге и «Мухаммади» в Казани, что давало им образование по-новому [2, с. 19]. Только за период с 1906 по 1916 г. 224 студента из Туркестана и Кавказа обучались в медресе «Галия» [22, 50 б.].

В воспоминаниях С. Айни приводятся сведения о том, что татары, проживавшие в Бухаре, открыли новометодную школу в 1907 г. Когда представители местного населения быстро поняли преимущества таких школ, они начали направлять сюда своих детей для обучения. Сам С. Айний подчеркивал, что он «... в татарской школе проработал полгода и набрался опыта» [21, с. 171]. В 1908 г. С. Айний, А. Мунзим и А. Хамдиц, познакомившись с методами обучения, порядком проведения занятий, учебниками из школы татарского учителя Халида Бурнашева, работавшего в Бухаре, основали собственные школы по новому методу обучения [4, 68 б.].

В ноябре 1904 г. по указу хивинского хана Мухаммада Рахимхана II в Ургенче открывается новометодная школа. Приглашенный из Казани Хусейн Кушаев начал преподавать в ней. В 1906 г. по просьбе родителей Х. Кушаев организовал в Ургенче новометодную школу для девочек. В ней его жена Комила Кушаева начала свою педагогическую деятельность. Мухаммад Рахимхон II был доволен эффективной воспитательной работой в школе. За это он одел Кушаева с головы до ног, и наградил его, оказав материальную помощь школе из казны.

В начале 1907 г. наследник Асфандиярхан пригласил из медресе «Барундий» в Казани двух учителей и спонсировал создание новометодных школ «Мактаби махрамий» и «Мактаби жадида» в городе Хива. На экзамене, состоявшемся 28 мая того же года, присутствовали наследник хана Асфандиярхан, девонбеги, казий, преподаватели и муфтий. Участники совещания, вдохновленные результатами экзамена, приняли решение открыть еще две такие школы в городах Хива и Ургенч, а также пригласить учителей из Казани. После восшествия на престол Асфандиярхана татарский учитель Мухтар Бакир воспитал около 20 детей из ханской семьи. В это время из Казани были вызваны еще два учителя и проведена работа по обучению детей простого народа. В эти годы в доме главного визиря Хивинского ханства Исламхожа жил татарский педагог Абдурашитов, который учил его детей [4, 83–85 б.; 5, 75 б.].

Создание школ в Туркестанском крае татарскими учителями и воспитание ими детей местного населения колониальной администрацией были оценены как серьезная опасность. Поэтому согласно постановлению отдела учебных заведений Туркестана № 844 от 25 января 1912 г. открытие начальных новометодных учебных заведений должно было проводиться только с разрешения инспекции народных учебных заведений. Кроме того, указано, что учителя в школах должны принадлежать к той же нации, что и ученики [18, л. 27–27 об.]. Это стало одним из главных шагов по ограни-

чению деятельности учителей из числа татар. Так к началу второго десятилетия XX в. образование детей местного населения татарскими учителями в Туркестанском крае было практически ликвидировано. В школах, в которых работали педагоги-татары, обучались только татарские дети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX в.: (Этнокульт. процессы). Ташкент: Фан, 1991. 127 с.
2. Гулям Г. Габдулла Тукай и наш поэт // Слово о Тукае. Казань: Татарское книжное издательство, 1986. С. 18–22.
3. Долимов У. Исҳоқхон Ибрат. Т.: Шарк, 1994. 144 б.
4. Долимов У. Туркистонда жадид мактаблари. Т.: Университет, 2006. 126 с.
5. Қаюмов М.У. XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошида Хива хонлигидаги ижтимоий-сиёсий жараёнлар: Тарих фан. номз. ... дисс. Т., 2006.
6. Муин Ҳ. Каттакўрғон хотиралари // Танланган асарлар. Т.: Маънавият, 2005. 129 с.
7. Национальный архив Республики Узбекистана (НА РУз) Ф. И.–17. Оп. 1. Д. 15374.
8. НА РУз, Ф. И.–1. Оп. 18. Д. 29.
9. НА РУз, Ф. И.–1. Оп. 27. Д. 10^А.
10. НА РУз, Ф. И.–1. Оп. 31. Д. 540.
11. НА РУз, Ф. И.–1. Оп. 31. Д. 782.
12. НА РУз, Ф. И.–19. Оп. 1. Д. 14191.
13. НА РУз, Ф. И.–19. Оп. 1. Д. 35019.
14. НА РУз, Ф. И.–461. Оп. 1. Д. 1168.
15. НА РУз, Ф. И.–461. Оп. 1. Д. 1260.
16. НА РУз, Ф. И.–461. Оп. 1. Д. 1470.
17. НА РУз, Ф. И.–461. Оп. 1.
18. НА РУз, Ф. И.–47. Оп. 1. Д. 1149.
19. Ойна. (1914–1915-й.). Тошкент: Академия, 2001. 78 с.
20. Ризаев Ш. Жадид драмаси. Т.: Шарк, 1997. 320 с.
21. Турдиев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значение в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С. 169–190.
22. Ҳайдаров М., Расулов А. Фарғона водийсида татарлар // Тарих ва тақдир: Фарғона водийси тарихини тадқиқ этиш муаммолари. 2-китоб. Наманган, 2002. С. 48–50.

Сведения об авторах:

Расулов Абдулла Нуриддинович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Наманганского государственного университета (716019, ул. Уйчи, 316, Наманган, Республика Узбекистан); ikgulamov@mail.ru

Исоқбоев Алишер Ахмаджонович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Наманганского государственного университета (716019, ул. Уйчи, 316, Наманган, Республика Узбекистан); ikgulamov@mail.ru

Расулов А.Н., Исокбоев А.А. Татарское просветительство и система национального образования в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.)

TATAR ENLIGHTENMENT AND THE SYSTEM OF NATIONAL EDUCATION IN TURKESTAN (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)

A.N. Rasulov

*Namangan State University
Namangan, Republic of Uzbekistan
ikgulamov@mail.ru*

A.A. Isokboev

*Namangan State University
Namangan, Republic of Uzbekistan
ikgulamov@mail.ru*

Late 19th – early 20th centuries left a significant mark on the life of the Turkic-Muslim peoples who lived in the territory of the Russian Empire with a wide spread of the enlightenment movement. Simultaneously, Tatar enlighteners conducted a huge historical activity for the development of local education in Turkestan. However, by the beginning of the second decade of the twentieth century, the education of local children by Tatar teachers in the Turkestan region was almost eliminated. In the existing schools, where Tatar teachers worked, only Tatar children were taught.

Keywords: Turkestan, peoples, education, Tatars, teachers, children

For citation: Rasulov A.N., Isokboev A.A. Tatar enlightenment and the system of national education in Turkestan (late XIX – early XX centuries). *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 140–150. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.140-150

REFERENCES

1. Gubaeva S. *Naselenie Ferganskoy doliny* [The population of Fergana Valley]. Tashkent, Fan Publ., 1991. 127 p. (In Russian)
2. Gulyam G. *Gabdulla Tukai i nash poet* [Gabdulla Tukai is our poet too]. *Slovo o Tukae* [The tale of Tukai]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1986, pp. 18–22. (In Russian)
3. Dolimov U. *Ishoqkhon Ibrat* [Isaak Ibrat]. Tashkent, Sharq Publ., 1994. 144 p. (In Uzbek)
4. Dolimov U. *Turkistonda jadid maktablari* [Jadidi schools in Turkestan]. Tashkent, Universitet Publ., 2006. 126 p. (In Uzbek)
5. Qayumov M.U. *XIX asr ikkinchi yarmi KhKh asr boshida Khiva khonligidagi ijtimoiy-siyosiy jarayonlar. Tarikh fan. nomz. diss* [Social-political processes if the Khivin house in the second half of the 19th – early 20th centuries. Cand. hist. sci. diss]. Tashkent, 2006. (In Uzbek)
6. Muin H. *Kattaqurgon hotiralari* [Memories of Kattakurgan]. *Tanlangan asarlar* [Selected works]. Tashkent, Manaviyat Publ., 2005. (In Uzbek)

7. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–17. Op. 1. D. 15374.
8. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–1. Op. 18. D. 29.
9. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–1. Op. 27. D. 10A.
10. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–1. Op. 31. D. 540.
11. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–1. Op. 31. D. 782.
12. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–19. Op. 1. D. 14191.
13. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–19. Op. 1. D. 35019.
14. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–461. Op. 1. D. 1168.
15. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–461. Op. 1. D. 1260.
16. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–461. Op. 1. D. 1470.
17. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–461. Op. 1.
18. Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan (The National archive of the Republic of Uzbekistan]. F. I.–47. Op. 1. D. 1149.
19. *Oyina* [Mirror]. (1914–1915). Toshkent, Akademiya, 2001. 78 p. (In Uzbek)
20. Rizaev Sh. *Jadid dramasi* [Jadid drama]. Tashkent, Sharq Publ., 1997. 320 p. (In Russian)
21. Turdiev Sh. Sredneaziatskie tatory: rol' i znachenie v kulturnoy i politicheskoj jizni Turkestana pervoy chetverti XX v. [Central Asian Tatars: the role and significance in the cultural and political life of Turkestan in the first quarter of the 20th century]. *Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost* [Islam in the Tatar world: History and contemporary times]. Kazan, 1997, pp. 169–190. (In Russian)
22. Haydarov M., Rasulov A. Fargona vodiysida tatarlar [Tatars in Fergana Valley]. *Tarih va taqdir: Fargona vodiysi tarhini tadqiq etish muammolari. 2-kitob* [History and fate: Problems of studying the history of Fergana Valley. 2 volumes]. Namangan, 2002, pp. 48–50. (In Uzbek)

About the authors:

Abdulla N. Rasulov is a Doctor of Science (History), Professor of the Department of History of Namangan State University (316, Uychi St., Namangan 716019, Republic of Uzbekistan); ikgulamov@mail.ru

Alisher A. Isokboev is a Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History of Namangan State University (316, Uychi St., Namangan 716019, Republic of Uzbekistan); ikgulamov@mail.ru

Документы

УДК 929

DOI: 10.22378/he.2020-5-1.151-179

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ. ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ СОВЕТНИКА ТУРГАЙСКОГО ОБЛАСТНОГО ПРАВЛЕНИЯ СУЛЕЙМАНА БАТЫРШИНА

И.М. Самигулин

*РГУ «Центральный Государственный архив»
Министерства культуры и спорта Республики Казахстан
Алматы, Республика Казахстан
cga_rk@mail.ru*

Вниманию читателей представляется публикация подборки архивных документов из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы) и Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург) о взлетах и падениях служебной карьеры татарина, происхождением из дворян Оренбургской губернии, толмаче Сулеймане Алюковиче Батыршине. Ему Оренбургской пограничной комиссией поручались сложные и ответственные задания. В частности, он в 1856 г. сопровождал депутацию казахов Внутренней орды в Москву для участия в коронации императора Александра II, в 1858 г. был участником военно-дипломатической миссии флигель-адъютанта Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару, а в 1865–1866 гг. занимал должность султана-правителя Западной части области оренбургских казахов. За свою усердную службу С.А. Батыршин был награжден орденами Святой Анны и Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, денежными премиями. В 1869 г. определен советником Тургайского областного правления, позднее был оклеветан, впал в немилость своего начальства, уволен со службы и без суда и следствия сослан в Архангельскую губернию под строгий надзор полиции.

Ключевые слова: татары, толмачи, восстание, Есет Кутебаров, архивные документы

Для цитирования: Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 151–179. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.151-179

В фондах Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург) сохранилась фотография, выполненная в 1858 г., на которой запечатлен переводчик Сулейман Алюкович Батыршин (рис. 1). Автор фотоснимка подпоручик ар-

тиллерии А.С. Муренко (ФА. Q 211/1)¹. Оба они входили в состав военно-дипломатической миссии флигель-адъютанта Н.П. Игнатьева², следовавшей из г.Оренбурга через Казахскую степь в Хиву и Бухару. С.А. Батыршин по предложению оренбургского и самарского генерал-губернатора 20 апреля 1858 г. был назначен драгоманом, т. е. переводчиком восточных языков при этом посольстве. «На фотографиях, помимо названных сооружений, запечатлены исторические личности, такие, как известный во всей Зауральской степи батыр казах Есет Кутебаров (ФА, отп. Q 211/10)³ и министр Двора хивинского хана узбек Якши-Мурат; представители разных национальностей из числа местного населения (казах-мулла, персиянин, хивинский солдат, русские пленные), предметы быта, одежда середины XIX в., что в настоящее время позволяет считать вклад миссии в востоковедческую проблематику более весомым, чем предполагал В.В. Бартольд. Тем более что

¹ Муренко Антон Степанович (1837–1875) – прапорщик, фотограф. В 1856 г. был прикомандирован в Фотографическое отделение при Военно-топографическом департаменте Генерального штаба Военного министерства для теоретического и практического изучения светописи под руководством капитана Н.Г. Писаревского. В 1861 г. вышел в отставку и открыл в г.Саратове фотоателье. На Нижегородской ярмарке у него был собственный «фотографный балаган». А.С. Муренко выпустил несколько альбомов своих нижегородских фотоснимков и видов городов Самары и Симбирска [2, 5].

² Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) – генерал-адъютант, российский государственный деятель, русский посланник в Пекине (1859–1860), посол в Константинополе (1864–01877), министр внутренних дел (1881–1882).

³ Есет Кутебаров (1807 – после 1883) – батыр, бий рода шекты Младшего жуза, сын батыра Кутебара Басянова, убитого в 1833 г. казахами рода жагалбайлы. В связи с отказом предоставить верблюдов для доставки грузов русского военного отряда, направленного для штурма кокандской крепости Ак-Мечеть, против Есета были брошены войска, которым в 1853–1854 гг. не удалось захватить его. 8 июля 1855 г. отряд Есета Кутебарова внезапно напал на лагерь правителя Средней части оренбургских казахов султана Араслана Джантюрина при урочище Сууксу и полностью разгромил его. Тогда были убиты султан-правитель Араслан Джантюрин, два начальника дистанций, несколько биев и старшин (до 10 человек). Военные экспедиции, направленные в 1855–1857 гг. для поимки Есета, не принесли никаких результатов. Летом 1858 г. во время инспекционной поездки оренбургского и самарского генерал-губернатора А.А. Катенина Есет явился с повинной в его лагерь, расположенный на р. Эмба и получили прощение. В 1859 г. Есет в составе казахской депутации ездил в Санкт-Петербург и был представлен императору Александру II. По возвращении оттуда Есету поручили охрану южной части Младшего жуза от вторжения туркменских и хивинских отрядов, в 1861 г. – назначен управляющим отделения кабак рода шекты, а в 1869 г. – младшим помощником начальника Иргизского уезда. В 1873 г. принимал участие в Хивинском походе, за что был награжден золотой медалью, в 1879 г. уволен от должности. Зимой 1880 г. в результате гибели всего своего скота, остался без средств к существованию. По ходатайству тургайского военного губернатора в 1883 г. Есету назначена пенсия 300 рублей в год [3. с. 575–576].

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

практически это были первые фотографии, происходящие из данного региона, и первое посольство, использовавшее фотографию для демонстрации своих результатов» [1, с. 36.] (рис. 2).

Рис. 1. Толмач Сулейман Алюкович Батыршин. 1858 г.
Фото А.С.Муренко.
ФА НА ИИМК РАН. Q 211/1

Рис. 2. Есет Котебаров (1807 – после 1883) – батыр, бий рода *шекты* Младшего жуза. Фото А.С.Муренко.
ФА НА ИИМК РАН. Q 211/10

На должности толмачей и переводчиков региональных пограничных администраций привлекались главным образом представители татарской знати из потомственных дворян или мурз, обладающие определенной ловкостью, сообразительностью и изобретательностью, так как их часто использовали в качестве разведчиков для получения информации о том, что происходит в отдаленных уголках Казахской степи, а также и в сопредельных среднеазиатских ханствах. От них требовалось знание не только местных тюркских наречий, но и восточных языков. В XVIII–XIX вв. образовались целые династии татарских переводчиков и толмачей, среди которых были Сулейман и Искандер Батыршины [7, с. 125–126, 137].

Сулейман Алюкович Батыршин после окончания Неплюевского военного училища начал свою карьеру в Оренбургской пограничной комиссии в качестве толмача. Его знания и способности получили высокую

оценку руководства Комиссии. Батыршину стали поручать сложные и ответственные задания. В 1856 г. по распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора он сопровождал депутацию казахов Внутренней орды в Москву для участия в коронации императора Александра II, в 1857 г. – в качестве пристава сопровождал бухарское посольство в г. Санкт-Петербург, с 1 ноября 1865 по 13 марта 1866 гг. занимал должность султана-правителя Западной части области оренбургских казахов, в 1866 г. входил в состав комиссии по распределению земли вдоль левого берега р. Урал между уральскими казаками и казахами, 22 января 1869 г. определен советником Тургайского областного правления. Находясь на этой должности, он был оклеветан муллою Курманом перед военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзекон и без суда и следствия сослан «под строгий полицейский надзор» сначала в Уфимскую, а затем в Архангельскую губернии, где пробыл 5 лет. Позднее он получил прощение и право на государственную службу и проживал в г. Ташкенте, продолжал свою служебную деятельность в городской управе.

Биографические сведения, служебная карьера Сулеймана Батыршина отражены в публикуемых ниже послужном списке надворного советника (рис. 3), советника Тургайского областного правления, деловой переписке между Тургайским областным правлением, оренбургским генерал-губернатором и Министерством внутренних дел. Также публикуются отрывки из статьи Н.А. Середы⁴, посвященной волнениям казахов 1869 г. в связи с введением «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей» от 21 октября 1868 г., в соответствии с которым на территории Области оренбургских киргизов были образованы Тургайская и Уральская области (1891), и исторический очерк А.И. Добросмыслова о Тургайской области (1902). Все документы содержат интересные сведения о С.А. Батыршине.

Документы и материалы публикуются в хронологической последовательности, в соответствии с правилами публикации архивных документов с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинников. Звездочками обозначены авторские комментарии источника публикации.

Автор выражает благодарность археографу Б.Т. Жанаеву за помощь и ценные замечания в ходе подготовки документов и материалов к изданию.

⁴ Середина Николай Акимович (1840–1915) – общественный деятель, почетный гражданин г. Оренбурга, в 1859 г. закончил Неплюевский кадетский корпус, в 1875–1901 гг. городской голова г. Оренбурга, действительный член Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества, в 1911–1914 гг. – действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии. Автор ряда исследований, посвященных истории г. Оренбурга, в том числе «Бунт киргизского султана Кенисары Касымова» (1870–1871).

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.
Чинъ, имя, отчество и фамилия, должность, званія отъ роду, вероисповѣданіе, знаки отличія и получаемое содержаніе.	Изъ какого званія происходилъ.	Есть ли выѣзды: У него самого и у родителей.		У жены, будучи вѣнчанъ.		Гдѣ получалъ воспитаніе и окончилъ ли онъ какое-нибудь курсъ науки, когда въ какомъ вѣстунствѣ, казеннъ чиновн., въ какомъ должностяхъ и гдѣ проходилъ службу; не было ли у него какихъ особенныхъ по службѣ дѣланій или отличій; не были ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награжденъ, и въ какое время; сверхъ того, если находилъ поводъ судить или казенно, то каковы были оправданія и признаны вѣнчанья; то каковы и за что именно были отданы оному и чѣмъ дано окончено?
		Родовое.	Благороднѣе.	Родовое.	Благороднѣе.	
Надворный советникъ Сулейманъ Аюкоковичъ Батыршинъ. Секретарь Тургайской Епархіальной Правленія. Серебряный орденъ св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 2-го ст. за копейки и 5 ст. и св. Станислава 2-й ст. и знакъ отличія императорской службы за 27 летъ.	Изъ казеннаго званія происходилъ.	У него самого и у родителей. Родовое. Благороднѣе. Родовое. Благороднѣе.		У жены, будучи вѣнчанъ. Родовое. Благороднѣе.		Гдѣ получалъ воспитаніе и окончилъ ли онъ какой-нибудь курсъ науки, когда въ какомъ вѣстунствѣ, казеннъ чиновн., въ какомъ должностяхъ и гдѣ проходилъ службу; не было ли у него какихъ особенныхъ по службѣ дѣланій или отличій; не были ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награжденъ, и въ какое время; сверхъ того, если находилъ поводъ судить или казенно, то каковы были оправданія и признаны вѣнчанья; то каковы и за что именно были отданы оному и чѣмъ дано окончено? По окончании курсовъ въ Сербійскомъ Политехническомъ училищѣ, с преемствъ на службу въ Сербійскую Полиграфическую Империальную Машинную фабрику Белградскую Императорскаго Вѣдомства ввѣренъ сепаратомъ вѣнчанъ и назначенъ къ исполненію должности Исполнительнаго Управляющаго Машинной фабрикой въ вѣдомствѣ Императорскаго Сената Прокурора въ Туркійскіе Секретари, состоявшій въ Назначенъ Секретаремъ Переводникомъ.

Рис. 3. Послужной список надворного советника С.А. Батыршина.
ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 5. Д. 245. Л. 46 об.

№ 1

5 августа 1869 г. – Отношение военного губернатора Тургайской области генерал-майора Л.Ф. Баллюэка⁵ министру внутренних дел генерал-адъютанту А.Е. Тимашеву об увольнении со службы и высылке из г. Оренбурга советника Тургайского областного правления С.А. Батыршина

№ 94

Конфиденциально

Высочайше утвержденное в 21-й день октября 1868 г. временное положение об управлении киргизами при успешном своем введении в Восточной части вверенной мне области встретило противодействие на Западе со стороны табынцев⁶ и степных киргизов чиклинского рода⁷. Недовольные опирались на отнятое будто бы у них право свободного кочевания, рекрутство и стеснение в их религии. Не подлежит сомнению, что религиозный вопрос был поднят фанатизмом внешнего духовенства со стороны хивинцев и оренбургских татар, влияние которых должно было рушиться, так как киргизские муллы изъемяются из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания. Главными жетолкователями положения были муллы, которые для большого успеха распространяли слухи о рекрутстве и проч. Масса напуганного народа стала бессознательно откочевывать к югу, конокрады, пользуясь смутами, начали более дерзко заниматься грабежами и партии их заметно возростали. Обстоятельства эти вынудили меня отправиться в область и заняться как разъяснением самого положения, так и открытием волостей, где они еще не были закончены. Правильное толкование дела возбудило доверие со стороны киргизов и они сами отчасти выяснили свои недоразумения. В бытность мою на р. Чийли я удостоверился в неправильных действиях состоявшего при мне в качестве переводчика советника Областного правления коллежского советника Батыршина⁸, вследствие происков его к подрыву в глазах народа значения уездных властей, вредных слухов и толкований, распускаемых им между киргизами и вообще противодействия со стороны его к спокой-

⁵ Баллюэк Лев Федорович (1822–1879) – военный и государственный деятель России XIX в., дипломат, первый постоянный представитель (министр-резидент) России в Китае, генерал-лейтенант, в 1869–1877 гг. – военный губернатор Тургайской области.

⁶ Здесь имеется ввиду *табын* – казахский род один из семи подразделений племени *жетыру* Младшего жуза.

⁷ Здесь имеется ввиду *шекты* – крупный род казахов Младшего жуза один из подразделений племени *алимулы*.

⁸ В переписке военного губернатора Тургайской области и оренбургского генерал-губернатора между собой и МВД С.А. Батыршину приписывается чин коллежского советника, хотя он к тому времени имел чин надворного советника и в который был произведен еще 8 февраля 1862 г.

ному введению нового Положения. Усилив надзор за ним, я успел открыть его замысел. Киргизы, служившие его же орудием, показали, что он возбуждал еще зимою народ не принимать Положения. Имея сношения с муллами, которых он тоже руководил, своим вкрадчивым характером хотел он приобрести настолько расположения народа, чтобы со стороны киргизов была инициатива к ходатайству: 1) о назначении начальником уездов чиновника из мусульман; 2) об учреждении должности особого муфтия для степи, имея при этом тайною целью занять одну из этих должностей, благодаря массе приверженцев, которую он стремился составить себе в среде киргизов. Результатом действий Батыршина был приезд депутации к генерал-губернатору от некоторых степных киргизских родов с просьбою о назначении муфтия и чиновников из мусульман, но о ходатайстве этой депутации генерал-губернатор был заранее мною предупрежден, просьба их не была удовлетворена и, тем не менее, киргизы этих родов приняли Положение совершенно спокойно. Раскрыв действия Батыршина, я тотчас же удалил его из степи в Оренбург, после чего дело заметно подвинулось и ускорило открытие остальных волостей. Хотя советник Батыршин за свои действия подлежит формальному суду, но имея ввиду не только затруднительность подобного рода следствия в степи, но и политический вред, который может произойти от огласки в среде мусульман через расследование тех враждебных к правительству целей, к которым стремился Батыршин, я нахожусь вынужденным прибегнуть к мере, указанной в пункте б) 1239 статьи, по продолжению 1863 статьи, часть 1, том III «Устава о службе по определению правительства», «Свод законов», изд. 1857 г., вследствие чего уволив советника Батыршина от исполнения его служебных обязанностей, я нашел необходимым для пресечения ему способов к сношению с киргизами, удалить его из г. Оренбурга.

По докладу о сем господину генерал-губернатору, генерал-адъютант Крыжановский⁹ предварительно дальнейших распоряжений под предлогом увольнения советника Батыршина в отпуск выслал его в г. Мензелинск, учредив над ним секретный полицейский надзор.

О вышеизложенном имея честь донести вашему высокопревосходительству, долгом считаю покорнейше просить об увольнении коллежского советника Батыршина от службы согласно 3 пункта 268 статьи, том II «Свода гражданских законов», а вместе с тем и о высылке его на жительство в одну из внутренних губерний России под строгим полицейским надзором.

⁹ Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888) – генерал-адъютант, генерал от артиллерии, в 1865–1881 гг. – командующий войсками Оренбургского военного округа и оренбургский генерал-губернатор. С 1869 г. Н.А. Крыжановскому были подчинены вошедшие в Оренбургское генерал-губернаторство Уфимская, Самарская и Оренбургская губернии, Уральская и Тургайская области [6. с. 294–312].

О последующем не оставьте, ваше высокопревосходительство, почтить меня уведомлением. Формулярный список о службе советника Батыршина при сем представляется.

Военный губернатор,
свиты его величества генерал-майор *Баллюзек*

РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1869. Д. 32. Л. 1–3. Подлинник.

№ 2

18 августа 1869 г. – Отношение оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского министру внутренних дел генерал-адъютанту Тимашеву о высылке С. Батыршина в Уфимскую губернию и строгом полицейском надзоре

№ 48

Конфиденциально

Из конфиденциального донесения военного губернатора Тургайской области от 5-го сего августа за № 94 ваше высокопревосходительство изволите быть известны об открытых генерал-майором Баллюзеком противозаконных действиях состоявшего при нем в качестве переводчика советника Тургайского областного правления коллежского советника Батыршина и о противодействии со стороны последнего к спокойному введению нового Положения. Равным образом ваше высокопревосходительство изволили усмотреть из того же донесения, что по докладу мне о действиях Батыршина я предварительно дальнейших распоряжений почел нужным удалить Батыршина отсюда под предлогом увольнения в отпуск и выслать его в Мензелинск Уфимской губернии, где над ним учрежден секретный полицейский надзор.

Ныне начальник Уфимской губернии с донесения Мензелинского уездного исправника, на которого возложено было учреждение за коллежским советником Батыршиным самого строгого секретного полицейского надзора и наблюдение за сношениями и перепискою его доводить до моего сведения, что Батыршин при проезде в Мензелинск пробыл некоторое время в деревне Мастиевой Мензелинского уезда в доме Ислама Султанова. При этом принимая во внимание, что сношения Батыршина с Оренбургом, Троицком и Уральском по всей вероятности будут производиться на татарском языке, исправник просил разрешения на дозволение ему такую переписку Батыршина пересылать в канцелярию генерал-губернатора, а письма на русском языке предоставить контролировать ему. Начальник губернии в ожидании моего распоряжения предписал исправнику иметь строгое наблюдение за тем только, с кем именно Батыршин будет вести переписку.

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

Получив таковое донесение от начальника Уфимской губернии, я сделал распоряжение чтобы корреспонденция коллежского советника Батыршина была задерживаема, но для сохранения неприкосновенности переписки хранилась не распечатанною до решения, какое угодно будет сделать вашу высокопревосходительству о Батыршине по помянутому представлению свиты его величества генерал-майора Баллюзека за № 94.

Доволя о сем до сведения вашего высокопревосходительства, я имею честь покорнейше просить о последующем почтить меня уведомлением.

Генерал-адъютант *Крыжановский*

РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1869. Д. 32. Л. 4–5. Подлинник.

№ 3

19 августа 1869 г. – Предписание Оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского Тургайскому областному правлению о немедленном возвращении обратно в г.Мензелинск советника Тургайского областного правления надворного советника С.А. Батыршина

№ 53

Секретно

Известясь, что советник Областного правления коллежский советник Батыршин прибыл в Оренбург, прошу Областное правление с получением настоящей бумаги обязать Батыршина немедленно (сегодня же) отправиться обратно в г. Мензалинск, где и должен он оставаться впредь до получения моего приказа.

Об исполнении буду ожидать от Областного правления уведомления.

Генерал-адъютант *Крыжановский*
Управляющий канцелярией *Холодковский*

Помета. Получено 19 августа 1869 г. в 4 часа пополудни.

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 1. Подлинник.

№ 4

19 августа 1869 г. – Подписка С.А. Батыршина об исполнении предписания оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского вернуться в г. Мензелинск

Я, нижеподписавшийся советник Тургайского областного правления Батыршин, дал сию подписку сему Правлению в том, что содержание предписания господина оренбургского генерал-губернатора от 19-го сего

августа за № 53 мне объявлено и что вследствие оногo я обязываюсь сего дня же отправиться в Мензелинск и оставаться там впредь до получения приказа ния его высокопревосходительства.

Августа 19-го дня 1869 г.

Подписал надворный советник *Батыршин*.

При написании этой подписки в подлиннике присутствовали вице-губернатор Юрковский, советник Смольянинов.

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 4. Копия.

№ 5

5 сентября 1869 г. – Предписание министра внутренних дел генерал-адъютанта А.Е. Тимашева оренбургскому генерал-губернатору генерал-адъютанту Н.А. Крыжановскому

№ 141

Военный губернатор Тургайской области вошел ко мне с представлением об удалении коллежского советника Батыршина, обвиняемого в противодействии введению в Оренбургской степи нового Положения от должности советника Тургайского областного правления на основании пункта 3, статьи 268, II т. «Свода законов гражданских», ч. I (издание 1857 г.) и о высылке его на жительство в одну из внутренних губерний под строгий надзор полиции.

По важности подающего на коллежского советника Батыршина обвинения, предварительно каких-либо распоряжений желая знать мнение вашего превосходительства по сему предмету, я имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, сообщить мне ваше заключение по содержанию препровождаемого при сем представления генерал-майора Баллюэка за № 94.

Подписал: министр внутренних дел генерал-адъютант *Тимашев*

Скрепил: директор *Косаговский*

Верно:¹⁰

РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1869. Д. 32. Л. 6–6 об. Копия.

¹⁰ Подпись неразборчива.

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

№ 6

**21 сентября 1869 г. – Отношение Почтового департамента
в Департамент полиции исполнительной
о досмотре почты С.А. Батыршина**

№ 15031

Вследствие отношения от 13-го сего сентября за № 143 Почтовый департамент имеет честь уведомить Департамент полиции исполнительной, что вместе с сим предписано управляющему почтовой частью в Уфимской губернии сделать распоряжение, чтобы согласно с высочайше утвержденными 2 января 1864 г. «Правилами», простая корреспонденция, получаемая на имя советника Тургайского областного правления Батыршина, высланного под надзор полиции в г. Мензелинск и подвергнутого особому наблюдению, была представляема на предварительный просмотр главного местного полицейского начальства, наблюдению которого Батыршин поручен, денежную же, посылочную и страховую корреспонденцию, получаемую в Мензелинске на имя Батыршина предписано выдавать на общем основании по доверенностям получателя на повестках, но самые повестки предписано посылать из почтовой конторы не к получателю Батыршину, а к тому же местному начальству.

Вместе с сим дано знать управляющему почтовою частью, что корреспонденцию, предназначенную Батыршиным к отправлению по почте, следует самому Батыршину представлять главному местному полицейскому начальству, которое уже непосредственно от себя отправляло ее по почте, а в случае предосудительного содержания, задерживать.

Директор: барон *Вемо*
И.д. делопроизводителя¹¹

РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1869. Д. 32. Л. 8–9. Подлинник.

№ 7

**21 октября 1869 г. – Отношение Департамента общих дел
Министерства внутренних дел в Департамент полиции
исполнительной Министерства внутренних дел**

№ 26118

Вследствие отношения от 16 сего октября за № 174 Департамент общих дел имеет честь уведомить Департамент полиции исполнительной, что советник Тургайского областного правления коллежский советник Ба-

¹¹ Подпись неразборчива.

тыршин уволен 18-го сего октября от службы, о чем сообщено того же числа оренбургскому генерал-губернатору и будет объявлено в приказе по Министерству.

Директор¹²
Начальник отделения¹³

РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1869. Д. 32. Л. 11. Подлинник.

№ 8

11 ноября 1869 г. – Предписание оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского военному губернатору Тургайской области генерал-майору Л.Ф. Баллюзеку

№ 6812

Господин министр внутренних дел уведомляет меня, что советник Тургайского областного правления коллежский советник Батыршин уволен 18-го прошлого октября от службы на основании 3 п. 1239 ст. III т. «Устава о службе по определению правительства», о чем вслед за сим будет объявлено по Министерству внутренних дел. При этом генерал-адъютант Тимашев присовокупил, что о высылке коллежского советника Батыршина в одну из отдаленных губерний под строгий надзор полиции будет сделано особое распоряжение.

Сообщая об этом вашему превосходительству, вследствие происшедшей по сему предмету переписки, имею честь покорнейше просить вас войти ко мне установленным порядком с представлением о замещении открывшейся после Батыршина должности советника Областного правления.

Генерал-адъютант *Крыжановский*
Управляющий канцелярией *Холодковский*

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 4. Подлинник.

¹² Подпись неразборчива.

¹³ Подпись неразборчива.

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

№ 9

12 ноября 1869 г. – Отношение военного губернатора Тургайской области генерал-майора Л.Ф. Баллюзека оренбургскому генерал-губернатору генерал-адъютанту Н.А. Крыжановскому о назначении на должность советника Тургайского областного правления надворного советника В.Н. Плотникова¹⁴

№ 4731

Вместо уволенного от службы советника судного отделения Областного правления коллежского советника Батыршина имею честь покорнейше просить ходатайства вашего высокопревосходительства к назначению начальника Илецкого уезда надворного советника Плотникова, чиновника весьма способного, знакомого с гражданским делопроизводством и бытом киргизского населения. Формулярный о нем список при сем представляется.

Свиты его величества генерал-майор *Баллюзек*
Верно: и. д. помощника делопроизводителя¹⁵

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 6–6 об. Отпуск.

№ 10

2 декабря 1869 г. – Предписание оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского военному губернатору Тургайской области генерал-майору Л.Ф. Баллюзеку о высылке С.А. Батыршина в Архангельскую губернию

№ 7292

Господин министр внутренних дел просит меня сделать распоряжение, чтобы уволенный от службы коллежский советник Батыршин, со-

¹⁴ Плотников Владимир Николаевич (1833–16.02.1875) – из дворян, православного вероисповедания, коллежский советник (22.12.1871). После окончания Оренбургского уездного училища в августе 1848 г. поступил на службу писцом в Оренбургскую пограничную комиссию, в 1854 г. дослужился до должности столоначальника. В 1857 г. назначен попечителем прилинейных казахов Новолинейной дистанции, в 1862 г. – попечитель Уральской дистанции, в 1863 г. переведен на должность чиновника для контроля в степи. В его обязанности входил контроль за деятельностью «туземной администрации». С 1 января 1869 г. – начальник Илецкого уезда Тургайской области, с 18 декабря 1869 г. – советник Тургайского областного правления, с 7 октября 1872 г. – тургайский уездный судья. 14 июля 1867 г. награжден Императорским Обществом любителей естествознания при Московском университете большой серебряной медалью за альбом акварелей, отображающих быт казахов, экспонировавшегося на Московской этнографической выставке 1867 г. [4; 9, л. 1–11].

¹⁵ Подпись неразборчива.

гласно ходатайства моего, был выслан на жительство в Архангельскую губернию под строгий надзор полиции.

Сделав вместе с сим надлежащее распоряжение о высылке Батыршина в Архангельскую губернию, я имею честь уведомить об этом ваше превосходительство для сведения.

Генерал-адъютант *Крыжановский*
Управляющий канцелярией *Холодковский*

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 7. Подлинник.

№ 11

24 декабря 1869 г. – Отношение канцелярии оренбургского генерал-губернатора в Тургайское областное правление о высылке С.А. Батыршина в Архангельскую губернию

№ 7813

Начальник Архангельской губернии обратился к господину оренбургскому генерал-губернатору с просьбою о сообщении следующих сведений о высылаемом в вверенную ему губернию на местожительство под строгим надзором полиции, уволенном от службы коллежском советнике Батыршине:

1. имеет ли он собственные и какие именно средства к содержанию себя в Архангельской губернии или же должен пользоваться от казны пособием;

2. каких он лет, какой губернии уроженец и холостой или женатый, в последнем случае кто составляет его семейство, будет ли оно за ним следовать и за сим каких лет каждый член семейства.

Вследствие сего генерал-губернаторская канцелярия по приказанию его высокопревосходительства господина главного начальника края имеет честь покорнейше просить Областное правление сообщить ей по возможности в скором времени просимые архангельским губернатором сведения о Батыршине.

Управляющий канцелярией *Холодковский*
Начальник отделения *К. Ващенко*

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 8. Подлинник.

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

№ 12

28 декабря 1869 г. – Отношение Тургайского областного правления в канцелярию оренбургского генерал-губернатора

№ 5523

На отношение генерал-губернаторской канцелярии о 24-го сего декабря за № 7813 Областное правление имеет честь уведомить, что из послужного списка надворного советника Батыршина видно, что он уроженец Оренбургской губернии, 44-х лет и имеет одну только жену Наккаш Салихову, последует ли она с ним в г. Архангельск или нет, Правлению неизвестно, при этом не излишним считает присовокупить, что господин Батыршин имеет в г. Оренбурге двухэтажный дом, но ему ли он принадлежит или его жены, сведений об этом не имеется, а также Правлению неизвестно имеет ли он средства к содержанию себя. Единственная дочь Батыршина замужем за человеком состоятельным.

И.д. военного губернатора
Советник

Верно и. д. помощника делопроизводителя *И. Бобров*

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 9–9 об. Отпуск.

№ 13

1869 г. – Послужной список советника Тургайского областного правления надворного советника Сулеймана Алюковича Батыршина

I. Чин, имя, отчество и фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание. Надворный советник Сулейман Алюкович Батыршин, советник Тургайского областного правления, сорока четырех лет, магометанского исповедания. Имеет ордена Святой Анны 2-й степени с короной и без короны и 3-й степени, и Святого Станислава 2-й и 3-й степеней, знак отличия беспорочной службы за XV лет и темно-бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. Получает в год жалованья 933 р. 33 к., столовых 466–67. [Итого] 1400 р.

II. Из какого звания происходит. Из дворян.

Есть ли именование: у него самого и у родителей. *III. Родовое.* За матерью Оренбургской губернии в Стерлитамакском уезде дом.

IV. Благоприобретенное. Нет.

У жены, буде женат. *V. Родовое.* Нет.

VI. Благоприобретенное. Нет.

VII. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную: не было ль каких особенных по службе деяний или отличий, не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем и в какое время; сверх того если находясь под судом или следствием был оправдан и признан невиновным: то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено. По окончании курса наук в Оренбургском Неплюевском военном училище определен на службу в Оренбургскую пограничную комиссию толмачом с чином коллежского регистратора тысяча восемьсот сорок второго года мая четвертого дня. – 1842 г., мая, 4.

Допущен к исправлению должности младшего переводчика – 1844 г., мая, 29.

Утвержден младшим переводчиком – 1845 г., сентября, 1.

За выслугу лет указом Правительствующего Сената произведен в губернские секретари со старшинством с – 1846 г., мая, 20.

Назначен старшим переводчиком – 1850 г., июля, 21.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 24 сентября 1850 г. произведен в коллежские секретари со старшинством с – 1850 г., июня 21.

По засвидетельствованию начальства об отлично-усердной службе всемилоостивейше пожалован единовременно 300 руб. серебром, о чем сообщено Пограничной комиссии в предложении оренбургского и самарского генерал-губернатора июня 1853 года за № 1687.

По распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора, изъясненному в предложении Пограничной комиссии от 16 февраля 1854 г. за № 288, послан был в качестве переводчика при товарище председателя Комиссии подполковнике бароне Врангеле, командированном в Уральское укрепление по особенным надобностям службы. В командировке этой находился с 16-го февраля до 1-го июня 1854 г..

В том же году 21-го июля командирован в Среднюю часть оренбургских киргизов для побуждения местных властей к скорейшему найму верблюдов у степных ордынцев под транспортировку казенного провианта в степные укрепления, а потом послан товарищем председателя Пограничной комиссии подполковником бароном Врангелем, находящемся в то время по распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора в Уральском укреплении, по сему же делу в Аральское укрепление для поспешнейшего отправления оттуда транспортов в форт Перовский и в командировке этой пробыл по 1-е октября того же года.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 18-го сентября 1854 г. за № 187 произведен в титулярные советники со старшинством с – 1854 г., мая 26.

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

По распоряжению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора командирован в июле 1855 г. в воинские отряды, выступившие с Оренбургской линии в степь для преследования, рассеяния и наказания мятежной шайки киргиза Исета Кутебарова. В командировке находился с 3-го августа по 8-е ноября того года.

Согласно распоряжения оренбургского и самарского генерал-губернатора командирован в Москву приставом, при отправленных туда депутатах от Внутренней киргизской орды для бытности при коронавании их величеств государя императора Александра Николаевича и государыни императрицы Марии Александровны, где находился с 19-го июля по 19-е сентября 1856 г.

За отлично-усердную службу всемилостивейше награжден единовременно 350 руб. серебром, о чем сообщено Пограничной комиссии в предложении оренбургского и самарского генерал-губернатора от 20 сентября 1856 г. за № 1426.

По распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора назначен в 1857 г. в качестве пристава при бухарском посольстве для сопровождения его в Санкт-Петербург к высочайшему двору.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 24-го октября 1857 г. за № 202 произведен в коллежские асессоры со старшинством с – 1857 г., мая 26.

За отлично-усердную службу всемилостивейшее награжден орденом Святого Станислава 3-й степени – 1857 г., декабря 28.

По предложению оренбургского и самарского генерал-губернатора от 20 апреля 1858 г. за № 519 назначен в качестве драгомана при посольстве, отправленном в Хиву и Бухару.

Всемилоостивейше пожалован знак отличия беспорочной службы за XV лет – 1858 г., августа 22.

На основании всемилостивейшего манифеста 26 августа 1856 г. получил бронзовую медаль в память войны 1853 и 1856 годов – декабря 31.

Во внимание к отлично усердной службе всемилостивейше награжден полугодовым окладом жалования, о чем сообщено оренбургскому и самарскому генерал-губернатору в отношении товарища министра иностранных дел 26 января 1859 г..

По распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора назначен в 1859 г. приставом при бухарском посольстве для сопровождения его в Санкт-Петербург к высочайшему двору.

За отлично-усердную службу пожалован орденом Святой Анны 3-й степени, о чем сообщено Пограничной комиссии в предложении Азиатского департамента Министерства иностранных дел от 16 апреля 1859 г. за № 1183-м.

По распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора назначен переводчиком к состоящему чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе статскому советнику Плотникову, командированному во Внутреннюю орду для ревизии делопроизводства Временного совета той Орды, участков правителей, равно для собрания сведений о настоящем положении Орды во всех прочих частях ее хозяйства. В командировке этой находился с 19-го июня по 11 ноября 1861 г.

Указом Правительствующего Сената 8 февраля 1862 г. за № 39 произведен в надворные советники со старшинством с – 1861 г., мая 26.

За отлично-усердную службу всемилостивейше награжден единовременно 700 руб. серебром – 1862 г., мая 31.

По распоряжению Областного правления командирован в Затонный форпост для распределения земель между киргизами, кочующими против означенного форпоста, где находился с 19-го ноября 1862 г. по 9 марта 1863 г.

По распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора, изъясненному в предложении от 16-го апреля 1863 г. за № 495, исправлял должность советника Судного отделения и Временного стола по управлению Внутренней ордой с 18 апреля по 20 августа 1863 г.

За отлично-усердную службу всемилостивейшее пожалован орденом Святого Станислава 2-й степени – 1864 г., июля 17.

За отлично-усердную службу и тяжкие труды за время нахождения членом в высочайше учрежденной комиссии для распределения между уральскими казаками и киргизами угодий долины левого берега р. Урал всемилостивейше пожалован орденом Святой Анны 2-й степени для нехристиан установленный – 1866 г., февраля 11.

Исправлял должность султана-правителя Западной части области с 1-го ноября 1865 г по 13-е марта 1866 г..

Исправлял должность советника Уголовного отделения с 10-го апреля 1868 г. по 22 января 1869 г..

За отлично-усердную службу всемилостивейше награжден орденом Святой Анны 2-й степени с императорскою короною – 1868 г., июня 21.

Приказом господина министра внутренних дел определен советником Тургайского областного правления – 1869 г., января 22.

X. Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно? – Не был.

XI. Был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и чем дело кончено? – Не был.

XII. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною? – Был в 1846 г. на 28 дней, в 1849 г. – на

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

14 дней, 1851 г. – на 28 дней, 1866 г. – на 28 дней и в 1867 г. – на 28 дней и на сроки являлся.

XIII. Был ли в отставке с награждением чином или без него, когда и с какого по какое время? – Не был.

XIV. Холост или женат, на ком и нет ли детей, кого именно, год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания? – Женат на Наккаше Салиховой, у них дочь Биби-Фатима, родившаяся 1849 г. февраля 25, выдана замуж. Жена и дочь магометанского исповедания.

Военный губернатор Тургайской области
свиты его величества генерал-майор *Баллюзек*
Советник *Смольянинов*
Исправляющий должность делопроизводителя¹⁶

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 5. Д. 245. Л. 46–60. Подлинник.

№ 14

4 января 1870 г. – Отношение оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского военному губернатору Тургайской области генерал-майору Баллюзеку о высылке С.А. Батыршина в Архангельскую область

№ 35

Вследствие происходившей переписки имею честь уведомить ваше превосходительство, что находившийся в г. Мензелинске под надзором полиции коллежский советник Батыршин, как доносит мне уфимский губернатор, отправлен в Архангельскую губернию 18 минувшего декабря.

Генерал-адъютант *Крыжановский*
Управляющий канцелярией *Холодковский*

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 10. Подлинник.

¹⁶ Подпись неразборчива.

№ 15

**16 июля 1877 г. – Отношение Ташкентского отделения
Государственного банка в Тургайское областное правление
о производстве С.А. Батыршина в следующий чин**

№ 1194

Государственный банк на представление Ташкентского отделения о производстве в следующий чин надворного советника Батыршина заметил, что господин Батыршин не мог быть включен в общий список по непоказанию в 9-й графе краткого списка согласно 542 ст. III т. «Свода законов» сведения от прежнего места служения о причине непредставления его к чину в срок. Поэтому Ташкентское отделение имеет честь покорнейше просить Областное правление уведомить Отделение в возможно скором времени: почему надворный советник Батыршин, служащий ныне переводчиком в Ташкентском отделении, не смог быть представлен в срок в следующий чин коллежского советника.

Управляющий¹⁷
Контролер¹⁸
Старший помощник контролера¹⁹

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 17–17 об. Подлинник.

№ 16

**5 октября 1877 г. – Отношение Тургайского областного правления
в Ташкентское отделение Государственного банка о причинах
непредставления С.А. Батыршина в следующий чин**

№ 3275

На отношение отделения от 16 июля сего года за № 1194 Областное правление имеет честь уведомить, что бывший советник Тургайского областного правления надворный советник Батыршин не был представляем к следующему чину потому, что до определения его советником, занимаемая им должность не давала ему права на производство. По поступлении же на должность советника господин Батыршин по распоряжению господина оренбургского генерал-губернатора, изложенному в предложении Областному правлению от 19 августа 1869 г. за № 53 был отправлен в г. Мензелинск, где и должен был оставаться впредь до особого распоря-

¹⁷ Подпись неразборчива.

¹⁸ Подпись неразборчива.

¹⁹ Подпись неразборчива.

Самигулин И.М. История одной фотографии. Превратности судьбы советника Тургайского областного правления Сулеймана Батыршина

жения господина генерал-губернатора. После этого господин оренбургский генерал-губернатор предложением от 11 ноября 1869 г. за № 6812 вследствие сообщения господина министра внутренних дел уведомил Областное начальство, что господин Батыршин уволен 18 октября от службы на основании 3 п. 1259 ст. III т. «Устава о службе по определению правительства». Причем главный начальник края присовокупил, что о высылке Батыршина в одну из отдаленных губерний под строгий надзор полиции сделано в то же время особое распоряжение.

Сообщая об этом Ташкентскому отделению Государственного банка, Областное правление присовокупляет, что господин Батыршин не был представлен к производству в следующий чин по положенным выше причинам.

Помощник делопроизводителя²⁰

ЦГА РК. Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 86. Л. 15–16. Отпуск.

№ 17

1891 г. – Из статьи Н.А. Середы «Из истории волнений в Оренбургском крае. (Материалы для истории последнего киргизского восстания). 1869–1879 гг. (Посвящается памяти Ол.Ив.Середы)»

VI. События в степи Тургайской области. Деятельность областной организационной комиссии. Погоня за Исетом Кутебаровым. Козел отпущения²¹

В Тургайской области волнение хотя и не достигло таких грандиозных размеров, как в области Уральской, но, тем не менее, и там пришлось прибегнуть к вооруженной силе, и если не для подавления поголовного мятежа, то для рассеяния и наказания отдельных шаек и скопищ бунтовщиков, появившихся в разных местностях Тургайской степи и для возведения Ак-Тюбинского укрепления, получившего свое название от урочища, на котором оно было построено.

С этой целью в степь тургайского ведомства были командированы в марте и мае следующие отряды: две сотни оренбургских казаков и рота стрелков в Уральское укрепление (что ныне г. Иргиз) для временного усиления гарнизона и для защиты Орско-Казалинского тракта от хищнических

²⁰ Подпись неразборчива.

²¹ Дела окружного штаба, неизданная записка «О беспорядках в степи в 1869 и 1870 гг.» и дела канцелярии генерал-губернатора.

шаек. Впоследствии одна из этих сотен и 18 стрелков (во второй половине августа) были посланы в пески Большие Барсуки в погоню за хищниками, угнавшими у жителей Иргизска (Уральского укрепления) до 300 лошадей. Сделавши более 300 верст, отряд этот успел захватить в Барсуках только несколько подозрительных лиц и скот из аулов, в которых нашлись две лошади из похищенного табуна. Потом обе сотни с ротою стрелков, трехфунтовым единорогом и тремя ракетными станками под командой начальника Иргизского уезда были двинуты 21 сентября на Большие Барсуки для рассеяния появившихся и скрывавшихся там хищнических шаек.

Однако же, отряду этому и теперь не удалось настигнуть ни одной из крупных партий мятежников, которые, получив сведения о движении отряда, успели бежать, частью к северу, спеша соединиться с мирными киргизами, чтобы избежать наказания за неповиновение, а частью бросились на Усть-Урт и далее в хивинские владения. Так что весь успех экспедиции заключился тем, что высланному отряду удалось отрезать и захватить несколько аулов непокорных киргиз, удалившихся на Усть-Урт.

По возвращении этого отряда (в октябре) в Уральское укрепление две сотни казаков были отправлены в Туркестан, а рота стрелков оставлена в укреплении для усиления на зиму гарнизона.

Другой отряд, состоявший из одной сотни оренбургских казаков, двинутый из г. Орска (29 апреля) в Уральское укрепление, был размещен с 29 мая по 1 октября по станциям Орско-Казалинского тракта для охранения его от мелких шаек грабителей и для наблюдения за сомнительным поведением туземных почтосодержателей. Затем и эта сотня на зиму для усиления гарнизона была передвинута в г. Иргизск, куда для той же цели был прислан взвод 8-й конной донской батареи.

В форт Карабутакский для усиления гарнизона также была выдвинута одна сотня оренбургских команд, находившихся в распоряжении степных укреплений, которая, простояв в форте с 22 мая до половины сентября, снова была разведена по укреплениям.

Из г. Илецка (бывшая Илецкая-Защита) также ранней весной были двинуты отряды в Тургайскую степь. Так, 5 мая выступил из Илецкой-Защиты значительный отряд (состоявший из 2-х рот оренбургского казачьего № 4 батальона, команды в 169 человек губернского батальона, одной сотни оренбургских казаков и 14 артиллеристов), под начальством флигель-адъютанта полковника графа Борха, отряду этому была поручена постройка Ак-Тюбинского укрепления. Начальник отряда Ю.А. Борх не только с успехом исполнил это поручение, но успел оказать и другие немаловажные услуги главному начальству, которых мы коснемся при оценке деятельности отрядных начальников войск, действовавших в степи.

В октябре две роты этого отряда вызваны на линию и распущены по домам, прочие же войска вошли в состав гарнизона вновь возведенного Ак-Тюбинского укрепления.

Другой отряд полковника Круторожина, состоявший из двух сотен оренбургских казаков при двух конных орудиях и выступивший из Илецка (6 мая), был послан для очищения от бродивших шаек пространства между реками Илеком и Большою-Хобдою. Но, не встретив ни одной партии мятежников, отряд захватил только семейство и имущество бывшего султана Хана Галия Арасланова сопричтенного местною администрацией еще в начале восстания к сонмищу бунтовщиков и тем, действительно, подвинувшего Арасланова принять участие в мятеже против того правительства, за верность которому погиб его отец*.

29 мая отряд этот соединился с войсками графа Борха, а с 12 июня большая часть этого отряда под начальством того же Круторожина при двух орудиях сопровождала организационную комиссию, бывшую под председательством генерал-майора Баллюзека, на вершину р. Ори, где на съезде чиклинских биев было принято новое «Положение» всеми чиклинцами и дюрткаринцами²², здесь комиссиею образовано 5 волостей из 11 000 кибиток.

При направлении действий областной организационной комиссии на вершины р. Хобды к кочующим здесь двум названным родам чиклинцев и дюрткаринцев, все усилия председателя комиссии были направлены к тому, чтобы склонить на свою сторону Исета Кутебарова, известного по бунту, поднятому им в пятидесятых годах, так как благоприятный или отрицательный исход дела комиссии зависел, по мнению тургайского военного губернатора, вполне от влияния Исета и того положения, в которое он станет по отношению к русской власти.

Хотя такое значение Кутебарова было явно преувеличено и, по нашему разумению, погоня за ним была не только излишнею, но даже вредною, придав в глазах ордынцев значительную долю авторитетности личности «Исетки», как зовут Кутебарова ордынцы, видевшие в нем до сих пор просто ловкого барантовщика²³ и лихого богатыря, но, тем не менее, желание военного губернатора приобрести расположение Исета вызвало серьезное

* В.Н. Плотников (бывший начальник Илецкого уезда) имеет в своих руках переписку Хана-Галия, которая может пролить свет на вынужденное участие Арасланова в мятеже. Нам остается только пожелать, чтобы письма эти скорее появились в печати.

²² Здесь речь идет о роде *торткара*, одном из шести подразделений племени *алимулы* Младшего жуза.

²³ *Барымта* (*баранта*) – насильственный угон скота, обычно производимый по решению суда биев с целью возмещения убытка или как акт возмездия за грабеж, убийство и другие преступления.

соревнование между новым иргизским уездным начальником²⁴ и чиновником Батыршиным, долго служившим в степи и желавшим также подслужиться начальству.

Каждому из упомянутых нами лиц, чтобы доказать свою полезность и значение в степи, хотелось привести Исета к военному губернатору, начальнику уезда хотелось на первых порах блеснуть своею умелостью обращаться с киргизами привлечением на свою сторону влиятельнейшего из них, а Батыршину в свою очередь желательно было склонением Кутебарова явиться к генералу Баллюзеку, гарантировать себе возможность получения места в новом управлении, выказавши всю неспособность нового уездного начальника, и снискать к себе доверие того народа, которым он призван управлять. Начались обоюдные интриги, как говорит предание, и военный губернатор несколько раз принужден был разочароваться увидеть Исета в назначаемый для этого день. Наконец, как рассказывают очевидцы (на ответственности которых лежит правдоподобность этого рассказа), уездному начальнику удалось одолеть своего противника, если верить рассказам, случилось это таким образом. К военному губернатору явился Курман-мулла, один из друзей Батыршина, успевший обнести своего друга в политической неблагонадежности, свидетельство друга оказалось полновесным, Батыршину произведен допрос и он был выслан из степи, но участь его, как политического преступника решена была после.

Вскоре по удалении Батыршина начальник уезда представил военному губернатору давно ожидаемого Исета Кутебарова, которого генерал Баллюзек принял очень милостиво и возвел в сан младшего помощника иргизского уездного начальника. Впоследствии за свою благонадежность Кутебаров получил перстень с начальнической руки и золотую печать, насколько же в действительности Исет был политически благонамерен, мы указываем ниже в главе об участии Хивы в последних беспорядках.

Покончив с чиклинцами и дюрткаринцами, организационная комиссия, возвратившись в Ак-Тюбе, откуда 23 июля выступила под прикрытием одной сотни оренбургских казаков на р. Большую Хобду для оконча-

²⁴ Возможно имеется ввиду Сергей Константинович Вогак, подполковник артиллерии (1869), родом из дворянской семьи, воспитанник Константиновского кадетского корпуса. 27 ноября 1868 г. на основании распоряжения оренбургского генерал-губернатора был назначен председателем организационной комиссии по введению в Иргизском уезде высочайше утвержденного 21 октября 1868 г. «Положения о степных областях», с 14 марта 1869 г. – начальник Иргизского уезда Тургайской области. За успешное выполнение задания, порученного этой комиссией, пожалован чин подполковника. 5 апреля 1871 г. С.К. Вогак переведен в Крымскую крепостную артиллерию. Награжден орденом Святого Станислава 3-й степени, медалями. Был женат на дочери 2-й гильдии купца Пояркова Варваре Михайловой, имел двух сыновей [8, л. 1–11 об.].

тельной организации Илецкого уезда. По окончании действий комиссии конвойная сотня была оставлена на р. Хобде до октября для обеспечения Тургайской области от набегов китинцев²⁵ и для наблюдения за перекочевкою из Тургайской области в Уральскую назаровцев и чуреневцев²⁶.

В октябре обе сотни и артиллерийский взвод без орудий (из отряда подполковника Круторожина) возвращены на линию, где сотни были распущены по домам и орудия остались в Ак-Тюбе с прибывшими туда пешими артиллеристами.

Возвращаясь к дальнейшей судьбе чиновника Батыршина, по удалении его из степи как неблагонадежного человека в политическом отношении, мы позволяем себе представить читателю краткую характеристику этого политического преступника.

Сулейман Аллюкович Батыршин долгое время служил в качестве переводчика при областном правлении ведомства оренбургских киргиз, затем он был командирован в степь, где исполнял обязанности одного из султанов-правителей, затем был советником и теперь находился при военном губернаторе. Человек он был робкий, недалёкого ума, доброго сердца и, как все ему подобные был по-своему усердным и, пожалуй, как утверждают его враги, не совсем в безгрешных доходах чиновником, но зато блистал отсутствием не только политических, но и всяких других тенденций и убеждений. Так что ему и во сне не снилось быть когда-либо политическим агитатором, роль которого приписана была ему впоследствии. Словом, Батыршин был обруселый татарин-чиновник, личность очень обыденная, даже плоская, каких можно много встретить в русских присутственных местах, и в политическом смысле совершенная ничтожность. Рассказывают, что одно из главных обвинений взводимых на Батыршина, было якобы его желание сделаться киргизским муфтием. Но по нашему мнению, уже одно это обстоятельство показывает всю недалёковидность, всю недалекость и узость его политических взглядов, которые едва ли были ему присущи. Скорее же всего Батыршин, если и желал быть муфтием, то чисто помимо всяких политических целей, сан этот соблазнял его своею доходностью и почетным положением. Наконец, Батыршин, как татарин не мог иметь влияния на киргиз, которые вообще не любят татар, самое обстоятельство выдачи его головой местному начальству доказывает всю несостоятельность влияния его на Орду и совершенную безопасность для русского правительства. Между тем, генерал-адъютант Крыжановский решил применить к Батыршину тягчайшее наказание. Оренбургский генерал-губернатор, убежденный в необходимости удалять из степи административным порядком лиц, виновных в составлении шаек, подстрекательстве киргиз к неповиновению и т. п. вредных поступках, хотя бы против таких лиц и не имелось очевид-

²⁵ Имеется ввиду род *кете* казахов Младшего жуза.

²⁶ *Назар* и *шурен* – крупные подразделения казахского рода *шекты* Младшего жуза.

ных юридических улик в их виновности, испрашивал высочайшего соизволения на таковое удаление сих лиц в отдаленные места степи, так как удаление виновных и подозреваемых в упомянутых преступлениях в губернии Оренбургского края не послужило бы, по мнению начальника края, к совершенному разъединению высланного лица с Ордою.

Министр внутренних дел в ответ на это представление уведомлял (от 22 ноября 1869 г.) генерал-адъютанта Крыжановского, что государь император соизволил на применение этой меры, но с тем, говорилось далее, чтобы меру эту считать временною и чтобы лица, завиняемые и подозреваемые местным начальством в подобных важных преступных намерениях, высылались на житье в северные губернии России, кроме сибирских, под надзор местных полиций, без назначения, однако ж, времени пребывания их там и с предоставлением ходатайства о возвращении их на родину по ближайшему усмотрению генерал-губернатора.

Вот эту-то тяжкую меру наказания и применили к Батыршину, сослав его из Уфимской губернии, куда он был выслан на первых порах, в губернию Архангельскую, где он и живет до сих пор*.

Погоня за Исетом Кутебаровым, кончившаяся так плачевно для Батыршина, покрыла лаврами главу его противника, о деятельности которого было в свое время заявлено в следующих сильных выражениях: «В ряду мер вразумления киргиз мирным путем (гласит отчет), принятых главным начальником края и увенчавшихся самыми благоприятными последствиями, находится посылка начальника Иргизского уезда Тургайской области к киргизам чиклинского рода» и т. д. Последствием поездки уездного начальника, по мнению отчета, было принятие влиятельным и богатым родом чиклинцев нового «Положения», которому впоследствии покорился и глава этого рода батыр Исет Кутебаров, принявший звание помощника уездного начальника.

Итак, соперник Батыршина был вознесен за свою деятельность «властями предержажими», хотя и не удержал за собой впоследствии своего поста, на долю же Батыршина выпала незавидная роль «козла отпущения».

Если последнее предположение несправедливо, то отчего бы оренбургскому начальству не предать было Батыршина гласному суду?

Русская мысль. Октябрь. Кн. IX. М., 1891. С. 74–78.

* Есть достоверные слухи, что господин Батыршин получил разрешение жить во всех губерниях Российской империи, кроме соприкасающихся со степью. Впоследствии господин Батыршин получил полное прощение и право службы.

1902 – Из исторического очерка А.И. Добросмыслова
«Тургайская область»

...В начале июля Тургайская степь была уже настолько покойна, что сам военный губернатор Баллюзек отправился на вершину р. Ори, хотя и под прикрытием значительного отряда Круторожина, для образования волостей из родов, главным образом, шекты и тур-кара и выполнил это с полным успехом, образовав из 11 000 кибиток 5 волостей. Здесь, между прочим, заметим, что генералу Баллюзеку удалось окончательно привлечь на свою сторону известного убийцу султана-правителя Средней части Араслана Джантюрина батыра Исета Кутебарова, которого он тут же назначил младшим помощником уездного начальника, а начальник края скоро наградил его золотым перстнем с начальнической рукою и печатью, хотя благонадежность его была крайне сомнительной. При последнем деле невинно пострадал советник Областного правления Сулейман Алюкович Батыршин, родом из татар. Этот человек принимал деятельное участие в склонении Кутебарова подчиниться законным властям и был оклеветан перед Баллюзеком муллою Курманом и, вероятно, уездным начальником. Батыршина сначала сослали в Уфимскую губернию, а затем в г. Онегу Архангельской губернии, где он пробыл 5 лет, а затем получил прощение и право службы и жил в г. Ташкенте, занимая должность члена городской управы.

Известия Оренбургского отдела РГО. Вып. 17. Тверь, 1902. С. 470.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011. 296 с.
2. Девель Т.М. Альбом фотографий миссии Н.П. Игнатъева в Хиву и Бухару 1858 г. // Страны и народы / под ред. М.Н. Богомолова. СПб., 1994. Вып. XVIII. География, этнография, история, культура. С. 259–271.
3. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. О почетных и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. 9 августа 1917 г. Т. 8. Часть 2 / Сост., предисловие, комментарии и указатели Б.Т. Жанаева. Алматы, 2006. 962 с.
4. Масанов Э.А. Новые сведения о В.Н. Плотникове // Советская этнография. 1965. № 2. С. 157–161.
5. Савинова Т.Н. Памятные даты Оренбургской области. Январь. Антон Степанович (Стефанович) Муренко (1837–1875), поручик, военный фотограф. URL: <https://orenlib.ru/kray/calendar/a-2035.html> (дата обращения: 03.03.2020).
6. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство им. Донковцева», 2014. 448 с.

7. Султангалиева Г.С. Деятельность татарских переводчиков и толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Научный Татарстан. 2009. № 4. С. 125–138.

8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. И.–25. Оп. 2. Д. 192.

Сведения об авторе: Самигулин Ильяс Минсалихович – архивист высшей категории РГУ «Центральный государственный архив» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан (А05А1Т7, пр. Абая, 39, Алматы, Республика Казахстан); cga_rk@mail.ru

**HISTORY OF ONE PHOTOGRAPH.
UPS AND DOWNS OF TURGAI PROVINCE ADMINISTRATION
COUNSELOR, SULEYMAN BATYRSHIN'S LIFE**

I.M. Samigulin

*Republican State Institution “Central State Archive”
of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Republic of Kazakhstan
cga_rk@mail.ru*

The article presents a selection of archive documents from the funds of the Republic of Kazakhstan Central State Archive (Almaty) and the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) about the ups and downs of the career of a nobleman Tatar from the Orenburg Province, interpreter Suleyman Alyukovich Batyrshin. He was assigned challenging and high-profile tasks by the Orenburg Border Commission. For instance, in 1856, he accompanied a delegation of Kazakhs of the Inner Horde to Moscow to take part in the coronation of Emperor Alexander II; in 1858, he was a participant of aide-de-camp N.P. Ignatyev's military-diplomatic mission to Hiva and Buhara; in 1865–1866, he held the office of sultan-governor of the Western part of the Orenburg Kazakhs Province. For his hard work S. Batyrshin was awarded with Orders of St. Anna and St. Stanislaw of the 2nd and 3rd degrees and money rewards. In 1869, he was appointed a counselor of the Turgai Province administration, later he was maligned, fell into disfavour of his superiors, was dismissed from the service and without charge or trial was deported to the Arkhangelsk Province under the strict control of the police.

Keywords: Tatars, interpreters, rebellion, Yeset Kutebarov, archive documents

For citation: Samigulin I.M. History of one photograph. Ups and downs of Turgai province administration counselor, Suleyman Batyrshin's life. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 151–179. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.151-179

REFERENCES

1. Dluzhnevskaya G.V. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Tsentral'noy Azii i Sibiri v 1859–1959 gg.* (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noy kul'tury RAN) [Archeological research in Central Asia and Siberia in 1859–1959 (based on the documents of the Russian Academy of Sciences Research Archive of the History of Material Culture)]. St. Petersburg, 2011. 296 p. (In Russian)
2. Devel T.M. Al'bom fotografiiy missii N.P. Ignat'eva v Hivu i Buharu 1858 g. [Album of photographs of N.P. Ignatyev's mission to Hiva and Buhara in 1858]. *Strany i narody* [Countries and peoples]. Ed. M.N. Bogomolov. Issue 18. *Geografiya, etnografiya, istoriya, kul'tura* [Geography, ethnography, history, and culture]. St. Petersburg, 1994, pp. 259–271. (In Russian)
3. *Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv.* O pochetnykh i vliyatel'neishih orduntsah: alfavitniye, imennyye, formulyarniye i posluzhniye spiski. 12 noyabrya 1827 g. 9 avgusta 1917 g. [The history of Kazakhstan in the Russian sources of the 16th–20th centuries. On honorable and the most influential members of the Horde: alphabet. Name, record of service and employment lists]. Vol. 8. Part 2. Comp., introduction and commentary and indexes B.T. Zhanaeva. Almaty, 2006. 962 p. (In Russian)
4. Masanov. E.A. Novkiye svedeniya o V.N. Plotnikove [New information about V.N. Plotnikov]. *Sovetskaya etnografiya – Soviet Ethnography*, 1965, no. 2, pp. 157–161. (In Russian)
5. Savinova T.N. Pamyatniye daty Orenburgskoy oblasti. Yanvar'. Anton Stepanovich (Stefanovich) Murenko (1837–1875), poruchik, voennyi fotograf [Memorable dates of the Orenburg Province. January. Anton Stepanovich (Stefanovich) Murenko (1837–1875), lieutenant, military photographer]. Available at: <https://orenlib.ru/kray/calendar/a-2035.html> (accessed 03.03.2020). (In Russian)
6. Semenov V.G., Semenova V.P. *Gubernatory Orenburgskogo kraya* [Governors of the Orenburg Territory]. Orenburg, Donkovtsev Orenburg Book Publ. House Ltd., 2014. 448 p. (In Russian)
7. Sultangalieva G.S. Deyatel'nost' tatarskikh perevodchikov i tolmachey Orenburgskoy pogranichnoy komissii v Kazahskoy stepi (XVIII–XIX vv.) [Work of tatar translators and interpreters of the Orenburg Border Commission in the Kazakh Steppe (the 18th–19th centuries)]. *Nauchniy Tatarstan – Scientific Tatarstan*, 2009, no. 4, pp. 125–138. (In Russian)
8. Tsentral'niy gosudarstvenniy arkhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. F. I.–25. Op. 2. D. 192.

About the author: Ilyas M. Samigulin is a master-level archivist, Republican State Institution “Central State Archive” of the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan (39, Abay Ave., Almaty A05A1T7, Republic of Kazakhstan); cga_rk@mail.ru

Новые книги

УДК 94(575.1)

DOI: 10.22378/he.2020-5-1.180-184

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «А.Э. ШМИДТ: БИОГРАФИЯ, НАУЧНАЯ ПЕРЕПИСКА, ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ, БИБЛИОГРАФИЯ»

Б.А. Алимджанов

*Институт Востоковедения им. Абу Райхана Беруни
Ташкент, Республика Узбекистан
felix_1985@mail.ru*

В 2018 г. отмечались столетний юбилей первого университета в Средней Азии, создание Туркестанской АССР и окончание Первой мировой войны. Все эти события переплелись с судьбой А.Э. Шмидта (1871–1939) – востоковеда, исламоведа, организатора науки и человека с непростой судьбой. О нем написано довольно много, но так подробно, как в рецензируемой монографии еще никогда. В книге раскрыты все стороны его личной жизни и научной деятельности Шмидта. Ее составитель Р.И. Беккин во многом прав, когда связывает все неудачи А.Э. Шмидта с духом времени и политикой советского правительства. В этом ключе прописана биография профессора – «резистенция» востоковеда-организатора науки, который защищает академичность петербургского востоковедения школы барона В.Р. Розена (факультет восточных языков Санкт-Петербургского Императорского университета).

Ключевые слова: Туркестан, А.Э. Шмидт, востоковедение, Ташкент, Санкт-Петербург, университет, ислам

Для цитирования: Алимджанов Б.А. Рецензия на монографию «А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография» // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 180–184. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.180-184

«Реформы» советского правительства в сфере гуманитарной науки в 20-е гг. XX в. стали ощутимым ударом по «имперским» востоковедам и историкам, которые не смогли приспособиться к новым реалиям и запросам новой власти. В таких условиях «донкихотство» А.Э. Шмидта очень сложно объяснить только его принципами «академичности». Профессор защищал интересы востоковедения в Ташкенте – его право на существование модели школы барона В.Р. Розена на «периферии». Такое понима-

ние задачи востоковедения (ориенталистики) в 1920-е гг. привело к определенным последствиям. Замечу, авторы слишком позитивно трактуют научную деятельность Шмидта в Ташкенте. Считаю, что этот этап творчества ученого прописан авторами довольно «чувствительно», т.е. с «позиций» самого исследователя.

Биография А.Э. Шмидта разделена на две части: петербургскую и ташкентскую. Петербургский этап творчества описан очень подробно. Здесь магистр Шмидт загружен неакадемической работой, ему не позволяют возглавить учебную часть МИДа. Но в Ташкенте его жизнь складывается более удачно: он становится ректором Туркестанского института востоковедения, деканом САГУ. Авторы трактуют деятельность профессора этого времени как сопротивление «националам» и советскому правительству, которое проводило активную политику «коренизации» в советском Узбекистане. В книге [1], к сожалению, не освещается в достаточной мере советская политика «коренизации» и, кажется, автор, критикует эту позицию Советов. Фактически мало показана роль местных интеллектуалов-джадидов в жизни Александра Эдуардовича и в духовно-интеллектуальной жизни Ташкента. Образ профессора как единственного борца за сохранение Туркестанского восточного института и востоковедения в целом, слишком схематичен и неубедителен. Виктимизация образа Шмидта привела к тому, что складывается такое представление, что все действия советского правительства в сфере науки и просвещения были неправильными и губительными для развития «академического» гуманитарного знания. Я понимаю, что советское правительство ограничивало академическую «свободу», идеологизировало науку и незаконно репрессировало многих известных учёных. Но дело не только в преступлениях власти, как это отразилось в некоторых научных исследованиях. «Дело» А.Э. Шмидта является одним из показательных для понимания политики власти, когда шёл процесс «деколонизации» науки и разворачивалась борьба против «имперски» мыслящих учёных. Некоторые среди них были нужны некоторое время советскому правительству для организации науки в среднеазиатских республиках. Но такие «попутчики» от науки стали ненужными во второй половине 20-х гг. XX в. (их арестовали в начале 1930-х гг.), но авторы это не учитывают. Как и то, что со во второй половине 30-х гг. XX в. востоковеды снова стали востребованными (особенно иранисты). Это произошло из-за того, что Иран стал играть важную роль во внешней политике СССР, и ученых использовали для создания национальных историй советских республик Средней Азии [2, с. 108–167].

Биография А.Э. Шмидта скрупулёзно описана в рецензируемой монографии. Ее авторы с использованием огромного пласта новых материалов, в основном переписки профессора с бароном В.Р. Розеном, А.Н. Самойловичем, И.Ю. Крачковским, В.В. Баргольдом. Корреспонденция пролила свет на неизвестные страницы жизни Александра Эдуардовича и объясняет его взаимоотношения с коллегами по цеху, его тревоги и страхи. Еще одна осо-

бенность книги – использование в ней метода устной истории для восстановления ранее неизвестных страниц из жизни А.Э. Шмидта. Эту работу проделал известный ташкентский историк Р.Н. Шигабдинов. Он опросил внуков профессора и собрал уникальные фото из семейного архива.

Отдельно стоит остановиться на статье Р.Н. Шигабдинова «А.Э. Шмидт и Коран ‘Усмана: возвращение мусульманской святыни в контексте политики, науки и религии» (стр. 247–266). Ташкентский историк подробно описывает роль А.Э. Шмидта в «операции» возвращения Корана и непростые отношения профессора с местным духовенством Средней Азии. В статье показаны разные позиции властей, духовенства и самого Александра Эдуардовича по отношению к исламской святыне. Одно становится ясно: в первой половине 1920-х гг. советское правительство гибко реагировало на запросы духовенства, шло на уступки, и, в конечном счёте, оно контролировало религиозную ситуацию в Средней Азии.

Как уже отмечено, основная ценность и новизна рецензируемой монографии в том, что она написана на основе переписки А.Э. Шмидта со своими петербургскими/ленинградскими коллегами. Корреспонденция показывает, что профессор никогда не прекращал отношения с ними. Для него Ташкент был «филиалом» розеновской школы. А сам он выступал своеобразным «миссионером» петербургского востоковедения на Востоке. Этот своеобразный «ориентализм» Александра Эдуардовича мешал ему стать «своим» в ташкентской интеллектуальной элите. Не зафиксировано ни одного случая, когда он близко общался с ее представителями. Исключим здесь А.А. Семенова, М.С. Андреева, Н.П. Остроумова, И.И. Умнякова и В.Л. Вяткина (некоторым из них А.Э. Шмидт давал нелестные отзывы). Речь идет о джадидах и духовенстве Ташкента, Самарканда и Бухары с которыми у Шмидта не было «диалога». Правда, упомянем литературный анализ первого романа «Прошедшие дни» А. Кадыри сыном Александра Эдуардовича.

«Ностальгию» А.Э. Шмидта по духовной жизни академической школы Петербурга можно прочесть в его письмах. Он постоянно приглашает ленинградских учёных А.Н. Самойловича, С.Е. Малова читать лекции в Ташкенте. К сожалению, сам профессор не подготовил ни одного преемника из числа местных «националов» и не отправил ни одного из них учиться в Ленинград. Конечно, он имел учеников и последователей (об этом подробно рассказывается в монографии), но никто из них не продолжил научную деятельность в Ташкенте по разным причинам. Возможно, если бы профессор имел последователей среди местной национальной интеллигенции, его не постигли бы печальные события 1930-х гг.

Несомненно, вклад профессора А.Э. Шмидта велик в развитии исламоведения как науки, так и как самостоятельного направления в востоковедении. В Узбекистане, в городе Ташкенте в 2018 г. открылась Международная исламская Академия. Наследие и опыт петербургской востоковедческой традиции способствуют ее развитию, как и исламоведению в Цент-

Алимджанов Б.А. Рецензия на монографию «А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография»

ральной Азии и в сопредельных странах, в том числе в Российской Федерации. Рецензируемая монография станет одним из первых результатов сотрудничества российских и узбекистанских специалистов в области ислама. Считаю, что рецензируемая книга должна стать настольной книгой всех интересующихся отечественным востоковедением и историей науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография / Автор-сост. Р.И. Беккин. М.: ООО «Садра», 2018. 504 с.

2. Бустанов А.К. Ножницы для среднеазиатской историографии: «восточные проекты» ленинградского востоковедения // Ориентализм vs Ориенталистика. Сб. статей. Сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016. С. 108–167.

Сведения об авторе: Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович – кандидат исторических наук, докторант Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни (100170, ул. Мирзо-Улугбека, 79, Ташкент, Республика Узбекистан); felix_1985@mail.ru

REVIEW TO MONOGRAPHY “A.E. SCHMIDT: BIOGRAPHY, SCIENTIFIC CORRESPONDENCE, SELECTED WORKS, BIBLIOGRAPHY”

B.A. Alimdjanov

*Abu Raykhan Beruni Institute of Oriental Studies
Tashkent, Republic of Uzbekistan
felix_1985@mail.ru*

2018 was the year marking the 100th anniversary of the first university in Central Asia, the foundation of the Turkestan ASSR, and the end of the First World War. All these events are intertwined with the life of A.E. Schmidt (1871–1939), an orientalist, Islamic scholar, organizer of science, and a person with a difficult fate. Quite a lot has been written about Professor A.E. Schmidt, but none of the previous works considers the subject in such detail as in the given monograph. The monograph covers all aspects of his biography and scientific work. The author R.I. Bekkin is largely right relating A.E. Schmidt’s failures to the spirit of the times and the Soviet government policies. In this vein, the biography of Professor A.E. Schmidt represents the “resistance” of the orientalist and the organizer of science who defends the academic nature of Baron V.R. Rosen’s St. Petersburg Oriental School (Faculty of Oriental Languages, St. Petersburg Imperial University).

Keywords: Turkestan, A.E. Schmidt, Oriental Studies, Tashkent, St. Petersburg, University, Islam

For citation: Alimdjanov B.A. Review to monography “A.E. Schmidt: biography, scientific correspondence, selected works, bibliography”. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 180–184. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.180-184

REFERENCES

1. *A.E. Shmidt: biografiya, nauchnaya perepiska, izbrannye trudy, bibliografiya* [A.E. Schmidt: Biography, scientific correspondence, selected works, bibliography]. Author-compiler R.I. Bekkin. Moscow, Sadra Publ., 2018. 504 p. (In Russian)
2. Bustanov A.K. Nozhnitsy dlya sredneaziatskoy istoriografii: «vostochnye proekty» leningradskogo vostokovedeniya [Scissors for Central Asian historiography: “Oriental projects” of Leningrad oriental studies]. *Orientalism vs Orientalism*. Compiled by V.O. Bobrovnikov, S.J. Miri. Moscow, Sadra Publ., 2016, pp. 108–167. (In Russian)

About the author: Bakhtiyor A. Alimdjanov is a Candidate of Science (History), a postdoctoral student at Abu Raykhan Beruni Institute of Oriental Studies (79, Mirzo-Ulughbek St., Tashkent 100170, Republic of Uzbekistan); felix_1985@mail.ru

УРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА В «ГАБДУЛЛА ТУКАЙ. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

3.3. Рамеев

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
zufarzanuni@yandex.ru*

«Габдулла Тукай, Энциклопедия» (Казань, 2016) – первая персональная писательская энциклопедия на татарском языке. В размещенных в ней энциклопедических статьях и справках идет речь о различных сторонах жизни и творчества классика татарской литературы Габдуллы Тукая (1886–1913). Поскольку девятилетний сирота Габдулла в 1995 г. был привезен в город Уральск и прожил там 12 лет, вырос и стал знаменитом поэтом, публицистом, журналистом, сатириком и общественным деятелем, почти в половине всех статей энциклопедии анализируется его уральский период жизни и творчества: произведения (стихи, статьи, фельетоны и т.д.), взаимоотношения с родственниками, с К. Мутыги, М. Тухфатуллиним, Г. Амруллой, работа в редакциях татарских газет и журналов г.Уральска в годы революционных событий 1905–1907 гг. В статье подчеркивается, что авторы стремились дать оценку событиям и человеческим взаимоотношениям объективно, кратко и по существу. В анализируемой книге учтены достижения тукаеведения последних лет.

Ключевые слова: Тукай, поэт, энциклопедия, статья, Уральск, татарский язык, Пушкин, Мутыги

Для цитирования: Рамеев 3.3. Уральский период жизни и творчества поэта в «Габдулла Тукай. Энциклопедия» // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 185–190. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.185-190

В 2016 г. в Казани вышла в свет первая персональная литературная (писательская) энциклопедия на татарском языке, подготовленная в основном научными сотрудниками Института языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан и Казанского федерального университета – «Габдулла Тукай. Энциклопедия» (Казань, 2016. 864 с.) [3]. Она посвящена жизни и творчеству Габдуллы Тукая (1886–1913), который за свою короткую жизнь – 27 лет – успел проявить себя как выдающийся поэт, сатирик, публицист и общественный деятель, способствовавший обновлению татарского литературного языка. В пять лет, оставшийся круглой сиротой, он в конце 1894 г. волею судеб оказался в Уральске, в семье родной сестры отца (Газизы Усмановой), учился в медресе «Мотыгия» и в русско-

татарской школе, а с 1905 г. начал работать в редакциях татарских газет и журналов этого города и уже до отъезда в Казань (октябрь 1907 г.) стал знаменит как поэт и публицист. В Уральске он провел двенадцать лет. Все это, безусловно, должно было кратко и достойно отразиться в анализируемой энциклопедии. Инициатор ее создания Н.Г. Юзиев учел это и при подготовке словника [2]. В нем приводятся названия около 3500 статей и справок, которые должны были найти свое место в будущей энциклопедии (указаны и примерные объемы статей). Из них, связанных с пребыванием и деятельностью Тукая в Уральске, оказалось около 1200. При обсуждении словника (весной 1998 г.) высказывались и критические замечания, которые должны были устраниваться в процессе работы.

Энциклопедия создавалась почти двадцать лет (притом, вне плана научных исследований бюджетных учреждений¹). В это время изучение творчества Г. Тукая продолжалось, появились новые факты о жизни и литературных устремлениях поэта. Особенно активно их обсуждали во времена его юбилеев – 115-летия, 120-летия (2006 г.), 125-летия (2011 г.), в ходе торжественных мероприятий, в том числе и в Уральске. Наконец-то вышло академическое полное собрание сочинений Тукая в шести томах (Казань, 2011–2016), подготовленное текстологами Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, появились монографические исследования и тематические сборники. Заметно активизировались ученые Уральского западно-казахстанского государственного университета имени М. Утемисова, татарская общественность Уральска. Здесь в качестве дара от татарского народа, Президента Татарстана Минтимера Шариповича Шаймиева народу Казахстана был установлен памятник (бюст) поэту, начал действовать музей. Необходимо отметить большую организаторскую работу в этом направлении профессора Разака Абдрахмановича Абузярова, председателя Евразийского центра Габдуллы Тукая (до 2017 г. Уральского центра Габдуллы Тукая, организованного в 1995 г.) [1, с. 206]. По его инициативе прошли научно-практические конференции в Уральске с участием ученых из Татарстана, Казахстана и других стран. Вышла монография Р.А. Вафеева «Господинъ издатель» (Уральск, 2011), где весьма тщательно проанализирован уральский период деятельности Камиля Мутыги-Тухфатуллина (1883–1941) – журналиста, издателя и редактора татарской газеты «Фикер» («Мысль»), журналов «Аль-гасруль-джадид» («Новый век») и «Уклар» («Стрель»), на страницах которых Тукай проявил себя как поэт, сатирик, пламенный публицист. Были обнаружены многочисленные факты о жизни поэта в Уральске, о К. Мутыги, единомышленниках и недоброжелателях. Лаконично, сжато написанные статьи должны были вобрать основные факты о жизни и творчестве Тукая, установленные за столетнюю историю, включая современные открытия.

В предисловии к энциклопедии («Вниманию читателей») сообщается, что феномен Тукая в ней раскрывается в статьях и справках, написанных по восьми тематическим направлениям. Значительное место занимают статьи, посвящен-

¹ Лишь в 2014–2016 гг. тема была включена в план научно-исследовательских работ ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ.

ные произведения поэта (стихотворным текстам и публицистическим статьям). Их около 780. Почти половина из этих произведений создана в г.Уральске. Они в академическом шеститомнике занимают половину первого тома и весь третий том, 50 страниц четвертого тома и половину пятого тома. Общее количество «уральских» текстов Тукая – 360.

Революционные события в 1905–1907 гг. проходили в Уральске и в области. В это время Камиль Мотыги-Тухфатуллин начинает издавать периодическую печать на татарском языке. Тукай с большим желанием включился в это дело, стал основным автором публикаций (многие из них выходили под псевдонимами, часто анонимно). Его произведения отвечали на злобу дня, были остро полемичными, критичными, часто в них использовались приемы сатиры и юмора. В жанровом отношении произведения, написанные поэтом в Уральске, разнообразны – лирические стихи [4, с. 358], публицистические статьи, фельетоны, сатирические тексты, вольные переводы 75 басен Крылова. В статьях, написанных специально для анализируемой энциклопедии, лаконично освещается история подготовки произведений Тукая, связь с реалиями тогдашней бурной жизни города и страны. Их авторы старались объективно отразить позицию поэта по тому или иному вопросу. Часть стихов уральского периода (25 наименований) написана на старотатарском языке, что затрудняло осмысление их поэтических особенностей, выявление их оригинальности. Авторы ушли от идеологизированного, однобокового толкования тукаевских текстов.

Отдельное тематическое направление энциклопедии – это краткий анализ взаимоотношений Г. Тукая с родственниками, друзьями, товарищами, учителями, реальными людьми, которые проживали в те времена в Уральске и в той или иной мере имели отношения к жизни и творчеству поэта. Сам он не оставил подробных, биографических свидетельств о своей жизни в этом городе. Первая часть его известной документальной повести «Что я помню» (опубликована в 1909 г.) заканчивается описанием первого дня прибытия в Уральске. Вторая часть, к сожалению, не увидела свет (хотя поэт намеревался ее написать). В этой связи авторам энциклопедии пришлось опираться на свидетельства уральцев, живших в то время. В недавно вышедшем двухтомном сборнике воспоминаний современников [6] о поэте представлены воспоминания этих людей. Учитывая значительность тех или иных фактов, были написаны и энциклопедические статьи. Особенно информативны среди них раздел «Мотыги Тухфатуллин» и «Камиль Мотыги-Тухфатуллин». В них представлены важные моменты истории взаимоотношений Тукая с имам-хатибом, мудarrisом медресе «Мутыгия» М. Тухфатуллиным, его сыном Камилем Мутыгий. Не остались без внимания авторов отдельные уральцы, ставшие объектами критики со стороны Тукая (например, имам и мудarris Гайнутдин Джалалетдинов, миллионеры Хайрулла Гадельшин, отец и сын Муртаза и Садык Губайдуллины). Тукай, занимая активную жизненную позицию, в своих публичных печатных выступлениях и в публицистике напрямую высказывал суждения по многим вопросам, волновавшим читателей. Но исследователи не навешивают ярлыки (как это происходило в годы советской власти), а кратко и доступно разъясняют позиции конфликтующих сторон.

В Уральске жили представители многих национальностей. Татары по численности занимали третье место, второе – казахи, а основное население – русские (казаки). Проучившись в русско-татарской школе, Тукай в Уральске овладел русским языком (в такой степени, что смог сделать вольные переводы 75 басен И. Крылова), познакомился с произведениями классиков русской литературы, через них и с некоторыми европейскими, а в годы учебы в медресе – с шедеврами восточных литератур. Он имел собственное мнение о состоянии национальных литератур. Так, в апреле 1907 г. приводя три четверостишия неизвестного казахского автора², Тукай заявил, что «в поэзии татары отстали даже от казахов». Он много общался с казахскими интеллигентами. Это в той или иной мере отразилось и в его поэзии, публицистической и общественной деятельности, прежде всего в публикациях в газете «Фикер» и в журнале «Аль-гасруль-джадид». В анализируемой энциклопедии такая сторона его деятельности нашла отражение в статьях «Урынгали», «Абай», «Акмулла», «Крылов», «Пушкин», «Пушкинский дом», «Толстой».

В энциклопедию включены статьи об уральцах, внесших заметный вклад в изучение творческого наследия Г. Тукая. Это, прежде всего, доктор педагогических наук, профессор Западно-Казахстанского государственного университета имени М. Утемисова, организатор многих мероприятий, посвященных Тукаю (семи научно-практических конференций, инициатор установки бюста Тукая в Уральске, реставрации дома Мутыгуллы Тухфатуллина и открытия в нем Музея Тукая, восстановления Красной мечети), Разак Абдрахманович Абузяров. Он как ученый внес определенный вклад в научное изучение творческого наследия поэта. Например, он первым начал изучать евразийские источники в поэзии Тукая, отметив «его роль как выразителя духа исламского ренессанса» [5, с. 10].

Энциклопедические статьи написаны и о Рафике Измайловиче Нафигове, профессоре Казанского университета, авторе монографий «Тукай и его окружение» (Казань, 1986) и «Наш Тукай: Новые страницы из жизни Тукая» (Казань, 1998), многочисленных статей; о Рустаме Аниловиче Вафееве, архитекторе, художнике, который написал монографию «Господин издатель» (Уральск, 2012); о Камиле Мутыги-Тухфатуллине, известном просветителе, журналисте, издателе четырех татарских периодических изданий, который создал возможности Тукаю для раскрытия таланта поэта, журналиста, публициста.

Авторы энциклопедических статей стремились представить читателю и сведения о памятных местах Уральска, о топонимах, связанных с жизнью и с деятельностью поэта. В них охарактеризована деятельность музея Тукая, открытого в 2009 г. по инициативе общественных организаций Уральска.

Тукаевская энциклопедия – это первый опыт татарских ученых по созданию персональной энциклопедии. Знакомясь с размещенными в ней материалами, особенно с «уральскими», читатель, возможно, обратит внимание и на некоторые упущения, спорные моменты в интерпретации отдельных фактов. Думаю, что со временем этот труд выйдет в свет в русском переводе, в ходе подготовки которого они будут устраняться. Тогда же можно будет учесть и

² К сожалению, татарские ученые не смогли установить авторство.

Рамеев 3.3. Уральский период жизни и творчества поэта
в «Габдулла Тукай. Энциклопедия»

новейшие публикации о Тукае. Уже два года спустя после выхода Тукаевской энциклопедии тукаеведы ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова издали новые материалы о жизни и творчестве Тукая [4], в которых освещены годы его детства, прошедшие в Заказанье и Казани, его взросление и становление как поэта и публициста в Уральске. В настоящий момент начата работа над второй и третьей частями этого проекта, в которых будут освещены события и факты казанско-го периода жизни и творчества Габдуллы Тукая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абузяров Р.А., Каримов Т.А. История Евразийского центра Габдуллы Тукая. Уральск: Издательский центр и СМИ ЗКГУ им. М. Утемисова, 2011. 206 с.
2. Габдулла Тукай. Энциклопедик сүзлек-белешмә (мәкаләләр һәм белешмәләр исемлеге) / Төзүчеләр Н. Юзиев, Р. Ганиева, М. Әхмәтжанов, З. Рәмиев, Ф. Яхин. Казан, 1998. 78 б.
3. Габдулла Тукай. Энциклопедия / Баш. мөх. З.З. Рәмиев. Казан: ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. 864 б.
4. Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая (1886–1907) / Ред. М.И. Ибрагимов. Казань: Изд-во ИЯЛИ АН РТ, 2018. 448 с.
5. Проблемы формирования языковой личности казахстанца (россиянина) на основе идей паритетного евразийства (на материале исламского ренессанса). Уральск: Издат. Центр и СМИ ЗКГУ им. М. Утемисова, 2009. 85 с.
6. Тукай – ядкәрләрдә: 2 томда / Төзүчеләр Р.Ф. Исламов, Ж.С. Миңнуллин. Казан: Жыен, 2015. 1 т. 968 б.; 2 т. 720 б.

Сведения об авторе: Рамеев Зуфар Зайниевич – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Карла Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); zufarzayni@yandex.ru

**URALSK PERIOD OF THE POET'S LIFE AND CREATIVITY
IN "GABDULLA TUKAI. ENCYCLOPEDIA"**

Z.Z. Rameev

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
zufarzayni@yandex.ru*

Gabdulla Tukai. Encyclopedia (Kazan, 2016) is the first personal writer's encyclopedia in the Tatar language. The encyclopedic articles and references in the book depict various sides of the Tatar literature classic, Gabdulla Tukai's life and creativity (1886–1913). As the nine-year-old orphan Gabdulla was brought to Uralsk in 1995, lived there for 12 years, grew up and became a famous poetm publicist, journalist,

satirist, and public figure there, almost a half of the encyclopedia articles analyze his Uralsk period of life and creativity: written works (poems, articles, feuilletons, etc.); relationships with his relatives, also with K. Mutygi, M. Toukhvatullin, and G. Amrulla; his work in editorial offices of Tatar newspapers and magazines of the city of Uralsk during the years of 1905–1907 revolutionary events. It is emphasized in the article that the authors made an attempt to evaluate the events and personal relations factually and objectively. The book under consideration takes into account all the recent developments in Tukai studies.

Keywords: Tukai, poet, encyclopedia, article, Uralsk, Tatar language, Pushkin, Mutygi

For citation: Rameev Z.Z. Uralsk period of the poet's life and creativity in "Gabdulla Tukai. Encyclopedia". *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 185–190. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.185-190

REFERENCES

1. Abuzyarov R.A., Karimov T.A. *Istoriya Yevraziyskogo tsentra Gabdully Tukaya* [The history of Gabdulla Tukai Eurasian Centre]. Uralsk, M.Utemisov WKSU Press-service and Publ. Centre, 2011. 206 p. (In Russian)
2. *Gabdulla Tukai. Entsiklopedik syzlek-beleshmä (mäkalälär häm beleshmäler isemlege)* [Gabdulla Tukai. Encyclopedic reference-dictionary (a list of articles and references)]. Comp. by N. Yuziev, R. Ganieva, M. Äkhmätjanov, Z. Ramiev, F. Yakhin. Kazan, 1998. 78 p. (In Tatar)
3. *Gabdulla Tukai. Entsiklopediya* [Gabdulla Tukai. Encyclopedia]. Ed. Z.Z. Ramiev. Kazan, Institute of Language, Literature and Arts of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 864 p. (In Tatar)
4. *Materialy k khronike zhizni i tvorchestva Gabdully Tukaya (1886–1907)* [Materials for the chronicles of G. Tukai's life and creativity (1886–1907)]. Ed. M.I. Ibragimov. Kazan, Institute of Language, Literature and Arts of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 448 p. (In Russian)
5. *Problemy formirovaniya yazykovoy lichnosti kazakhstantsa (rossiyanina) na osnove idey paritetnogo yevraziystva (na materiale islamskogo renessansa)* [Problems of a Kazakhstani's (Russian's) language personality formation on the basis of Eurasianism parity ideas (on the materials of Islamic renaissance)]. Uralsk, M. Utemisov WKSU Press-service and Publ. Centre, 2009. 85 p. (In Russian)
6. *Tukai – yädkärlärdä: 2 tomda* [Tukai in artifact: in 2 volumes]. Comp. by R.F. Islamov, J.S. Minnullin. Kazan, Jiyen Publ., 2015, vol. 1, 968 p.; vol. 2, 720 p. (In Tatar)

About the author: Zufar Z. Rameev is a Doctor of Science (Philology), Professor, Senior Research Fellow of the Literary Studies Department at Galimjan Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts of the Tatarstan Academy of Sciences (12, Karl Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); zufarzayni@yandex.ru

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2014–2022 годы)»

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2022)”

Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<http://historicaethnology.org>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2020. Том 5, № 1
HISTORICAL ETHNOLOGY, 2020, vol. 5, no. 1

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*
Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 15.04.2020 г. Дата выхода в свет 21.04.2020 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,0 Тираж 500 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru